9(С)1
Б 861

510700

А. Ш.

fo 5.7.88 Смородсков 43

510700

I-8-23

Д-ръ Евг. Серг. Боткинъ.

СВѢТЪ и ТѢНИ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904—5 гг.

(Изъ писемъ къ женѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1908.

Глубокоуважаемой
Графинѣ Маріи Федоровнѣ Шереметевой
съ чувствомъ неизмѣнной признательности,
сердечной преданности и искренняго почитанія
отъ Ев. Боткина

I-8-23

Д-ръ Евг. Серг. Боткинъ.

13/IV 908

Проверено 1936 г.

Ф 23452

СВѢТЪ и ТѢНИ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904—5 гг.

510700

ПР.-48.

(Изъ писемъ къ женѣ).

Уральская Областная Библиотека Фундаментальная

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1908.

9(С)1
Б 861
72

Уральский Индустриальный Институт
им. С. М. КИРОВА
Фундаментальн. библиотека
3729

Пр. 1940

Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рѣшаясь напечатать отрывки изъ своихъ писемъ съ театра войны, я, какъ само собою разумѣется, отнюдь не думалъ, что собралъ въ нихъ всѣ лучи свѣта, мощными снопами повсюду прорывавшагося сквозь безнадежный мракъ нашей минувшей несчастной кампаніи, или что со сколько-нибудь исчерпывающей полнотой настлалъ тѣ тѣни, изъ которыхъ образовался этотъ мракъ. Я хорошо понимаю, что набросалъ только рядъ свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ, которыя попадались на моемъ пути отъ начала и до конца войны.

Но мнѣ представляется, что, если-бы всѣ, бывшіе на этой войнѣ, поступили такъ-же и всѣ, сохранившіе о ней свои замѣтки или письма, сдѣлали-бы ихъ достояніемъ желающихъ, то изъ всего множества фактическихъ данныхъ, которое этимъ путемъ бы накопилось, и составилась-бы наиболѣе яркая и вѣрная картина пережитого Россіей испытанія.

Правда, условія походной жизни и интенсивной работы чрезвычайно препятствовали болѣе систематическому и подробному изложенію дѣлъ и событій. Поэтому, понятно, и мнѣ далеко не все удалось записать изъ того, что я видѣлъ и слышалъ,—да и не мало изъ написаннаго я предпочелъ, приготовляя свои письма къ печати, выпустить: иное успѣло уже устарѣть за тѣ два съ половиною года, которые отдѣляютъ насъ отъ портсмутскаго мира, другое, — напротивъ, еще слишкомъ свѣжо и остро, — многое, наконецъ, представляетъ совершенно частный или личный интересъ.

Особенную строгость проявилъ я при этомъ ко всякимъ слухамъ, стараясь по возможности ихъ избѣгать,

такъ какъ, по обыкновенію, они были большею частью или слабо или даже вовсе не обоснованы: въ настоящее время, когда мы видимъ огонь безъ дыма, не надо удивляться, что, вопреки пословицѣ, и дымъ бываетъ нерѣдко безъ огня.

Предлагаемые-же отрывки, хотя первоначально и не предназначались для печати, появляются именно въ томъ видѣ, какъ они были написаны мною подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, и представляютъ собой, такимъ образомъ, добровольное свидѣтельское показаніе передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

Ев. Боткинъ.

С.-Петербургъ.
1 марта 1908 г.

I.—Въ пути.

18-ое февраля 1904 г.

Мы ѣдемъ весело и удобно. Всѣ ѣдутъ за однимъ дѣломъ; всѣ военные совершенно покойно настроены; нѣтъ никакого разговора о возможныхъ опасностяхъ, всѣ даже веселы, и большинство рвется на войну.

По мѣрѣ приближенія къ Сибири, становится все теплѣе. На станціяхъ я выхожу иногда въ одной тужуркѣ, въ башлыкѣ и папахѣ. Сейчасъ здѣсь, въ Челябинскѣ, 9^0 мороза, воздухъ чудный, дорога прекрасная, солнце свѣтитъ, и лошадка летѣла стрѣлой. Интересно было посмотрѣть этотъ маленькій городокъ, въ которомъ однако все можно найти.

Преобладающее ощущеніе—будто со старой жизнью у меня все порвано, и я началъ новую; будто все, что было, осталось въ прошломъ, или было только сномъ,—что нѣтъ у меня ни семьи, ни Общины, ни старыхъ друзей, и что предстоитъ что-то новое, невѣдомое. Конечно, это чувство объясняется только полной отрѣзанностью отъ васъ, отсутствіемъ всякихъ о васъ извѣстій—и несомнѣнно только временное; но не одинъ я испытываю его, а также и капитанъ К., оставившій жену и пять человѣкъ дѣтей, причемъ младшему годъ съ небольшимъ. Первые дни онъ очень грустилъ, особенно по утрамъ, а добрѣйшій капитанъ Л., холостякъ, помѣщающійся въ одномъ съ нимъ купэ, участливо спрашивалъ его:

— Чѣмъ бы мнѣ развлечь васъ, голубчикъ?

Генералъ Р. обѣдаетъ за нашимъ „красно-крестнымъ“ столомъ и ко всѣмъ намъ относится удивительно мило. Ложась раньше всѣхъ, онъ первый и встаетъ, и, зная, что предоставленные себѣ, мы рискуемъ проспать даже обѣдъ, будитъ насъ, предупреждая о большихъ станціяхъ.

— Докторъ, извольте приказать себѣ встать! — разбудилъ онъ сегодня меня:—черезъ полчаса Каинскъ, и мы стоимъ тамъ 35 минутъ.

Днемъ онъ сегодня надъ картой Маньчжуріи обсуждалъ различныя возможности нападенія японцевъ, и это было очень интересно. Къ намъ присоединился еще одинъ офицеръ, хорошо знающій китайцевъ и ихъ языкъ; сегодня я учился у него этому языку и съ интересомъ слушалъ его разсказы. „Ига, лянга, санга, сыга, ура, люга, чига, пага, дзюга, шига“ значитъ: 1,2,3... 10. Встрѣчаясь съ новымъ человѣкомъ, китаецъ спрашиваетъ его: „Какъ твое дорогое имя?“; потомъ, вмѣсто привѣта, спрашиваетъ: „Кушалъ ты или не кушалъ?“ Отвѣчаешь: „Кушалъ“, т.-е.: „чи фанъ ля“. Потомъ задастъ вопросъ: „Сколько прекрасныхъ солицъ и лунъ заключаетъ въ себѣ твоя семья?“, на что полагается отвѣчать: „Грязныхъ поросятъ у меня столько-то“ (число дѣтей) и т. д. Чѣмъ возвышеннѣе и любезнѣе его вопросъ, тѣмъ униженнѣе долженъ быть отвѣтъ.

Въ Каинскѣ встрѣтили мы скорый поѣздъ, въ которомъ уѣзжали женщины и дѣти. На площадкѣ одного вагона мы увидали милаго мальчугана шести лѣтъ, съ которымъ разговорились.

— Какъ тебя зовутъ?
— Адя.
— Значитъ, Аркадій?
— Да нѣтъ, Адя!
— Да коротко что-то.
— Ну, Андрей Сергѣевичъ.
— А фамилія?
— Гонзинъ.
— Откуда ѣдешь?
— Изъ Портъ-Артура.
— Бомбардировку видѣлъ?
— Видѣлъ.
— Не страшно было?
— Нѣ-ѣтъ.
— Даже забавно было?
— Да, забавно.

— Что же, ты проснулся отъ шума?

— Да нѣтъ, вѣдь они и утромъ продолжали.

— А близко упала бомба?

— Нѣтъ, онѣ падали въ старомъ городѣ, который на берегу, а мы жили въ новомъ, который подальше.

Славный мальчикъ Адя. Когда поѣздъ тронулся, онъ мнѣ ласково кивалъ съ платформы, и я еще разъ пожалъ его лапку. Видимо, и на взрослыхъ бомбардировка не произвела особаго впечатлѣнія.

Наше время все больше и больше рознится отъ вашего: вчера уже мы опередили васъ почти на три часа.

21-ое февраля 1904 г.

Сегодня ночью пріѣзжаемъ въ Иркутскъ, гдѣ я и опущу, вѣроятно, это письмо. Простоимъ тамъ, кажется, часовъ пять съ половиною, и въ этомъ чудномъ поѣздѣ къ 9 ч. утра будемъ подвезены къ Байкалу. Это огромное удобство, которое намъ выхлопоталъ милѣйшій Вас. Вас. Уфъ, начальникъ поѣзда, всю дорогу насъ всячески оберегавшій и опекавшій.

Третій день равнина смѣнилась умѣренными возвышенностями съ очень недурнымъ сосновымъ и, отчасти, березовымъ лѣсомъ, но мѣстные жители ничего этого не снимаютъ, увлекаясь своими зданіями. Въ настоящее время мы ѣдемъ по району богатыхъ угольныхъ залежей, здѣсь же—родина нефрита и графита. Знаменитый Alibert имѣлъ здѣсь большое дѣло и роскошный дворецъ, но однажды уѣхалъ—и болѣе, говорятъ, не возвращался. Что съ нимъ сталось—здѣсь никто не знаетъ.

24-ое февраля 1904 г.

Только вчера телеграфировалъ тебѣ о переѣздѣ черезъ Байкалъ, такъ какъ въ Танхоѣ, куда привезли насъ, телеграфа нѣтъ, и мы ушли оттуда уже поздно, въ первомъ часу ночи. Самый переѣздъ былъ удивительно пріятенъ. Мы ѣхали въ большихъ кошевахъ по-двое, гдѣ обыкновенно ѣдутъ втроемъ, и было удобно до чрезвычайности. Я надѣлъ на рубашку шерстяную фуфайку, затѣмъ жилетъ, тужурку, лѣтнее пальто, башлыкъ на шею, папаху, доху, рукавицы, а на ноги—бурочные сапоги и валенки. Во всемъ этомъ я едва дышалъ — такъ было жарко. Погода мягкая, кругомъ по горизонту величественныя горы, окружающія громадную площадь снѣга, прорѣзанную тутъ и тамъ вагонами; они идутъ по рельсамъ, но помощью саней,

которыя везутъ двѣ лошади. Нужно признаться, что везутъ онѣ очень тихо, и никто, какъ будто, за ними не наблюдаетъ.

Нашего кучера, бурята, пятнадцатилѣтняго Ивана, подгонять не приходилось и, несмотря на чахлость своихъ трехъ лошадокъ, онъ совсѣмъ незамѣтно промчалъ насъ до станціи „Середина“, стоящей на 25-ой верстѣ по серединѣ озера. Дорогой я сладко дремалъ, и, когда открывалъ глаза, мнѣ казалось, что я вижу чудную сѣверную сказку.

Станція Середина — большой деревянный баракъ, снутри обитый войлокомъ и отлично отопленный. По стѣнамъ стоятъ длинные столы и скамейки. Закуска предлагается даромъ. Здѣсь мы встрѣтили рядъ обитателей Владивостока, покинувшихъ его еще до бомбардировки. Между прочимъ, ѣхали двѣ сестры, съ одной изъ которыхъ было семь человѣкъ дѣтей: старшій гимназистъ, а младшему—три недѣли, и мать сама его кормитъ. Мало того, онѣ везутъ еще съ собой четырехмѣсячнаго щеночка, который еще меньше, чѣмъ самый младшій членъ семьи. Ѣдутъ они очень благополучно. Такія семьи разсаживаются въ кошевахъ иначе, чѣмъ мы, не на сидѣнье, а прямо на дно ея, такъ что за ея высокой спинкой онѣ должны быть очень хорошо защищены отъ вѣтра.

Оставшіяся двадцать-двѣ версты пролетѣли еще незамѣтнѣе; мы обгоняли войска, не иззябшія, а шедшія бодро и весело. Ближе къ берегу, къ пристани Танхой, мы стали встрѣчать обозы Краснаго Креста, сперва Евгеніевской Общины, а потомъ и нашей, Георгіевской.

Слѣдующіе два дня, какъ я уже писалъ, прошли значительно вялѣе, но о голодѣ, все-таки, и рѣчи быть не могло, такъ какъ каждый день были станціи съ недурными буфетами для завтраковъ и обѣдовъ. Поѣздъ стоялъ всегда достаточно, чтобы всѣ могли насытиться, и цѣны совсѣмъ обычныя; но каждую порцію приходилось добывать съ боя, съ постояннымъ рискомъ или облить кого-нибудь щами, или самому быть облитымъ. „Услужающіе“ проявляли чудеса своего искусства: только-что ты уберегся отъ фазана, который пронесли надъ твоей головой, ты чувствуешь, что кто-то толкаетъ тебя въ ноги, и замѣчаешь, что между ними мальчишка проноситъ тарелку супа. Сегодня утромъ пріѣхали мы въ Маньчжурію.

II.—Въ Харбинѣ.

1 марта 1904 г.

Итакъ, съ неимовѣрной быстротой мы долетѣли вчера до Харбина. Осталось самое свѣтлое воспоминаніе обо всемъ путешествіи и обо всѣхъ спутникахъ.

Въ Харбинъ мы пріѣхали—какъ къ себѣ домой. На вокзалѣ насъ встрѣтили знакомые врачи и студенты. Александрòвскаго и меня повезъ къ себѣ докторъ Ф. А. Ясенскій, старый пріятель Александрòвскаго. Мы сразу попали въ уютную, теплую, благоустроенную квартирку стараго холостяка и очень милаго и гостепріимнаго человѣка. Поболтавъ до трехъ часовъ утра за кипящимъ самоваромъ, я улегся въ кабинетѣ, который уступилъ мнѣ любезный хозяинъ.

Утромъ всей компаніей Краснаго Креста ѣздили смотрѣть домà, намѣченные для нашего управленія и сестеръ милосердія, и затѣмъ всѣ поѣхали съ визитами къ здѣшнимъ властямъ; я же, не имѣя еще мундира, отщепился, когда ѣхали мимо хорошаго парикмахера-француза. У него отличное atelier съ громаднымъ трюмо на пять креселъ, выписаннымъ изъ Парижа, въ самомъ современномъ стилѣ. И это гдѣ же?—въ Харбинѣ! Пока я стригся, пришли два призванные изъ запаса, косматые и грязные, и пока одного стригли, другой его подзадоривалъ и говорилъ:

— Остригите его машинкой! обрѣйте ему усы!

— Валяй, брѣй мнѣ усы!

— Не надо,—говоритъ французъ.

— Прошу тебя, брѣй,—трудно что-ли?

И вышелъ онъ актеръ-актеромъ.

6-го марта 1904 г.

Сегодня предсѣдательница мѣстнаго комитета Краснаго Креста, К. А. Хорватъ, устроила Красному Кресту дневной спектакль въ китайскомъ театрѣ Николая Ивановича Ти-фун-тая. Съ китайскимъ театромъ я познакомился вчера вечеромъ, побывавъ вмѣстѣ съ друзьями даже въ двухъ театрахъ въ одинъ вечеръ. Это—большіе деревянные сараи съ партеромъ и ложами въ верхнемъ корридорѣ. Нижній составляетъ что-то вродѣ мѣстъ за колоннами. Мы получили лучшія мѣста въ одной изъ ложъ противъ сцены, и это стоило намъ по 60 коп.

Партеръ уставленъ маленькими четырехугольными столиками, за которыми сидятъ грязные и неблаговонные китайцы. На сто-

ликахъ, также какъ и на деревянныхъ перилахъ ложъ, стоятъ чашки, покрытыя блюдечками, съ насыпаннымъ уже чаемъ. Чай этотъ наливается кипяткомъ, долго не настаивается, остается мутнымъ и сильно пахнетъ пылью. Во все время представленія посѣтителей обносятъ сластями (за деньги) и между прочимъ обсахаренными китайскими (райскими) яблочками на тоненькихъ палочкахъ. Мы пробовали только ихъ и остались ими очень довольны. Китайцы все время ѣдятъ и пьютъ; по временамъ въ партерѣ поднимается паръ—это принесли темно-сѣрыя, повидимому, до крайности грязныя, смоченныя въ кипяткѣ салфетки, которыя и раздаются публикѣ. Китаецъ обтираетъ себѣ салфеткой руки, потомъ губы, потомъ лицо и иногда перекидываетъ салфетку другому. Затѣмъ салфетки отбираются, снова смачиваются и черезъ нѣкоторое время опять приносятся.

На сценѣ происходитъ совершенно непонятная кутерьма; люди входятъ и выходятъ, всѣ въ красивыхъ китайскихъ костюмахъ, и отчаянно выкрикиваютъ и вывизгиваютъ свои роли; актерамъ и актрисамъ, которымъ особенно много приходится кричать и визжать, подносятъ тоже время отъ времени чай. Лицедѣямъ приходится дѣйствительно сильно надрывать голосъ, такъ какъ они должны все время покрывать неустанно дѣйствующую музыку. Оркестръ въ этихъ театрахъ—несложный: одинъ играетъ на инструментѣ, подобномъ скрипкѣ, но съ одной струной; другой бьетъ, когда нужно, въ барабанъ, третій—въ тарелку и кастаньеты, четвертый—въ гонгъ, а пятый весь вечеръ неутомимо колотитъ двумя деревянными палочками по какой-то деревянной наковальнѣ. Вся эта какофонія не имѣетъ большею частью никакого мотива и, смотря по дѣйствію, то становится чуть-чуть потише, то бьетъ во всю. Изрѣдка раздается рожокъ или родъ флейты. Артисты кричатъ и визжатъ въ унисонъ съ оркестромъ, такъ что долго выдержать эту музыку совершенно невозможно. Китайцы же смотрятъ съ большимъ вниманіемъ цѣлыми часами подрядъ и иногда выражаютъ свое одобреніе громкимъ рыкомъ: „хау, хау“, что̀ значитъ—хорошо. Недурно выходятъ различныя декоративныя сцены и группы, да комики играютъ съ выразительностью, причемъ у нихъ носъ и окружность глазъ непремѣнно вымазаны бѣлымъ. Актрисы страшно нарумянены, даже ладони намазаны краснымъ, а мужчины почти всѣ съ привязными бородами, покрывающими и ротъ. Но часто женщины играютъ мужскія роли, а юноши—женскія. Декорацій не было никакихъ, и все изображалось жестами: когда должна была выйти чудная китаянка, комикъ сдѣлалъ движеніе, будто

поднимаетъ ворота и потомъ опустилъ ихъ за нею; когда хотѣли изобразить, что поѣхали верхомъ, взяли какія-то палочки и помахивали ими; когда поплыли по водѣ, взяли весло и гребли по воздуху. Совсѣмъ—игры нашей дѣтворы. Иногда эта передача дѣйствія переходитъ въ большой реализмъ.

Сегодня мы всѣ сидѣли въ партерѣ за длинными столами; театръ былъ устланъ коврами. Тѣмъ не менѣе, и несмотря на пальто, ноги у насъ замерзли, я прозябъ и, будучи не въ состояніи выносить музыкальнаго шума, готовъ былъ уйти, — когда прислуживавшіе намъ китайскіе полицейскіе стали разставлять бокалы, рюмки, затѣмъ раскладывать вилки, наконецъ, ножи. У меня былъ аппетитъ, и я остался. На большихъ деревянныхъ подносахъ принесли закуску, уже разложенную на блюдечки. На каждомъ изъ нихъ лежало четыре сорта закуски, а всего ихъ было семь, причемъ все было нарѣзано маленькими кусочками: кромѣ омара (съ кислымъ и сильнымъ запахомъ), ветчины, курицы, какой-то копченой рыбы,—здѣсь была прессованная икра (очень вкусная), семилѣтнія куриныя яйца, консервированныя въ извести, съ темнозеленымъ слоистымъ желткомъ и темнокоричневымъ студенистымъ бѣлкомъ (тоже вкусныя), маринованный бамбукъ (недурно) и отвратительная морская капуста, какіе-то студенистые червячки. Когда было замѣчено, что закуски кончаютъ, принесли еще по блюдечку. Послѣ этого въ чашкахъ подали супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ; это оказался прекрасный куриный бульонъ, съ густой, какъ войлокъ, студенистой вермишелью, — это-то и были вываренныя ласточкины гнѣзда, — по мнѣ невкусныя, но Ш. и ихъ съѣлъ до тла и еще другую порцію взялъ у сестры; я тоже съ удовольствіемъ выпилъ бульонъ изъ чашки сосѣда, котораго чуть не стошнило при одной мысли, что это—ласточкины гнѣзда.

Послѣ этого, наши сестры поднялись, и всѣ стали расходиться. Все это угощенье было приготовлено здѣшнимъ китайскимъ генераломъ Джоманъ, который принималъ гостей вмѣстѣ со своей женой. Были и другія важныя китаянки, всѣ очень старательно причесанныя, съ цвѣтами и разными украшеніями въ волосахъ. Каждую изъ нихъ вводила въ залъ ея служанка, при пріѣздѣ ихъ обѣ двери открывались настежь, и генералъ звалъ свою жену, которая шла гостьямъ на встрѣчу.

Привѣтствуютъ китайцы другъ друга безъ большихъ церемоній, а складываютъ руки лодочкой и немного потряхиваютъ ими по воздуху; чѣмъ больше уваженія заслуживаетъ та, которую привѣтствуютъ, тѣмъ ниже опускаются руки; дѣвушки и дѣти

при этомъ еще присѣдаютъ и, чѣмъ онѣ моложе, тѣмъ ниже. Нѣкоторыя гостьи пришли съ совсѣмъ маленькими и очень миленькими, притомъ красиво одѣтыми, китайчатами, съ которыми обращались съ большой нѣжностью. Уходя, я замѣтилъ, какъ одну изъ этихъ дѣтокъ кормили ласточкиными гнѣздами, „вправляя“ ей въ ротъ, по мѣткому выраженію одной изъ сестеръ, эту вермишель серебряной палочкой. Наканунѣ я видѣлъ, какъ одной изъ актрисъ, сидѣвшей въ боковой ложѣ, принесли грудного китайченка; она нѣжно завернула его въ свой халатъ, цѣловала и передала затѣмъ сидѣвшей съ ней рядомъ женщинѣ, которая тутъ же и покормила его грудью. Въ общемъ китайцы имѣютъ добродушный видъ, нѣкоторые даже недурны собой; къ намъ относятся съ благодушіемъ, но кто знаетъ, что̀ у нихъ въ дѣйствительности въ душѣ?!

13-ое марта 1904 г.

Харбинъ сталъ препорядочнымъ городомъ. Онъ раскинутъ на большомъ пространствѣ и дѣлится на три части. Такъ-называемый Новый Харбинъ выросъ, разумѣется, около желѣзнодорожнаго пути, такъ какъ для него только и существуетъ. Не будь войны и войскъ, для которыхъ онъ служитъ большой стоянкой, онъ бы производилъ впечатлѣніе совершенно лишняго. Новый городъ состоитъ изъ ряда низенькихъ домиковъ, выстроенныхъ изъ краснаго кирпича, похожихъ другъ на друга, какъ родные братья. Про нихъ остроумно сказалъ капитанъ Л., оглядывая ихъ ряды: „Вотъ, сколько домовъ, а если собрать всѣхъ обитателей ихъ, то можно всѣхъ помѣстить въ одномъ пятиэтажномъ домѣ, и тогда это былъ бы не городъ, а только домъ“. Дома эти такъ между собою схожи, что трудно найти свой. А. никакъ до сихъ поръ не можетъ узнать домъ, въ которомъ гоститъ у Я. Третьяго дня, онъ вечеромъ заѣхалъ въ общежитіе Краснаго Креста, чтобы его оттуда проводили; взялся одинъ изъ врачей и запутался окончательно. Много и мнѣ пришлось поплутать, пока не оглядѣлся. Дома всѣ казенные и потому подъ нумерами, но нумера ставятся не по порядку расположенія, а по порядку постройки,—поэтому № 91 оказывается между №№ 475 и 830. Извозчики улицъ совершенно не знаютъ, такъ какъ всѣ пріѣхали вмѣстѣ со своими развалистыми дрожками и упряжью съ пристяжкой изъ Одессы: всѣ мѣстные извозчики призваны, какъ запасные. За Новымъ Харбиномъ въ 4—5 верстахъ находится старый Харбинъ, съ китайскими фанзами, окруженными заборами изъ прессованнаго навоза съ глиной. Въ старомъ Харбинѣ помѣщается и управленіе пограничной стражи, и,

между прочимъ, была устроена отличная школа-пріютъ, въ которой были размѣщены наши сестры, такъ какъ школа, за выѣздомъ многихъ семей, прекратила свои дѣйствія. Помѣщены были тамъ сестры отлично, и вообще школка оборудована премило, и дѣтишки, которыхъ мы тамъ застали (три мальчугана), были очень симпатичны.

Третья часть города—за желѣзнодорожнымъ путемъ—называется пристанью. Это—торговая часть, съ улицами, полными китайскихъ лавокъ и большихъ русскихъ магазиновъ, гдѣ можно достать все, что̀ нужно.

Въ Новомъ Харбинѣ Краснымъ Крестомъ нанятъ большой трехъ-этажный домъ, построенный китайцемъ Вынь-ха-вынемъ, но попросту прозванный у насъ Вей-ха-веемъ. Здѣсь помѣщается управленіе главноуполномоченнаго, будемъ жить всѣ мы и сестры. Фельдшерскую школу въ Харбинѣ отдали намъ подъ складъ, а большія казармы барачной системы—подъ госпиталь. Въ каждомъ такомъ баракѣ могутъ помѣщаться по двѣсти человѣкъ, и такихъ у насъ будетъ шесть или семь. Теперь идетъ тамъ ремонтъ, приспособленіе—съ быстротой просто лихорадочной.

С. В. Александро̀вскій—по истинѣ молодчина: энергичный, находчивый, распорядительный, сообразительный и съ большимъ тактомъ. Онъ несомнѣнно умный человѣкъ и дѣлающій свое дѣло, ради дѣла, ничего изъ него не извлекая. Онъ—большой мастеръ узнавать людей, быстро раскусываетъ ихъ и очень объективно ихъ расцѣниваетъ. Благодаря этому, онъ умѣетъ обставить себя людьми и умѣетъ ими пользоваться. Онъ можетъ быть вспыльчивъ, но, повидимому, снисходителенъ къ тому, что̀ внѣ силъ даннаго субъекта, и не прощаетъ только нерадивости и недобросовѣстности.

Скажи отъ меня Мимулѣ, что дикихъ людей я не видалъ, но что, все-таки, китайскіе „ходи“, какъ зовутъ здѣсь всѣхъ простыхъ китайцевъ (по ихнему же), особенно нищіе, въ невообразимыхъ отрепьяхъ, достаточно дикообразны, и нужепъ неисчерпаемый запасъ любви и нѣжности русской души, чтобы не только говорить: „бѣдный ходя!“, какъ вчера ласково называлъ одинъ изъ истопниковъ китайца, грузившаго ночью нашъ поѣздъ,—но даже „ходюшка“.

III. — Въ Ляоянѣ.

22 марта 1904 г.

...Я очень спѣшилъ съ открытіемъ 1-го Георгіевскаго госпиталя и не спѣшить не могъ, такъ какъ Александровскій бомбардировалъ меня ежедневными телеграммами на эту тему, а военно-медицинскій инспекторъ умолялъ скорѣе немного освободить переполненный военный госпиталь.

Усадьба инженера Шидловскаго, Паю-Вернъ, отданная намъ подъ госпиталь, пресимпатичный и преуютный уголокъ, который лѣтомъ будетъ, вѣроятно, обворожительно милъ и красивъ, да и теперь даже красивъ. Въ немъ два двора; внутренній отдѣленъ живописными воротами; на дворахъ стоитъ нѣсколько столбовъ съ собаками, которыя должны изображать львовъ—одну изъ любимыхъ формъ воплощенія Будды. Во внутреннемъ дворѣ, въ глубинѣ—флигель для офицеровъ съ внутренними болѣзнями; за нимъ—отдѣльный для нихъ садикъ; налѣво покоеобразное зданіе (вчера открытое) хирургическое отдѣленіе; направо — домикъ сестеръ (съ большимъ балкономъ) и аптека. Въ первомъ дворѣ направо — терапевтическій флигель (тоже еще отдѣлывается), а налѣво—нашъ домикъ, окруженный садикомъ. Еще ближе къ воротамъ (внѣшнимъ) съ правой стороны — кухня, складъ провизіи и домикъ для китайцевъ, у насъ служащихъ, съ лѣвой—домикъ въ три окошечка, гдѣ амбулаторія, а между нимъ и нашимъ домикомъ—флигель для студентовъ и гостей. За рядомъ зданій правой стороны—бараки, въ которыхъ помѣщаются склады, санитары и наша общая большая столовая; наконецъ, ледники, закрома, конюшни, стойла и т. д. Вся усадьба обнесена высокимъ заборомъ, отъ котораго вглубь еще идутъ въ немаломъ количествѣ перегородки. Это обширное хозяйство сторожитъ караулъ, такъ что можешь быть за насъ совершенно спокойна.

Здѣсь настоящая весна, воздухъ чудный. Вѣдь Ляоянъ—на широтѣ Неаполя.

18 апрѣля 1904 года.

...Встаемъ мы рано: около восьми часовъ утра по всей усадьбѣ раздается гонгъ, при звукѣ котораго В. В. А., когда въ духѣ, начинаетъ пѣть „Славься“, что̀ выходитъ очень забавно. Д. быстро вскакиваетъ съ постели и начинаетъ умываться. Въ это время въ сосѣдней комнатѣ раздается веселое пѣніе Ш., насвистываніе и разговоры В. В. А. Я выкуриваю папиросу,

чтобы проснуться, и тоже встаю. Теплый весенній воздухъ оживляетъ меня, и я съ неизмѣннымъ удовольствіемъ наблюдаю типичныя утреннія сцены. Чай дается только до 9½ часовъ утра. Сейчасъ же начинаются безконечные переговоры съ С. В. Александровскимъ, писаніе телеграммъ, распредѣленіе отрядовъ и проч., ежедневно прерываемые разными лицами съ самыми разнообразными вопросами. Днемъ послѣ обѣда (въ 1½ ч.) продолжается то же, но къ помѣхамъ присоединяются частые посѣтители, иногда несомнѣнно интересные; въ 8½ ч.—ужинъ, телеграммы и сонъ. Въ промежуткахъ забѣгаешь въ больницу, что̀ удается далеко не каждый день, бѣгаешь по постройкамъ, подгоняешь работу. По вечерамъ нерѣдко бесѣдуемъ съ Д., который все жалуется на то, что его госпитальные запасы лекарствъ, консервовъ и проч. расхищаютъ, (приходится снабжать и войска, и наши же отряды).

IV.—Первые раненые.

27 апрѣля 1904 года.

Я нахожусь, наконецъ, дѣйствительно на войнѣ, а не на задворкахъ ея: въ трехъ верстахъ отъ лагеря, которымъ раскинулся летучій нашъ отрядъ, находятся самыя наши передовыя позиціи (Фенчулинскій перевалъ). Я сижу на нераскупоренныхъ мѣшкахъ нашего вьючнаго отряда; съ ящиковъ слабо свѣтитъ мнѣ фонарь съ краснымъ крестомъ; слѣва дѣловито и спѣшно жуютъ голодныя лошади, шурша ногами въ соломѣ и время отъ времени отъ удовольствія пофыркивая. Справа постепенно вялѣетъ и замираетъ предсонная бесѣда въ палаткахъ. Тьму, окружающую меня, прорѣзываетъ догорающій костеръ и два движущихся фонаря дежурныхъ санитаровъ, освѣщающіе ихъ колѣни и ноги, хвосты и морды лошадей. Спустилась тихая, мягкая, теплая ночь, будто оттого, что небо прикрыло землю куполомъ изъ темно-синей стали. Небо кажется здѣсь ближе къ землѣ, чѣмъ у насъ, и звѣзды блѣднѣе и мельче.

Мы расположились у подножія высокой горы, на берегу совсѣмъ мелкой, но быстрой рѣчки, дѣлающей, согласно китайскому обычаю, безчисленное количество изгибовъ. На другой сторонѣ рѣчки развернулся дивизіонный лазаретъ, составляющій одно изъ ближайшихъ къ полю сраженія медицинскихъ учрежденій (ближе—только полковые лазареты). Будемъ работать съ нимъ рука объ руку. И онъ, и мы вышлемъ въ бой еще по небольшому отряду, а здѣсь, гдѣ

сейчасъ стоимъ, будемъ перевязывать доставляемыхъ раненыхъ. На ближайшихъ къ намъ возвышенностяхъ (въ одной верстѣ) днемъ, какъ муравьи, чернѣютъ солдатики, укрѣпляющіе позицію. Эти возвышенія окружены высокими горами, покрытыми разнообразныхъ оттѣнковъ зеленью, среди которой, причудливыми букетами, брошены бѣлыя и розовыя цвѣтущія деревья. Вообще, здѣсь удивительно красиво. Дорога отъ Ляояна въ Лянь-шань-гуань, особенно послѣдній крутой и извилистый перевалъ—необыкновенно живописны.

Я выѣхалъ изъ Ляояна въ 11 часовъ вечера того дня, когда получилось извѣстіе о нашихъ тяжкихъ потеряхъ подъ Тюренченомъ. Такъ какъ ни зги не было видно, то я воспользовался любезно предоставленной мнѣ парной (съ пристяжкой) военной повозкой, приспособленной для раненыхъ, такъ называемой двуколкой, и улегся въ ней вмѣстѣ съ докторомъ К., который никогда верхомъ не ѣздилъ. Насъ сопровождали мой казакъ Семенъ и солдатъ, знавшій дорогу, которому я предоставилъ свою верховую лошадь. Конечно, я скоро задремалъ, несмотря на отчаянную тряску, и не давалъ себѣ спать крѣпко, только чтобы слѣдить за нашими верховыми, боясь нападенія на нихъ хунхузовъ. Тряска вышибала изъ-подъ головы подушку, а ногамъ было свѣжо, такъ какъ почи здѣсь холодныя, а та была къ тому же съ дождемъ и вѣтромъ, и я положилъ казенную подушку на ноги, а подъ голову—свернутую бурку и, проѣхавъ нѣсколько верстъ, уже не имѣлъ ея,—она выскочила изъ-подъ меня на радость прохожему. Въ дальнѣйшемъ пути такимъ же образомъ докторъ К. лишился своего сакъ-вояжа и былъ въ отчаяніи.

— Was haben Sie denn drin verloren?—спрашиваю.

— Ach! mein Kamm, meine Bürste, meine Seife, alles theuerste!

Я утѣшился, хотя казакъ, посланный за потерей, ничего не принесъ.

Въ три часа ночи мы пришли въ Сяолинцзы (полу-этапъ), гдѣ, найдя какую-то грязную подушку въ офицерскомъ отдѣленіи, я прямо на капахъ (это отапливаемыя каменныя нары) уснулъ сладкимъ сномъ, уткнувъ подушку въ уголъ. Не прошло и трехъ часовъ, какъ я вскочилъ, разбудилъ свою команду, осмотрѣлъ помѣщеніе для нашего лазарета и отправился дальше верхомъ. Это было одно наслажденіе: чудный воздухъ, чудные пейзажи, и милая бѣлая лошадка везетъ меня покойно по отчаянно каменистой дорогѣ, перенося черезъ безчисленные изгибы одной и

той же горной рѣчки. Ѣхалъ я и все вспоминалъ разсказанную тобой легенду о царѣ, повелѣвшемъ всѣмъ своимъ подданнымъ каждый вечеръ смотрѣть на звѣздное небо. Именно, миръ и любовь внушаютъ эти чудныя мѣста, а тутъ люди другъ друга вынуждены крошить...

Отъ Ляояна до Сяолинцзы—22 версты, отъ Сяолинцзы до перваго этапа Лян-дя-сянъ—18 верстъ. Тамъ мы отдохнули, пообѣдали, полюбовались устройствомъ нашего этаннаго лазаретика, и я опять сѣлъ на коня, а бѣдный К. безпомощно заболтался въ двуколкѣ. Этотъ переходъ въ 25 верстъ былъ длинный и тяжелый, черезъ высокую гору, и я тоже ложился въ двуколку поспать, но, какъ только разъ попробовалъ поднять голову, чтобы полюбоваться видомъ, получилъ отъ толчка ударъ деревянной рамой, къ которой прикрѣпляется парусиновая палатка. На гору я поднимался опять верхомъ и такъ же спустился съ нея. На второмъ этапѣ, въ Хоянѣ, мы переночевали на канахъ съ небольшой соломенной подстилкой, лежа такъ близко другъ къ другу, что почти касались носами и стукались локтями. Нашъ этапный врачъ Беньяшъ далъ мнѣ свою подушку и одѣяло, а военный врачъ, тутъ же ночевавшій—свою бурку. Распорядившись устройствомъ лазарета, я снова сѣлъ на лошадь и черезъ удивительно красивый перевалъ переѣхалъ въ Лян-шань-гуань (18 верстъ).

Наканунѣ здѣсь уже прошла первая партія раненыхъ подъ Тюренченомъ (163 человѣка), перевязанныхъ въ Евгеніевскомъ госпиталѣ Краснаго Креста. Я осмотрѣлъ этотъ госпиталь, только еще начавшій устраиваться, осмотрѣлъ и военный госпиталь и мы сообща приготовились принять на слѣдующій день 490 раненыхъ.

Они пришли, эти несчастные, но ни стоновъ, ни жалобъ, ни ужасовъ не принесли съ собой. Это пришли, въ значительной мѣрѣ пѣшкомъ, даже раненые въ ноги (чтобы только не ѣхать въ двуколкѣ по этимъ ужаснымъ дорогамъ), терпѣливые русскіе люди, готовые сейчасъ опять идти въ бой, чтобы отомстить за себя и товарищей.

— Вотъ,—говорятъ эти молодцы,—въ деревнѣ только прутикомъ тронутъ, и то слезу вышибутъ, а здѣсь и молоткомъ ея не добыть.

— Въ деревнѣ,—говорю,—прутикъ не болью, а обидой слезу вызываетъ, а здѣсь—одна честь.

— Да, да,—поддакиваютъ молодцы,—за Царя, за отечество.

Другой солдатикъ идетъ по двору, накинувъ бѣлый халатъ на голову, и распѣваетъ:

— „На супротивныя даруя“...

— Что̀ поешь?

— Цѣлость Миколая Александровича охраняемъ! — торжествующе осклабился молодой парнишка.

Трогательные ребята! По счастью, японская пуля пока удивительно мила: мышцы пробиваетъ, кости рѣдко разрушаетъ, пронизываетъ человѣка насквозь—и то не причиняетъ смерти.

V.—Послѣ Тюренчена.

3 мая 1904 г. Ляоянъ.

Въ день освященія 1-го Георгіевскаго госпиталя въ Ляоянѣ его посѣтилъ командующій арміей генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, одобрилъ его устройство, осмотрѣлъ помѣщеніе сестеръ милосердія, и, зайдя въ аптеку, спросилъ, во сколько времени госпиталь можетъ свернуться, въ случаѣ отступленія.

— Въ три дня,—отвѣтилъ аптекарь.

— Ну, это много; столько мы вамъ, можетъ быть, и не дадимъ.

То было 21-го марта, сегодня 3-е мая, и мы уже отправляемъ все, безъ чего можемъ обойтись, въ Харбинъ. То, что̀ недѣль пять, шесть тому назадъ казалось невозможнымъ,—теперь почти стучится въ дверь. Тяжело это ужасно. Больно разстраивать то, что̀ создавалось съ такими трудами и любовью.

Цѣлая цѣпь нашихъ краснокрестныхъ этапныхъ лазаретовъ между Ляояномъ и передовыми частями: Сяолинцзы, Ляндясянь, Хоянъ, Ляи-шань-гуань, — должны быть ликвидированы. Поддерживаютъ только мысль о солдатѣ, которому отступленіе должно быть еще неизмѣримо тягостнѣе, и вѣра въ Куропаткина, который, конечно, знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Какую выдержку нужно имѣть, чтобы при настоящихъ условіяхъ неуклонно вести дѣло вопреки окружающему нервному настроенію, только подчиняясь точнымъ соображеніямъ и благоразумію! Простое, симпатичное отношеніе Куропаткина къ людямъ еще увеличиваетъ его обаяніе. Меня онъ однажды привелъ въ такой восторгъ, что я въ тотъ же день хотѣлъ написать тебѣ цѣлое письмо, посвященное ему,—но, конечно, не поспѣлъ.

Въ тотъ день уѣзжалъ Н. П. Линевичъ, этотъ почтенный и симпатичнѣйшій генералъ, дважды георгіевскій кавалеръ, командовавшій маньчжурской арміей до пріѣзда Куропаткина и назначенный послѣднимъ въ Уссурійскій край (въ Хабаровскъ).

Мы съ С. В. Александровскимъ присоединились къ группѣ военныхъ, собравшихся его проводить. Къ этому времени очистили платформу, чтобы пропустить передъ отъѣзжающимъ, церемоніальнымъ маршемъ, почетный караулъ. Вдругъ Куропаткинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу этому караулу и бодро, молодцевато прошелся во главѣ его передъ Линевичемъ. Это было такъ мило и хорошо сдѣлано, что привело меня въ восторгъ.

Но какъ давно это было и сколько воды и крови съ тѣхъ поръ утекло! Какъ будто и не во время войны было, а мирнымъ лѣтомъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ.

Не то теперь.

Теперь война чувствуется около насъ, какъ чувствуется смерть въ домѣ безнадежно-больного. Каждая мысль твоя связана съ войною, каждое дѣйствіе твое должно съ нею сообразоваться. Я былъ только-что въ лагерѣ на передовыхъ позиціяхъ, гдѣ ждали врага со дня на день, гдѣ недѣлю передъ тѣмъ отступали наши и провезли тысячу раненыхъ, но тамъ война, гдѣ все для нея приспособлено, меньше ощущается, чѣмъ здѣсь, на фонѣ обычной комфортабельной жизни: ты хочешь отдать бѣлье въ стирку,—говорятъ, прачка (китаецъ) не беретъ, значитъ ожидаютъ скораго приближенія японцевъ; то ты слышишь, что такой-то госпиталь свернулся, то такая-то канцелярія выѣзжаетъ, и т. д.

А какъ хорошо теперь стало въ Георгіевскомъ госпиталѣ: всѣ зданія отремонтированы, офицерскій флигель вышелъ отличный, впереди разведенъ милый садикъ, въ большомъ саду поставлены шатры, съ другой стороны—крытые желѣзомъ азбестовые переносные бараки, выросшіе какъ грибы; всѣмъ раненымъ, прибывавшимъ сразу по 150 человѣкъ, хватало и мѣста, и бѣлья, всѣхъ ихъ, бѣдненькихъ, сестры обмывали, врачи перевязывали, и солдатики, накормленные и отогрѣтые, ѣхали дальше уже въ благоустроенномъ санитарномъ поѣздѣ.

Ляоянъ, 16-ое мая 1904 года, воскресенье.

Я удручаюсь все болѣе и болѣе ходомъ нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываемъ и столькихъ теряемъ, но едва ли не больше потому, что цѣлая масса нашихъ бѣдъ есть только результатъ отсутствія у людей духовности, чувства долга, что мелкіе личные разсчеты ставятся выше понятія объ отчизнѣ, выше Бога. Мы не имѣемъ въ достаточномъ количествѣ новѣйшаго образца пушекъ. Куропаткину не подво-

зится достаточное число войскъ. Подъ Тюренченомъ мы потеряли батареи и сраженіе, которое по геройству 11-го и 12-го полковъ и большинства батарей, костьми легшихъ за свое святое дѣло, должно бы остаться въ исторіи, какъ геройскій подвигъ и, можетъ быть, блестящая побѣда. Взята у насъ подъ Артуромъ позиція, которая считалась неприступной. Вчера узнали мы объ этой потерѣ нашей, и я весь день былъ самъ не свой, да и сегодня я еще не отошелъ отъ этого впечатлѣнія, и потому, вѣроятно, и пишу въ такомъ мрачномъ тонѣ,—ты ужъ прости меня. Не знаю, какъ бы я пережилъ всѣ эти событія въ Петербургѣ, ковыряясь въ обыденныхъ мирныхъ дѣлахъ. Только и спасаетъ хоть нѣкоторая непосредственная прикосновенность къ этому великому испытанію, ниспосланному бѣдной Россіи.

Всю тяжесть потерь нашихъ въ смыслѣ гибели людей я испытываю теперь, когда у насъ постепенно умираютъ наиболѣе тяжело раненые, задержанные нами поэтому здѣсь. На дняхъ, при моемъ ночномъ обходѣ Георгіевскаго госпиталя, я нашелъ одного солдатика, Самсонова, раненаго въ грудь и оперированнаго,—вслѣдствіе образовавшагося у него нарыва надъ печенью и гнойнаго плеврита,—въ бреду и въ тяжеломъ состояніи. Онъ обнималъ санитара, трогательно за нимъ ухаживавшаго, и стоналъ. Когда я пощупалъ его пульсъ и погладилъ его руку, онъ потащилъ обѣ мои руки къ своимъ губамъ и цѣловалъ ихъ, воображая, что это его мать. Когда я подошелъ къ нему съ другой стороны и заговорилъ съ нимъ, онъ сталъ звать меня тятей и опять поцѣловалъ мнѣ руку. Я не могъ лишить его этой потребности въ ласкѣ къ родителямъ и тоже поцѣловалъ этого безропотнаго и по этой безропотности высокаго душой страдальца за родину... И никто-то, никто изъ нихъ не жалуется, никто не спрашиваетъ: „За что, за что я страдаю?“—какъ ропщутъ люди нашего круга, когда Богъ посылаетъ имъ испытанія.

Ляоянъ, 19-е мая 1904 года.

Въ четвергъ на прошлой недѣлѣ вернулся я изъ поѣздки по нашимъ сѣвернымъ госпиталямъ, завтра уѣзжаю на югъ.

Здѣсь у насъ, въ Южномъ Управленіи главноуполномоченнаго, не только благополучно, но даже премило: между тремя приспособленными фанзами разбитъ прелестный садикъ, въ которомъ пышно цвѣтутъ розы, азаліи, функіи и гранаты; обѣщаютъ даже плоды. Вчера только отчаянно изводила китайская музыка, визжавшая и свистѣвшая цѣлый день на сосѣднемъ

дворѣ надъ покойникомъ. Такъ полагается у китайцевъ, которые дежурятъ около своихъ умершихъ, чтобы къ нему не забѣжала кошка или собака. Если же забѣжитъ, то, по ихъ повѣрью, покойникъ встанетъ и пойдетъ къ живымъ людямъ, которые отъ этого начинаютъ помирать.

— И часто это случается? — спрашиваетъ нашъ санитаръ переводчика.

— „Пастаянно, пастаянно“,—убѣжденно отвѣчаетъ тотъ.

А между тѣмъ, мертвыхъ дѣтей своихъ они бросаютъ на съѣденіе собакамъ. Д. самъ видѣлъ, какъ недалеко отъ госпиталя собака тащила трупикъ ребенка лѣтъ четырехъ уже съ выгрызенной грудкой.

Когда я былъ недавно въ Мукденѣ, я осматривалъ, между прочимъ, знаменитыя могилы императоровъ. Каждая китайская могила есть просто песчаный бугоръ, совершенно подобный обыкновеннымъ кучкамъ, въ которыя сваливается у насъ песокъ. Кто можетъ, ставитъ передъ могилой каменный столбъ, не круглый, а плоскій. У болѣе богатыхъ онъ выше, украшенъ рѣзьбой и надписями и стоитъ на спинѣ высѣченной изъ камня черепахи. Императорская могила изображаетъ все то же, но въ гигантскихъ размѣрахъ. Огромный песчаный бугоръ окруженъ высокой каменной стѣной, за которую рѣдко кого пускаютъ, но все, что за нею, ясно видно съ сосѣдняго гребешка. На могилѣ растетъ корявое полуизсохшее дерево, а на немъ—орлиное гнѣздо. Такъ и рѣютъ обитатели его надъ всѣмъ этимъ уединеннымъ мѣстечкомъ. Входъ за стѣну, которою окруженъ собственно могильный холмъ, представляетъ собою прелестныя по красотѣ ворота съ чудными орнаментами изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ. Еще лучше, прямо дивно хороши первыя ворота, которыя ведутъ въ паркъ, окружающій стѣну. Въ этомъ паркѣ, между первыми и вторыми воротами,—традиціонный, но исполинскихъ размѣровъ каменный столбъ на черепахѣ и по бокамъ главной аллеи—высѣченныя изъ камня животныя: верблюды, слоны, львы (собакоподобные) и т. п. Сбоку отгорожена полуразвалившаяся кумирня.

VI.—Передъ боемъ подъ Вафангоу.

Вандзялинъ, 25-ое мая 1904 года.

Послѣдніе дни можно назвать для насъ погоней за ранеными. Прошелъ слухъ, что будутъ большія операціи на югѣ, и мы спѣшно полетѣли туда. Но тамъ оказалось тихо, и дальше

послѣдней желѣзнодорожной станціи намъ двинуться не пришлось. Едва намѣтили мы новую организацію нашихъ этапныхъ лазаретовъ, какъ пришло извѣстіе о высадкѣ японцевъ около Кайджоо и столкновеніи съ нашими войсками. Въ виду того, что въ Кайджоо у насъ нѣтъ ни лазарета, ни летучаго отряда, мы спѣшно собрались изъ Вафангоу и, прихвативъ еще студента V курса съ перевязочнымъ матеріаломъ и инструментами, погрузивъ нашихъ лошадей, воспользовались паровозомъ, который шелъ туда за водой, выхлопотали разрѣшеніе прицѣпить къ нему нѣсколько вагоновъ и спѣшно выѣхали назадъ на сѣверъ. Здѣсь стоитъ нашъ санитарный поѣздъ, въ которомъ я и пишу, но намъ не разрѣшено было имъ воспользоваться, чтобы доѣхать до Кайджоо, и мы должны были здѣсь переночевать. Утромъ сегодня слышимъ канонаду, моментально велимъ сѣдлать коней, чтобы ѣхать туда, — намъ объявляютъ, что черезъ часъ идетъ поѣздъ и обгонитъ насъ. Коней разсѣдлываютъ, канонада стихла, и мы опять сидимъ и ждемъ. Такъ было и вчера: японцы немного пострѣляли, даже, говорятъ, частью высадились и безъ боя вернулись на суда. Ожиданіе, какъ ты знаешь—самое томительное времяпровожденіе, но мы выдерживаемъ его очень бодро и терпѣливо, благодаря хорошей компаніи, живому характеру Сергѣя Васильевича и очень милому спутнику, старому доктору А. А. Г., продѣлавшему еще турецкую кампанію. Это—цѣльный и очень симпатичный типъ шестидесятыхъ годовъ, именно одинъ изъ положительныхъ типовъ этого періода, гражданинъ своего отечества, болѣющій за него душой, когда что̀ неладно, и жаждущій его успѣховъ, мечтающій о нихъ. Небольшого роста, полный, коренастый, съ лысой головой и большой сѣдой бородой, съ двумя рядами рѣдкихъ, но крѣпкихъ зубовъ, онъ своимъ басомъ и очками напоминаетъ мнѣ А. Н. Пыпина и тѣмъ уже пріятенъ.

— Очертѣло мнѣ здѣсь,—мрачно говоритъ онъ въ минуты грустнаго раздумья, а черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ разсмѣшитъ какой-нибудь молодой забавной шуткой. Такъ, вчера, когда всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы разогрѣли консервы, онъ тоже объявилъ себя голоднымъ и сталъ изображать нетерпѣливую лошадь, ударяя одной ногой объ песокъ. Мы всѣ дружно захохотали. Когда вчера пришло извѣстіе о высадкѣ японцевъ около Кайджоо, онъ первый, почти шестидесятилѣтній старецъ, сталъ подбивать Сергѣя Васильевича ѣхать туда.

— Это случай нашимъ войскамъ одержать побѣду,—радовался онъ.

27-ое мая 1904 года.

Мы пятый день безъ всякаго дѣла, все катаемся взадъ и впередъ, причемъ на каждой станціи насъ изводятъ маневрами и возятъ то нѣсколько шаговъ впередъ, то нѣсколько шаговъ назадъ, и угощаютъ такими толчками, что В., который съ нами ѣдетъ, танцуетъ, поднимая руки изящнымъ жестомъ кверху. Онъ страшно смѣшилъ насъ разными анекдотами и остротами, но подъ конецъ и онъ исчерпался, и мы устали смѣяться. Сейчасъ за этимъ письмомъ, сидя на ящикахъ съ консервами и тюфякѣ, примостившись спиной къ стѣнѣ вагона, я заснулъ, но во снѣ продолжалъ водить перомъ по бумагѣ. Въ этомъ видѣ меня снялъ князь Львовъ, главноуполномоченный Объединенной Земской Организаціи, присылающей сюда рядъ этапныхъ лазаретовъ и питательныхъ пунктовъ.

Много дѣлается теперь для нашихъ солдатъ, но они еще не развернулись во всю родную мощь. Послушавъ разсказовъ Г. о русско-турецкой кампаніи, я какъ-то успокоился за исходъ и настоящей, снова укрѣпивъ вѣру въ наше воинство. Мы просто еще не разошлись, а разойдемся—такъ покажемъ себя снова и добьемся своего. Трудно это будетъ, мы много потеряемъ, но возстановимъ нашу репутацію славныхъ и несокрушимыхъ. Что пока настоящая война въ сравненіи съ русско-турецкой, съ переходомъ черезъ Балканы, когда пушки тащили люди однимъ колесомъ по уступу скалы, другимъ по воздуху надъ пропастью, когда единицы нашихъ сражались противъ сотенъ и тысячъ врага, когда люди мѣсяцами не имѣли крова и зябли въ снѣгахъ, согрѣваясь лишь у костровъ?! Докторъ Г. разсказывалъ про своего товарища, который пріѣхалъ разъ въ шинели на голомъ тѣлѣ и въ солдатскихъ рваныхъ опоркахъ, несмотря на сильный морозъ. Оказалось, что онъ встрѣтилъ раненаго, что перевязать его было нечѣмъ, и онъ разорвалъ свое бѣлье на бинты и повязку, а въ остальное одѣлъ его. И такъ онъ это дѣлалъ весело, просто и хорошо. Далеко еще намъ, далеко до нихъ...

VII.—Въ бою подъ Вафангоу.

Дашичао, 15-ое іюня 1904 года.

...Дѣло было, какъ ты знаешь, подъ Вафангоу. 31-го мая я присѣлъ на свою кровать въ палаткѣ рядомъ съ Кононовичемъ и что-то съ нимъ обсуждалъ, когда его санитаръ Рахаевъ обратилъ наше вниманіе на то, что въ сосѣднемъ полку трубятъ

тревогу. Мы прислушались—вѣрно. Тотчасъ были осѣданы кони, и мы поѣхали въ штабъ. Тамъ узнали, что тревоги нѣтъ, но что велѣно выступать на позицію, а войскамъ, бывшимъ впереди, въ Вафандянѣ, отступать на нее же, и что на слѣдующій день въ 12 часовъ ожидается бой.

Въ этотъ день, поспавъ одѣтый часа полтора, я перевелъ раненыхъ, пришедшихъ ночью съ юга, изъ товарнаго поѣзда въ санитарный, и когда, устроивъ ихъ, около четырехъ часовъ утра, возвращался черезъ станцію, я увидалъ, что командиръ перваго корпуса, баронъ Штакельбергъ, уже всталъ, его штабъ на ногахъ, у подъѣзда—его конвой. Я разбудилъ Кононовича, тотчасъ осѣдлали опять коней, и мы стали поджидать Штакельберга. Однако, время шло, и мы поѣхали одни на позиціи, которыя объѣхали уже наканунѣ. Мы остановились у А. А. Гернгросса, очень милаго и хорошаго генерала, начальника 1-ой дивизіи, потомъ, дождавшись Штакельберга, проѣхали съ нимъ на 2-ую баттарею. Шли приготовленія къ сраженію, и мы поѣхали назадъ, выкупаться и пообѣдать. Послѣднее намъ не удалось, такъ какъ стали раздаваться орудійные выстрѣлы. Они становились все чаще, и мы невольно считали промежутки между ними, какъ между родовыми схватками. Консервы не лѣзли намъ въ ротъ, и мы снова поскакали къ Гернгроссу. Онъ сидѣлъ со своимъ штабомъ въ покойномъ ожиданіи, но солдатики уже нервничали, всѣ повскакали и нетерпѣливо ждали приказанія двигаться. Наконецъ, насталъ моментъ, они стали одѣваться и пошли. Вскорѣ поѣхали и мы со штабомъ Гернгросса, желая выяснить, какъ лучше расположить наши летучіе отряды. Съ часъ летали мы по всѣмъ позиціямъ и остановились опять на 2-ой баттареѣ, гдѣ и сошли съ коней.

Всѣ весело болтали; къ намъ подъѣзжали различные офицеры; одинъ изъ нихъ, артиллеристъ Сидоренко, очень симпатичной наружности, съ той самой баттареи, на которой мы стояли, оживленно разсказывалъ, какъ ихъ обстрѣливали при отступленіи изъ Вафандяна,—когда въ 1 ч. 30 мин. дня поставленная противъ насъ японская баттарея сдѣлала первый выстрѣлъ. Первая шрапнель разорвалась очень далеко впереди насъ, вторая—поближе, третья уже показала, что стрѣляютъ по насъ. Гернгроссъ распорядился увести лошадей и намъ не стоять толпой. Снаряды стали ложиться все ближе и ближе. Гернгроссъ сталъ спускаться съ горы; за нимъ пошли всѣ, а я немного задержался на горѣ. Снаряды свистѣли уже надо мной и со злобой ударяли въ близъ лежащую гору, разрываясь совсѣмъ близко отъ всей удалявшейся

по лощинкѣ группы людей. Впослѣдствіи я узналъ, что тутъ моя лошадь получила ударъ надъ глазомъ камнемъ, отбитымъ шрапнелью.

Я собирался тоже спускаться, когда ко мнѣ подошелъ солдатикъ и сказалъ, что онъ раненъ. Я перевязалъ его и хотѣлъ приказать нести его на носилкахъ (онъ былъ раненъ въ ногу шрапнельной пулей), но онъ рѣшительно отказался, заявляя, что носилки могутъ понадобиться болѣе тяжело раненымъ. Однако, онъ смущался, какъ онъ оставитъ баттарею: онъ—единственный фельдшеръ ея, и безъ него некому будетъ перевязывать раненыхъ. Это былъ перстъ Божій, который и рѣшилъ мой день.

— Иди спокойно,—сказалъ я ему,—я останусь за тебя.

Я взялъ его санитарную сумку и пошелъ дальше на гору, гдѣ, на склонѣ ея, и сѣлъ около носилокъ. Санитаровъ не было—они находились въ лощинкѣ подъ горой. Наша баттарея уже давно стрѣляла, и отъ каждаго выстрѣла земля, на которой я сидѣлъ, покрытая мирными бѣлыми цвѣточками вродѣ Edelweiss'a, сотрясалась, а та, на которую падали японскіе снаряды, буквально, стонала. Въ первый разъ, когда я услыхалъ ея стонъ, я подумалъ, что стонетъ человѣкъ; я прислушался, и во второмъ стонѣ я уже заподозрилъ стонъ земли, на третьемъ—я въ немъ убѣдился.

Это не поэтическій, а истинный былъ стонъ земли.

Снаряды продолжали свистѣть надо мной, разрываясь на клочки, а иные, кромѣ того, выбрасывая множество пуль, большею частью далеко за нами. Другіе падали на сосѣднюю горку, гдѣ стояла 4-ая, почему-то особенно ненавистная японцамъ, баттарея. Они осыпали ее съ остервенѣніемъ, и часто я съ ужасомъ думалъ, что, когда дымъ разсѣется, я увижу разбитыя орудія и всѣхъ людей ея убитыми. И этотъ страхъ за другихъ, ужасъ передъ разрушительнымъ дѣйствіемъ этой подлой шрапнели составлялъ дѣйствительную тяжесть моего сидѣнья. За себя я не боялся: никогда еще я не ощущалъ въ такой мѣрѣ силу своей вѣры. Я былъ совершенно убѣжденъ, что какъ ни великъ рискъ, которому я подвергался, я не буду убитъ, если Богъ того не пожелаетъ; а если пожелаетъ,—на то Его святая воля... Я не дразнилъ судьбы, не стоялъ около орудій, чтобы не мѣшать стрѣлявшимъ и чтобы не дѣлать ненужнаго, но я сознавалъ, что я нуженъ, и это сознаніе дѣлало мнѣ мое положеніе пріятнымъ. Когда сверху раздавался зовъ: „носилки!“, я бѣжалъ наверхъ съ фельдшерской сумкой и двумя санитарами, несшими носилки; я бѣжалъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли такого кровотеченія, ко-

торое требуетъ моментальной остановки, но перевязку мы дѣлали пониже, у себя на склонѣ. Почти всѣ ранены были въ ноги и всѣ, перевязанные, вернулись къ своимъ орудіямъ, утверждая, что, лежа, они могутъ продолжать стрѣльбу, и что „передъ такимъ поганцемъ“ они не отступятъ. Люди всѣ лежатъ въ своихъ окопахъ около орудій, что̀ ихъ очень выручаетъ, а офицеры сидятъ, и только мой Сидоренко чаще всѣхъ, всей своей стройной фигурой, подымался надъ баттареей.

Я благоговѣлъ передъ этими доблестными защитниками своей родины и радовался, что подвергаюсь одной съ ними опасности. „Почему — думалъ я — я долженъ быть въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ они? Вѣдь и у нихъ у всѣхъ есть семьи, для которыхъ смерть ихъ родного будетъ тяжкимъ горемъ, а для иныхъ—и раззореніемъ“. Санитары, разбѣжавшіеся-было по нижнимъ склонамъ горы, видя меня на ихъ мѣстѣ, всѣ подобрались ко мнѣ и расположились около носилокъ, но когда осколкомъ шрапнели и камнями у меня опрокинуло ведро съ водой, прорвало носилки и набросило ихъ на одного изъ санитаровъ, они окончательно спустились внизъ, и только изъ-подъ горы посматривали, цѣлъ ли я, послѣ особенно сильныхъ и близкихъ ударовъ. Между ними былъ и санитаръ Кононовича, Рахаевъ, упросившій отпустить его со мной, такъ какъ онъ хотѣлъ „совершить подвигъ“, и казакъ Семенъ Гакинаевъ, сопровождавшій меня въ поѣздкѣ въ Ляншань-гуань и съ тѣхъ поръ считающійся моимъ казакомъ. Онъ не оставлялъ меня ни на шагъ ни 1-го, ни 2-го іюня. Гакинаевъ потомъ много разсказывалъ про мою „храбрость“, особенно поразившую его потому, что, по его мнѣнію, всѣ врачи должны быть почему-то трусами.

— Сидитъ,—говорилъ онъ про меня,—куритъ и смѣется.

Смѣяться, положимъ, было нечему, но я улыбался имъ, когда они „петрушками“ снизу посматривали на меня.

Одинъ изъ баттарейныхъ санитаровъ, красивый парень Кимеровъ, смотрѣлъ на меня, смотрѣлъ, наконецъ выползъ и сѣлъ подлѣ меня. Жаль ли ему стало видѣть меня одинокимъ, совѣстно ли, что они покинули меня, или мое мѣсто ему казалось заколдованнымъ,—ужъ не знаю. Онъ оказался, какъ и вся баттарея, впрочемъ, первый разъ въ бою, и мы повели бесѣду на тему о волѣ Божіей.

Вскорѣ, съ лѣвой стороны, ко мнѣ подсѣлъ другой молодой солдатикъ, совсѣмъ мальчикъ съ виду, Блохинъ, который спасался то на одномъ склонѣ горы, то на другомъ, и всюду, видимо, чувствовалъ себя одинаково скверно. Казалось, онъ хотѣлъ

прижаться ко мнѣ, какъ теленокъ къ маткѣ, и причиталъ послѣ каждой шимозы или шрапнели.

Бой разгорѣлся жаркій: впереди (на лѣвомъ нашемъ флангѣ) слышался за горой неугомонный трескъ пулеметовъ и ружейнаго огня; японскія баттареи, съ небольшими паузами, осыпали насъ своими снарядами. Мы тоже отстрѣливались: въ воздухѣ слышались голоса:—„девяносто-два! девяносто-пять!—направо отъ деревни!“ и т. д. Вдругъ изъ-подъ горы вылѣзаетъ одинъ изъ нашихъ краснокрестныхъ санитаровъ (10-го летучаго отряда), Тимченко, раненый въ правое плечо. Мы столпились около него, и я началъ его перевязывать. Надъ нами и около насъ такъ и рвало,—казалось, японцы избрали своей цѣлью нашъ склонъ, но во время работы огня не замѣчаешь.

— Простите меня! — вдругъ вскрикнулъ Кимеровъ и упалъ навзничь. Я разстегнулъ его и увидѣлъ, что низъ живота его пробитъ, передняя косточка отбита и всѣ кишки вышли наружу. Онъ быстро сталъ помирать... Я сидѣлъ надъ нимъ, безпомощно придерживая марлей кишки, а когда онъ скончался, закрылъ ему глаза, сложилъ руки и положилъ удобнѣе. Послѣ этого я спустился внизъ доканчивать перевязку Тимченкѣ; оказалось, что къ тому времени былъ раненъ легко въ ногу ужъ и бѣдный мой Блохинъ. Когда оба были перевязаны и остальные санитары унесли ихъ, я опять вернулся на свое мѣсто и остался вдвоемъ съ трупомъ. Къ счастью, былъ уже седьмой часъ, стало темнѣть и, послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ отъ японцевъ, бой окончился.

Я пошелъ къ моему милому Сидоренкѣ, котораго навѣщалъ и во время боя. Офицеры баттареи стали понемногу сходиться; всѣ были радостно возбуждены, что отстояли позицію, поздравляли другъ друга съ крещеніемъ огнемъ, радовались незначительнымъ потерямъ: человѣкъ девять раненыхъ и четверо убитыхъ—мой Кимеровъ и трое нижнихъ чиновъ, всѣ трое—однимъ ударомъ; значитъ, изъ всей массы выпущенныхъ на насъ снарядовъ только два оказались смертоносными.

Когда уже совершенно стемнѣло, я вмѣстѣ съ Сидоренкой провожалъ четырехъ убитыхъ на баттареѣ къ ихъ братской могилѣ, а раненыхъ, мною перевязанныхъ, повелъ на болѣе основательную перевязку, такъ какъ у меня не было возможности ни ихъ обмывать, ни себѣ руки мыть. — По дорогѣ мы встрѣтили Кононовича. Онъ тоже былъ подъ сильнымъ огнемъ, какъ и всѣ наши отряды. Отпившись немного чаемъ (консервированное тушоное мясо не лѣзло въ горло), мы съ нимъ пошли устраивать на ночь все прибывавшихъ раненыхъ и даже умершихъ.

Легли мы поздно, и на второй день боя, 2-го іюня, встали рано. Нужно было хоть немного заняться ранеными, которыхъ наканунѣ мы уложили на станціи, и развернуть тамъ перевязочный пунктъ.

Тотчасъ стали привозить новыхъ раненыхъ, и я принялся сажать ихъ въ вагоны, простые товарные, такъ какъ санитарнаго поѣзда не могли подать. Я долженъ былъ класть этихъ несчастныхъ святыхъ раненыхъ въ товарные вагоны сперва на солому и цыновки, потомъ просто на цыновки, наконецъ просто на полъ и чуть ли не на уголь. А въ то же время, на разстояніи 25 — 30 верстъ, у насъ стоялъ чудно оборудованный поѣздъ!

Устраивая раненыхъ, я зашелъ съ ними къ сѣверному семафору версты за полторы и, провозившись съ часъ времени, во второмъ часу возвращаюсь на станцію. Тамъ все измѣнилось: суета, спѣхъ, бѣготня; раненые, зараженные общей нервной атмосферой, забывая свои раны, сами залѣзаютъ въ товарные вагоны, боясь, что ихъ оставятъ.

Что случилось?

Въ часъ дня нашимъ приказано было отступать; теперь грузился послѣдній поѣздъ, — нашему перевязочному пункту велѣли спѣшно уложиться и уѣзжать. Спрашиваю Кононовича про наши летучіе отряды: Мантейфель и Родзянко уже здѣсь, имъ тоже дано распоряженіе уходить.

Я продолжалъ усаживать раненыхъ, отпуская ихъ уже съ одной первичной перевязкой. Однимъ изъ послѣднихъ сѣлъ офицеръ, относительно не тяжело раненый въ ногу, но весь въ слезахъ:

— Что они съ ними дѣлаютъ, Боже мой, что дѣлаютъ! — говорилъ онъ. Кто первые „они“ — не знаю, но подъ вторыми онъ подразумѣвалъ своихъ бѣдныхъ солдатиковъ...

Наконецъ, погрузился и нашъ перевязочный пунктъ, сѣли всѣ сестры, студенты, врачи, и послѣдній нашъ поѣздъ сталъ отходить отъ Вафангоу.

Поѣздъ ушелъ — и во-время: за нимъ полетѣли шрапнели, но, къ счастью, не попадали. Я остался одинъ на опустѣвшей станціи, даже не отдавая отчета себѣ, что же я одинъ буду дѣлать, но сердце говорило мнѣ, что должно остаться. Я пошелъ въ домикъ совсѣмъ рядомъ со станціей, въ которомъ мы провели послѣднюю ночь. Въ этомъ домикѣ былъ у насъ небольшой складъ, изъ котораго мы выдавали солдатикамъ и офицерамъ чай, сахаръ, табакъ, консервы и проч. Теперь въ немъ оставался небольшой запасъ перевязочнаго матеріала и 14 ко-

лесныхъ носилокъ. Тогда я понялъ, что̀ я буду дѣлать. Послѣдній поѣздъ увезъ всѣхъ раненыхъ, которые были доставлены на станцію, но ясное дѣло, что было много такихъ, которые до станціи еще не добрались, которые придутъ еще и, найдя станцію пустой, будутъ въ отчаяніи. Оставаясь одинъ, я не зналъ, какъ я буду помогать этимъ опоздавшимъ (о колесныхъ носилкахъ я, кажется, тутъ не вспоминалъ), но я чувствовалъ, что они будутъ, и что я обязанъ остаться для нихъ или съ ними.

Я сталъ вывозить колесныя носилки на площадь передъ станціей,—недавно такую оживленную, теперь пустынную,—навстрѣчу ручнымъ носилкамъ, на которыхъ приносили раненыхъ съ позицій. Раненыхъ перекладывали и везли вдоль полотна, а носилки шли назадъ на позиціи. Въ это время около насъ и надъ нами разрывались шрапнели, надо мной шелъ дождь пуль, но разрывы были такъ высоки, что ни одна не коснулась меня.

— Евгеній Сергѣевичъ, да что̀ вы дѣлаете, да станьте же сюда!—отчаянно звалъ меня старичокъ подполковникъ Лукьяновичъ, завѣдывавшій складомъ и задержавшійся при немъ съ двумя санитарами. Онъ зазывалъ меня подъ защиту небольшой каменной будочки рядомъ съ нашимъ складомъ. Въ этой грязнѣйшей будочкѣ у меня тотчасъ же образовался перевязочный пунктъ, такъ какъ стали подходить раненые, а пошедшій дождь помѣшалъ намъ перейти въ помѣщеніе склада. Я перевязывалъ ихъ и опять отправлялъ на нашихъ колесныхъ носилкахъ.

Понемногу проѣзжали мимо меня санитарныя военныя двуколки и запоздавшіе врачи и, наконецъ, перестали проѣзжать. Орудійный огонь сталъ перелетать черезъ насъ, направленный на нашихъ отходящихъ стрѣлковъ, а ружейный приблизился и защелкалъ по домику и засвистѣлъ вокругъ. Мнѣ пришли сказать, что одинъ изъ санитаровъ нашихъ, пошедшій за перевязочнымъ матеріаломъ въ складъ, на порогѣ его упалъ, раненый въ животъ. Я перенесъ тогда свой пунктъ въ этотъ складъ на разстояніе шаговъ пятнадцати. Но санитаръ мой, бѣдный, не дожидаясь, чтобы я кончилъ перевязку солдатику, попросилъ, чтобы его скорѣе унесли. Солдатикъ, съ которымъ я въ это время возился, тоже волновался, что останется въ рукахъ японцевъ, но я успокоилъ его обѣщаніемъ остаться въ такомъ случаѣ съ нимъ. На счастье, онъ былъ послѣдній и для него нашлись послѣднія носилки. Мы положили его на нихъ, посадили раненыхъ, которые могли ѣхать, на нашихъ лошадей, и тоже покинули Вафангоу.

VIII.—Отступленіе отъ Вафангоу.

Харбинъ, 25-е іюня 1904 года.

Вотъ я снова въ цивилизованномъ городѣ, въ томъ самомъ славномъ Харбинѣ, который мѣсяца три назадъ казался мнѣ дырой и захолустьемъ. Такъ-то все относительно въ жизни. Но послѣ лагерной жизни, когда приходилось спать и на землѣ, питаться скоро пріѣдающимися консервами, сидѣть на жердочкахъ или ящикахъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ на разваливающихся стульяхъ, писать при свѣтѣ задуваемой вѣтромъ свѣчи, въ мокрой, колыхающейся палаткѣ, при постоянномъ ожиданіи тревоги,—оказаться во второмъ этажѣ теплаго каменнаго дома, за письменнымъ столомъ, при керосиновой лампѣ, сидѣть на вѣнскомъ стулѣ и писать на атласномъ бюварѣ, хотя бы и чужомъ,—это переходъ болѣе рѣзкій, чѣмъ перелетѣть изъ деревни въ Парижъ,—но такова моя судьба, что мнѣ все время приходится летать. Мнѣ оказалась надобность заѣхать въ наши госпиталя въ Тьелинѣ, Каюянѣ, Гунчжулинѣ и Харбинѣ, и я, повернувшись въ Ляоянѣ, укатилъ на сѣверъ, хотя каждый день ожидался бой на югѣ. Я поѣхалъ туда, гдѣ начальство меня признавало нужнѣе. Но едва я добрался до Харбина, какъ въ Дашичао вспыхнула эпидемія дизентеріи, и Давыдовъ сегодня телеграфируетъ, что я нуженъ на югѣ. Александровскій меня однако еще не вызываетъ, и я надѣюсь додѣлать здѣсь свои дѣла.

30 іюня 1904 года.

Ты удручена, что всѣ наши потери ни къ чему, что насъ „все-таки оттѣснили“. Не знаю, есть ли это общепринятое выраженіе о результатѣ Вафангоускаго боя, ибо газетъ я не читаю, но не такое осталось у насъ впечатлѣніе.

— Vous n'avez pas gagné la bataille, parce que vous ne l'avez pas voulu,—сказалъ Chemineau,—одинъ изъ французскихъ военныхъ агентовъ, и сказалъ то, что̀ намъ всѣмъ здѣсь кажется. Не то чтобы кто-нибудь измѣнилъ интересамъ родины, а повидимому дальнѣйшее наступленіе считалось для насъ невыгоднымъ: мы могли быть окружены, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Во всякомъ случаѣ, мы фактически наступали, лѣвый флангъ нашъ бралъ позицію за позиціей, японцы отступали и только направо насъ тѣснили,—когда было приказано отступать. Никто не понималъ такого распоряженія командира корпуса, солдаты

спрашивали: „Да зачѣмъ же мы отступаемъ, ваше благородіе?“ — и не слушались, — имъ приходилось трижды повторять приказаніе. Казалось, если бы нашъ лѣвый флангъ окончательно опрокинулъ правый—непріятеля, то могъ бы ударить въ его лѣвый и, тѣмъ выручивъ нашъ правый,—выиграть сраженіе. Таковы мысли штатскаго,—конечно, болѣе трудно выполнимыя на дѣлѣ, чѣмъ въ письмѣ, особенно если принять во вниманіе, что вся линія боя была растянута верстъ на одиннадцать.

Но что̀ ни говори, а отступленіе есть вещь крайне тяжелая, особенно когда приходится поворачивать спину непріятелю въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ отъ него, и наибольшія потери наши приходятся именно на отступленіе.

— Изъ насъ бы никто живымъ не вернулся,—говорятъ солдатики,—если бы японцы хорошо стрѣляли.

Изъ ружей они стрѣляютъ плохо, но тоже заваливаютъ свинцомъ, изъ орудій — мѣтко, кажется, съ помощью сигналовъ китайцевъ, которые, говорятъ, дѣлаютъ имъ знаки, то руками, то вѣтками деревьевъ. Кромѣ того, мѣстность имъ отлично извѣстна, они знаютъ разстояніе до каждой нашей позиціи и могутъ стрѣлять, хоть безъ прицѣла. На ихъ сопкахъ стоятъ столбы съ дощечками, на которыхъ нарисованы очертанія нашихъ горъ и отдѣльныя опознавательныя точки, съ точнымъ обозначеніемъ разстоянія, такъ что имъ остается только стоять и разстрѣливать наши баттареи.

Продолжаю свою безконечную повѣсть о Вафангоу.

Итакъ, мы шли изъ Вафангоу съ отступающими стрѣлками, которые двигались подъ орудійнымъ огнемъ, какъ на парадѣ. Мой послѣдній раненый, Шестопаловъ, былъ раненъ въ позвоночникъ, ноги его были совершенно парализованы, и онъ былъ тяжелъ, точно весь изъ свинца: мы съ трудомъ несли его вшестеромъ. Скоро мнѣ подвели откуда-то лошадь, и я поѣхалъ, продолжая слѣдить за тѣми ранеными, которыхъ несли, такъ какъ истомленные солдатики несли черезъ силу. Приходилось останавливаться и перевязывать или подбирать раненыхъ. Такъ, одинъ доплелся до фанзы и оттуда взывалъ о помощи: онъ былъ перевязанъ, но не могъ идти дальше, и боялся, что его забудутъ въ его фанзѣ. Его посадили на мула, но дальше мнѣ пришлось опять отдать свою лошадь одному раненому въ ногу, перетянутому выше раны полотенцемъ.

День былъ жаркій, и во рту у меня такъ пересохло, что языкъ казался кускомъ люфы, сильно царапавшимъ нёбо. Тогда я отбросилъ предразсудокъ о сырой водѣ и попивалъ у солда-

тиковъ изъ ихъ флягъ по глотку, то у того, то у другого,— чтобы не лишить и ихъ необходимой влаги. Въ одной деревнѣ какой-то китаецъ угощалъ насъ студеной водой и, чтобы мы пили ее съ довѣріемъ, говорилъ: „Знакомъ, знакомъ".

Гдѣ-то на полъ-дорогѣ мой Гакинаевъ мнѣ привелъ еще лошадь, и я, сдавъ носилки съ ранеными полковому лазарету, который мы нагнали на стоянкѣ и съ которымъ я нѣкоторое время шелъ потомъ вмѣстѣ, причемъ черезъ рѣчку они перевезли меня на двуколкѣ,—поѣхалъ одинъ впередъ, такъ какъ Гакинаевъ отдалъ свою лошадь тоже раненому.

Дальше я нагналъ Ф., офицера, состоящаго при иностранцахъ, который разсказалъ мнѣ, что когда на лѣвомъ флангѣ былъ полученъ приказъ объ отступленіи (онъ дошелъ туда приблизительно часа черезъ два послѣ того, какъ станція, пришедшаяся на правомъ флангѣ, была уже очищена), онъ поѣхалъ на станцію одинъ, чтобы узнать положеніе дѣлъ, и въ лѣску около станціи наскочилъ на японцевъ, которые по немъ стрѣляли; онъ спасся только благодаря быстротѣ своего полукровнаго коня. По времени (тотчасъ послѣ грозы) это было какъ разъ тогда, когда обстрѣливали нашъ, вѣрнѣе ужъ мой, перевязочный пунктъ по другую сторону станціи. Вѣроятно, японцевъ было тутъ мало, а то бы намъ не уйти было отъ нихъ.

Еще дальше нагналъ я одного капитана генеральнаго штаба. Мы мило съ нимъ бесѣдовали, когда онъ вдругъ окликнулъ офицера въ буркѣ, скакавшаго въ сторонѣ отъ насъ, но намъ на встрѣчу.

— Есаулъ Матвѣенко, по какому праву вы позволяете себѣ распоряжаться чужими лошадьми и дали моего коня?..—слѣдовало непріятное объясненіе, и я отъѣхалъ.

Войска тянулись непрерывной нитью; впереди виднѣлся бѣлый китель командира корпуса и свѣтлое пятно его штаба. Я увидалъ красный крестъ и подъѣхалъ, думая, что это одинъ изъ нашихъ отрядовъ. Оказалось, что это 34-й полкъ несетъ за флагомъ Краснаго Креста своего раненаго командира Дуббельта. (Сегодня какъ разъ, несмотря на тяжесть полученныхъ ранъ, значительно поправившись, онъ уѣзжаетъ на Кавказъ изъ Харбина, гдѣ лежалъ въ Дворянскомъ госпиталѣ).

Дорога становилась все труднѣе, мѣстами артиллерія совершенно закупоривала путь, быстро надвигалась темнота. Въ поискахъ за проѣздомъ я уже въ совершенную темноту наткнулся на казаковъ.

— Я прилѣплюсь теперь къ вамъ,—сказалъ я офицеру въ буркѣ, отъ котораго видѣлъ одни очертанія,—а то совсѣмъ потеряю дорогу.

— Отлично, мы тоже ищемъ, какъ проѣхать, — отвѣтилъ мнѣ пріятный голосъ, сразу располагающій къ человѣку. Мы поѣхали рядомъ и разговорились.

— Не понимаю,—сказалъ мой спутникъ,—почему Красный Крестъ такъ рано уѣзжаетъ съ поля битвы, а не убираетъ раненыхъ? Это—прямая его задача.

— Оттого,—говорю,—что на него все еще смотрятъ какъ на обозъ, и приказываютъ ему отступать вмѣстѣ съ нимъ, но онъ не весь отступилъ, и вотъ вы ѣдете съ нимъ рядомъ. Меня тоже просили уйти съ моего перевязочнаго пункта, но такъ какъ я имѣлъ право располагать собой, то и остался.

Я разсказалъ ему, какъ было дѣло, а онъ—о томъ, что, испросивъ разрѣшеніе у своего начальства, поѣхалъ послѣ отступленія съ казаками на правый флангъ и вывезъ оттуда оставшихся на позиціяхъ 50 раненыхъ.

— И вотъ, представьте, мнѣ нужна была для нихъ лишняя лошадь, и попалась лошадь капитана генеральнаго штаба (имя рекъ), я и взялъ ее, а онъ потомъ встрѣтилъ меня и сталъ разносить, грозить... Ну, да Богъ съ нимъ!

— А какъ ваша фамилія,—спрашиваю.

— Есаулъ Матвѣенко.

Интересное совпаденіе и поучительный контрастъ!..

— Я разстался съ его пріятнымъ голосомъ, говорившимъ какъ-то особенно ровно и покойно, въ Вандзялинѣ и поѣхалъ въ темнотѣ искать Красный Крестъ. Данныя мнѣ указанія привели меня въ военный госпиталь, но я такъ былъ утомленъ и было такъ темно и поздно, что я рѣшилъ тутъ и переночевать. Меня отпоили чаемъ, дали закусить консервами солонины (моя первая ѣда въ этотъ день), и я сталъ такъ неудержимо дремать, разговаривая съ милыми товарищами, что рѣшился откровенно сѣсть въ уголъ, и на стулѣ заснулъ. Меня разбудилъ одинъ военный врачъ, который свелъ меня въ сосѣдній госпиталь (его—былъ переполненъ), гдѣ мнѣ дали носилки и чье-то пальто, и я подъ открытымъ небомъ заснулъ мертвымъ сномъ. Часа черезъ полтора, много два, словомъ—въ четвертомъ часу утра, чуть брезжило, меня разбудили: пора было укладывать носилки, госпиталю было приказано свернуться и отступать. Добрыя сестры, частью знакомыя, были уже на ногахъ и отогрѣли меня чаемъ и дружелюбнымъ пріемомъ, и я, когда посвѣтлѣло, пошелъ искать свои отряды.

IX.—Послѣ Вафангоу.

4-ое іюля 1904 г.

Снова сижу въ вагонѣ и возвращаюсь на югъ. Чтобы доѣхать до Ляояна, я воспользовался любезностью полковника Н. и занялъ мѣсто въ его вагонѣ II-го класса. Это представляетъ громадныя удобства по нынѣшнимъ временамъ, такъ какъ разстояніе въ какихъ-нибудь 60 верстъ отъ Мукдена до Ляояна теперь требуетъ до сутокъ времени. Сейчасъ мы стоимъ на послѣдней станціи передъ Ляояномъ и стоимъ уже безкопечное число часовъ, хотя намъ съ полъ-часа тому назадъ дали уже третій звонокъ. Остановки эти объясняются тѣмъ, что въ Ляоянѣ происходитъ выгрузка войскъ и интендантскихъ грузовъ, и станція не можетъ насъ принять. А здѣсь уже скопилось пòѣзда три, если не четыре. Очень возможно, что на оставшіяся верстъ 30 у насъ уйдетъ еще весь день, и что насъ въ концѣ концовъ еще не довезутъ до Ляояна, а на часокъ, другой, остановятъ у закрытаго семафора. Ты понимаешь, какъ отъ этого должны страдать бѣдные солдаты, которыми полны всѣ эти поѣзда, какъ трудно разсчитать при этой системѣ, гдѣ и когда ихъ можно будетъ кормить, такъ что они цѣлыми днями остаются безъ ѣды или получаютъ свой обѣдъ въ 2 — 3 часа ночи. Единственное спасеніе, если въ поѣздѣ у нихъ походная кухня. Мнѣ же, если бъ не любезность полковника, пришлось бы тоже и голодать, и проводить ночь въ переполненномъ вагонѣ III-го класса. Теперь же я сладко спалъ на мягкомъ диванѣ и въ чистыхъ простыняхъ.

Полковникъ отлично говоритъ, какъ будто все знаетъ, и мнѣ было крайне интересно все, что̀ онъ сообщалъ: о Мукденѣ и Ляоянѣ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которымъ приписываются и, какъ видно изъ его словъ, несправедливо, многія изъ нашихъ бѣдъ; о способностяхъ того и другого изъ дѣятелей; о ходѣ и концѣ нашей кампаніи. Онъ не сомнѣвается въ нашемъ успѣхѣ, считаетъ, что Японія будетъ раздавлена на много лѣтъ, что она уже проиграла войну, благодаря собственнымъ ошибкамъ, не менѣе крупнымъ и многочисленнымъ, чѣмъ наши. На-дняхъ она высадила послѣднія свои двѣ дивизіи (теперь онъ считаетъ у нихъ 250 тысячъ) и больше сформировать арміи не можетъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ офицеровъ. Что мы выиграли первую половину кампаніи—доказывается и всѣми

оптимистами, такъ какъ японцамъ не удалось сдѣлать того, на что они разсчитывали: ни Артура, ни Ляояна, ни Мукдена они не взяли и нигдѣ дороги не разрушили, такъ что дали намъ подвезти порядочное количество войскъ. Планъ ихъ, какъ говорятъ, былъ: взять Артуръ (это они могли сдѣлать 27-го января пятью тысячами человѣкъ безпрепятственно) и сильно укрѣпить его; затѣмъ взять Владивостокъ и тоже укрѣпить, а затѣмъ засѣсть въ Кореѣ, изъ которой намъ пришлось бы выбивать ихъ въ теченіе пяти лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія они, разумѣется далеки отъ успѣховъ.

Подъ Вафангоу мы имѣли дѣло съ противникомъ вдвое насъ сильнѣйшимъ, что̀ узналось лишь поздно, или измѣнилось за ночь между 1-мъ и 2-мъ іюня. Между тѣмъ, у насъ всѣ были убѣждены, что японцы превосходили насъ всего какими-нибудь тремя тысячами.

Долженъ признаться, что отсутствіе единства управленія боемъ меня тогда же поразило. Я всегда воображалъ, что командиръ корпуса или другой военачальникъ, руководящій сраженіемъ, составляетъ центръ самой интенсивной распорядительной работы; я думалъ, что къ нему и отъ него безостановочно летятъ гонцы съ донесеніями и распоряженіями, что онъ ежесекундно знаетъ, что̀ творится на любомъ концѣ поля брани, — на дѣлѣ же получается впечатлѣніе, что каждый за себя, а за всѣхъ—одинъ Богъ. Думаю, что и тебѣ должно было такъ показаться изъ того, что̀ я раньше писалъ о Вафангоу,—слуховъ же передавать даже не рѣшаюсь.

X.—Смерть есаула Власова.

5 іюля 1904 г. Вафангоу.

Я пріѣхалъ въ Ляоянъ вчера въ 5½ часовъ дня и прямо прошелъ въ Управленіе, гдѣ обсуждалъ дѣла съ Михайловымъ. Къ ужину собрались врачи и разсказали мнѣ печальную вѣсть, что Коля Власовъ вчера же утромъ въ 6 часовъ скончался. Бѣдняга говорилъ обо мнѣ съ момента ранѣнія, просилъ свезти его именно туда, гдѣ я; пріѣхавъ къ намъ въ 1-ый Георгіевскій госпиталь, все время меня спрашивалъ, — а меня не было. Не говоря уже о грусти, которую причиняетъ смерть такого прекраснаго, благороднѣйшаго человѣка, мнѣ ужасно тяжело, что я не былъ при немъ. Какъ я былъ огорченъ, когда сегодня утромъ уже засталъ гробъ зако-

лоченнымъ! Это — длинный и узкій, немного китайскаго покроя, гробъ, обтянутый китайской малиновой матеріей съ нашитымъ на крышкѣ крестомъ изъ бѣлаго атласа. На крышкѣ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ головѣ, лежалъ уже замѣтно увядшій вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, вчера положенный однимъ изъ товарищей покойнаго; сестра милосердія украшала гробъ цвѣтами изъ госпитальнаго сада; здѣсь же, въ маленькомъ деревянномъ сараѣ, служащемъ намъ покойницкой, я нашелъ одного молодого офицера, сильно и сердечно удрученнаго, оказавшагося графомъ Б. Товарищи понемногу сходились; всѣ, даже наименѣе знавшіе Власова, успѣли оцѣнить и полюбить его; нѣтъ ни одного человѣка, — будь то генералъ, солдатъ, офицеръ, врачъ или сестра, — который бы иначе отзывался о немъ, какъ съ восторгомъ. И погибъ-то онъ оттого, что былъ слишкомъ хорошъ.

30-го іюня, они съ генераломъ Ренненкампфомъ (который тоже былъ тогда раненъ, лежитъ у насъ и велѣлъ себя принести на отпѣваніе Коли) попали въ засаду: шли въ долинѣ, а сверху, съ сопокъ, ихъ разстрѣливали японцы. Наши должны были немедленно отступить; сотня Власова прикрывала это отступленіе. Уже всѣ ушли, онъ все еще оставался. Солдаты убѣждали его поторопиться уйти, — онъ сказалъ, что это невозможно, такъ какъ онъ привыкъ уходить послѣднимъ. Въ это время онъ присѣлъ на корточки, чтобы посмотрѣть еще разъ въ бинокль, — и получилъ рану въ животъ. Сперва онъ не почувствовалъ боли и думалъ, что только контуженъ, не позволилъ даже себя нести и четыре версты прошелъ пѣшкомъ, но потомъ долженъ былъ уступить. Его донесли до рѣки, и тамъ онъ плылъ до Ляояна на шаландѣ, уже сильно страдая, въ теченіе трехъ дней.

Въ Георгіевскій госпиталь онъ уже поступилъ съ явленіями прободного перитонита и въ такомъ состояніи, что операція была признана невозможной. Онъ продиктовалъ телеграммы матери и друзьямъ. Во всѣхъ онъ говорилъ, что раненъ легко, мать просилъ не безпокоиться и обѣщалъ подробности въ письмѣ. Телеграммы эти не были посланы, такъ какъ положеніе его быстро ухудшалось: въ 2 часа дня онъ прибылъ, а въ 2 часа ночи потерялъ сознаніе, вскакивалъ, не узнавалъ сестры милосердія, съ которой днемъ еще бесѣдовалъ, — и въ 6 часовъ утра его не стало.

Въ надгробномъ словѣ священникъ о. Курловъ сказалъ, что покойный поручилъ ему передать матери его, что онъ умираетъ христіаниномъ, съ мыслью о ней, которую любилъ и чтилъ больше всѣхъ въ жизни. Онъ радовался, что успѣлъ причаститься, такъ какъ

зналъ, что матери это будетъ пріятно. Онъ все-таки имѣлъ надежду, что можетъ поправиться, а по впечатлѣнію сестеръ онъ былъ даже далекъ отъ мысли о неизбѣжности смерти. Въ день кончины его, одинъ изъ его товарищей, который горько плакалъ, принесъ старшей сестрѣ Госпиталя Е. Н. Ивановой сто рублей на похороны и уѣхалъ. На похоронахъ было много офицеровъ и всѣ искренно опечалены. Мы несли его гробъ на полотенцахъ и веревкахъ, такъ какъ онъ былъ безъ ручекъ, и донесли до самой могилы.

XI.—Смерть ген. Келлера и отступленіе отъ Холангоу.

Деревня Кофенцзы (Восточный отрядъ) 25 іюля 1904 г.

Живу я здѣсь цѣлую недѣлю почти на самыхъ позиціяхъ, каждый день можетъ разразиться бой, но именно здѣсь я и отдохнулъ немного, и поуспокоился. Въ нашемъ Управленіи въ Ляоянѣ необычайно нервная атмосфера. Правда, всюду всѣ переутомлены и всѣ изнервничались; покойный генералъ Келлеръ послѣднее время почти не спалъ по ночамъ, вставалъ и говорилъ своему адъютанту:

— Vous savez, je ne suis pas alarmiste, mais j'entends qu'on tire.

Адъютантъ выходитъ изъ палатки, вслушивается въ темноту и убѣждается, что это двуколка громыхаетъ гдѣ-нибудь по каменистой дорогѣ (звукъ, дѣйствительно, очень похожій на ружейную стрѣльбу).

— Какая двуколка, это стрѣляютъ!—не сразу успокаивается графъ.

Какъ жаль этого храбраго рыцаря! Я помню его еще въ Ляоянѣ, когда онъ пришелъ въ Георгіевскій госпиталь лечиться: небольшого роста, съ розовыми щеками, ясными голубыми глазами и бѣлокурой съ просѣдью, расчесанной на-двое, бородкой,—онъ былъ сама любезность. Въ отрядѣ всѣ скоро полюбили его и прежде всего за его необыкновенную со всѣми обходительность. Затѣмъ онъ съ перваго же боя проявилъ необычайную, даже излишнюю храбрость: онъ ходилъ часто въ бѣломъ кителѣ по самымъ батареямъ подъ отчаяннымъ огнемъ. Ему говорили, что такъ нельзя, такъ не надо, но онъ ничего не хотѣлъ слушать. 18-го іюля онъ продѣлывалъ то же самое. Когда онъ шелъ съ одной батареи на другую, ему предстояло пройти по сильно обстрѣливаемому мѣсту; его предупре-

дили, онъ молча взглянулъ на говорившаго и своимъ особымъ смѣлымъ шагомъ пошелъ впередъ. Тотчасъ же разорвалась шрапнель, и онъ упалъ; никто на батареѣ и никто изъ его штаба не былъ раненъ, но онъ, бѣдняга, получилъ въ себя весь зарядъ,—говорятъ, до 34 ранъ. Когда его поднимали, онъ могъ только сказать: „оставьте меня“, и сейчасъ же, повидимому, скончался.

Это было въ бою подъ Холангоу. Говорятъ, бой шелъ блестяще, мы положительно побѣждали, когда вдругъ одинъ полкъ, по приказанію своего командира, ушелъ и тѣмъ открылъ японцамъ мѣсто къ наступленію. Командира смѣнили, его собрались судить, есть слухъ даже, что онъ куда-то скрылся, но, тѣмъ не менѣе, мы все-таки должны были отступить.

Никогда не забуду этой ужасной ночи, cette nuit funèbre (вѣдь нѣтъ точнаго перевода этого выразительнаго слова) съ 18-го на 19-е іюля.

18-го іюля, утромъ, я выѣхалъ изъ Ляояна сюда, въ Восточный отрядъ, съ особымъ порученіемъ и особыми полномочіями отъ Александровскаго. Со мной ѣхали одинъ изъ главноуполномоченныхъ Земской соединенной Организаціи, Н. Н. Ковалевскій, и еще одинъ изъ ея членовъ. Мы отлично, несмотря на сильнѣйшую жару, доѣхали до полуэтапа Сяолинцзы; я осмотрѣлъ тамъ этапный лазаретъ харьковскаго земства, полюбовался чуднымъ устройствомъ Евгеніевскаго госпиталя, только-что вновь открытаго, и мы поѣхали дальше.

Это—та самая дорога, которую я дѣлалъ ровно три мѣсяца тому назадъ, когда послѣ тюренченскаго боя ѣхалъ въ Ляншаньгуань. Теперь живописныя скалы покрылись пятнами темной бархатистой зелени, поля—высокимъ изумруднымъ гаоляномъ, такимъ высокимъ, что, сидя верхомъ на конѣ и поднявъ нагайку, я все-таки оказываюсь ниже этого лѣса тонкихъ тростниковыхъ стеблей. Недаромъ китайцамъ запрещено сѣять гаолянъ ближе трехъ сотъ, если не ошибаюсь, саженъ отъ желѣзнодорожнаго пути,—иначе въ немъ прятались бы хунхузы и обстрѣливали бы поѣзда. И то онъ служитъ японцамъ во время ночныхъ разъѣздовъ: юркнетъ на лошади въ гаолянъ—и не найти его. Гаолянъ даетъ китайцамъ прекрасную кашу, вродѣ гречневой, даетъ солому для скота и даетъ топливо. Временами и мѣстами другого топлива не найти. Изъ гаоляна же плетутся отличныя изгороди. Теперь онъ достигъ, кажется, своей максимальной высоты и цвѣтетъ густыми, съ лиловатымъ отливомъ,

кистями. У китайцевъ примѣта, что если періода дождей не было до начала цвѣтенія гаоляна, то его и не будетъ вовсе.

Мы пріѣхали на первый этапъ, въ Ляндясянъ, уже вечеромъ, въ полную темноту. Около русской лавочки, гдѣ можно поѣсть и попить, стояли спѣшившіеся казаки и ихъ лошади. Въ ресторанчикѣ мы нашли одного моего знакомаго сотника, измученнаго, исхудалаго, истерзаннаго душой. Сначала онъ не хотѣлъ разбалтываться, сказалъ только, что подъ Холангоу, куда мы ѣхали, цѣлый день идетъ сильный бой, что Келлеръ смертельно раненъ, генералъ Гершельманъ отброшенъ, князь Д.—въ очень опасномъ положеніи, терско-кубанскій полкъ зашелъ японцамъ въ тылъ и, вѣроятно, погибнетъ.—Ты себѣ легко представишь, какое впечатлѣніе должны были произвести на меня всѣ эти извѣстія въ эту мрачную ночь, въ маленькомъ закоптѣломъ кабачкѣ, полученныя отъ офицера, только-что выскочившаго, какъ онъ выражался, „изъ грязной исторіи“. Онъ разговорился и сталъ отводить душу. Не смѣю даже повторить всего, что̀ онъ говорилъ, но впечатлѣніе отъ его словъ получалось удручающее: такому-то было приказано начать бой ночью,—онъ началъ его только утромъ, когда было свѣтло; другого предупреждали не идти такой-то дорогой, а непремѣнно другой, такъ какъ иначе онъ рискуетъ всей своей частью, а онъ повелъ ее именно по запрещенной дорогѣ, вслѣдствіе чего массу потерялъ, во-время не пришелъ и способствовалъ проигрышу боя, и т. д., и т. д.

Мы съѣли по яичницѣ, выпили по стакану чая и всѣ вмѣстѣ выѣхали.

— Евгеній Сергѣевичъ, разскажите что-нибудь!—проситъ мой бѣдный спутникъ, чтобы отвлечься.

— Что̀ я могу вамъ разсказать послѣ всего, что̀ слышалъ: языкъ присохъ у меня къ гортани.

Мы разстались около самаго Холангоу. Сотникъ поѣхалъ въ лагерь, а мы—въ этапный лазаретъ харьковскаго земства.

Тамъ уже лежало свыше ста раненыхъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ досказалъ намъ новости: графъ Келлеръ убитъ, докторъ Ивенсенъ, старшій врачъ 6-го московскаго летучаго отряда, раненъ въ ногу; сейчасъ идетъ военный совѣтъ, обсуждающій вопросъ, держаться ли на позиціяхъ, или отступать.

Мрачность ночи все сгущалась.

Я прошелъ къ тѣлу Келлера (раненые были уже всѣ перевязаны); оно стояло подъ шатромъ Краснаго Креста, любовно убраннымъ княземъ Ширинскимъ разнообразной зеленью; двѣ

свѣчи тускло освѣщали послѣднее земное жилище храбраго воина; два солдата стояли на часахъ у тѣла. Съ глубокимъ чувствомъ поклонился я останкамъ, едва приведеннымъ въ человѣкоподобный видъ и закутаннымъ кисеей. Кто знаетъ, не есть ли это самый счастливый удѣлъ русскаго гражданина въ настоящую тяжелую годину?!

Князь ушелъ узнать результатъ совѣщанія военачальниковъ, а я остался поджидать его. Вдругъ въ темнотѣ раздались стоны, и справа отъ меня показалась черная вереница носилокъ, съ которыхъ и долетали эти стоны на разные голоса.

Мы еще распредѣляли этихъ раненыхъ по палаткамъ этапнаго Харьковскаго лазарета, когда вернулся Ширинскій и объявилъ, что рѣшено отступать и раненыхъ приказано немедленно эвакуировать. Было $2^1/_2$ часа утра. На чемъ и какъ эвакуировать? Стали разсортировывать несчастныхъ, и раненымъ въ руку, только-что уснувшимъ послѣ пережитыхъ душевныхъ и физическихъ напряженій, было предложено идти пѣшкомъ. Ширинскій остановилъ ѣхавшія мимо пять санитарныхъ двуколокъ, въ одной изъ которыхъ едва растолкали измученнаго заснувшаго врача, и попросили его взять съ собой человѣкъ двѣнадцать, которые идти не могли. Я отдалъ фудутунку Краснаго Креста, въ которой пріѣхали наши вещи, раненымъ, чтобы перевезти еще троихъ. Осѣдлали лошадей и думали и ихъ отдать подъ раненыхъ, когда подошелъ еще цѣлый транспортъ пустыхъ санитарныхъ двуколокъ. Усадили всѣхъ, кого было можно, остались только такіе, которыхъ необходимо было нести на носилкахъ. Но кто ихъ понесетъ? Китайцы наотрѣзъ отказались. Спасителями явились саперы съ своимъ милѣйшимъ офицеромъ, капитаномъ Субботинымъ, которые принесли раненыхъ; они и понесли ихъ дальше и захватили еще новыхъ. Наконецъ, пришли санитары съ носилками изъ дивизіоннаго лазарета, и всѣ больные были унесены. Унесли и графа Келлера, положеннаго въ неимовѣрной тяжести гробъ, за ночь сколоченный солдатиками.

Къ этому времени солнце уже ярко горѣло на небѣ, освѣщая все по-своему и отогрѣвая измученныя души. Шла рѣчь о томъ, какъ хорошо шелъ бой, какая была бы славная побѣда, если бы не такой-то полкъ; что съ княземъ Д. ничего не случилось; что терско-кубанскій полкъ благополучно вернулся, и т. д. Никакія осадныя орудія, которыхъ боялись ночью, не стрѣляли, и сестры лазарета, уложивъ вещи, тоже благополучно уѣхали. Ковалевскій остался укладывать оставшееся имущество, а я пустился въ обратный путь.

Встрѣчаю молодого офицера, съ которымъ познакомился въ Ляоянѣ, гдѣ онъ навѣщалъ одного изъ нашихъ уполномоченныхъ. Онъ былъ у Ренненкампфа и занимался развѣдками. Каждое утро выѣзжалъ онъ съ 16-ью казаками искать японцевъ, постоянно на нихъ натыкался и замучился такъ, что въ Ляоянѣ находили его сильно измѣнившимся и изнервничавшимся.

— Знаете,—разсказывалъ онъ тогда,—иной разъ выѣзжаешь такой бодрый и все ничего; встрѣтишь японцевъ, скомандуешь—и все такъ покойно; но иной день такъ скверно себя чувствуешь, что такъ бы и удралъ отъ нихъ, ей Богу.

Теперь онъ имѣлъ довольный видъ, солнце играло и на немъ, и въ немъ.

— А знаете, докторъ, вѣдь я перехватилъ транспортъ, ей Богу! хоть паршивый, но перехватилъ, ужъ и въ газетахъ объ этомъ было, ей Богу! Вы не читали?

Милое его улыбающееся лицо само дѣйствовало на меня, какъ солнце, и я поѣхалъ пріободренный, не замѣчая, что не спалъ ночь.

Дорогой я нагонялъ раненыхъ, которыхъ несли, и слѣдилъ за ними; на первомъ этапѣ вздремнулъ два часа, затѣмъ пріѣхалъ въ Чинертунь, около котораго и теперь стоимъ, а къ вечеру добрался до военнаго госпиталя, куда прибыли всѣ наши раненые и гдѣ и я переночевалъ.

XII.—Въ Восточномъ отрядѣ.

Кофенизы, 26-ое іюля 1904 года.

Пользуясь дождемъ и затишьемъ—навѣрное передъ бурей—я расписался эти дни. Въ эти междубоевые періоды часто испытываешь малодушное состояніе больного, которому предстоитъ неизбѣжная операція: можетъ быть, чѣмъ раньше она состоится, тѣмъ лучше, но онъ радъ всякой оттяжкѣ, — то операціонная комната не готова, то докторъ прихворнулъ, и т. д. Такъ и я: знаю, что бои должны быть и большіе, и много ихъ, и, можетъ быть, иногда чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но радуешься невольно, когда они оттягиваются, представляя себѣ, сколько опять горя и страданій они должны съ собой принести.

Но такое настроеніе опять-таки развивается преимущественно въ Ляоянѣ. Здѣсь, въ лагерѣ, оно гораздо болѣе боевое, и даже переутомленные офицеры тяготятся затяжкой бездѣйствія. Въ иныхъ полкахъ настроеніе даже очень бодрое, такъ-что радостно на нихъ смотрѣть.

Вообще, солдаты и офицеры въ огромномъ большинствѣ случаевъ дерутся великолѣпно; не всегда удачно бываетъ, повидимому, болѣе высокое командованіе, и вѣчная бѣда, что приказъ къ отступленію приходитъ и неожиданно, и не всюду одновременно, и часто несоотвѣтственно, какъ будто, положенію дѣла, такъ что многое изъ того, что̀ говорилъ мой знакомый сотникъ, къ сожалѣнію, кажется, справедливо.

Во всякомъ случаѣ мы еще въ недостаточной количественной силѣ, и трудности, съ которыми нашимъ войскамъ приходится бороться, громадны. Но русскій человѣкъ ко всему примѣняется, и многіе полки уже бѣгаютъ по сопкамъ не хуже японцевъ. Большое преимущество нашего врага въ томъ еще, что онъ черезъ китайцевъ отлично о насъ освѣдомленъ, мы же знаемъ о немъ только то, что̀ сами раздобудемъ.

Стойкости японскихъ войскъ и стратегическихъ способностей ихъ военачальниковъ здѣсь никто не отрицаетъ. Самъ Куроки, говорятъ, боленъ ревматизмомъ, его носятъ на носилкахъ, но ему особой подвижности и не нужно: со всѣми позиціями онъ соединенъ телефономъ, обо всемъ происходящемъ онъ каждую минуту освѣдомленъ, можетъ немедленно отдать любое распоряженіе и такимъ образомъ объединяетъ дѣйствія всей своей арміи. Кромѣ того, у японцевъ отлично организована система сигнализаціи флагами во время боя. Пользуются они и геліографомъ, по ночамъ рыщутъ какими-то огнями по горамъ. Словомъ, многому можно намъ у нихъ поучиться.

Въ Восточномъ отрядѣ, впрочемъ, очень хорошо: позиціи тоже соединены между собой телефонами, настроеніе въ штабѣ разумное и бодрое, у всѣхъ готовность биться до послѣдней капли крови и—что̀ особенно важно—вѣра въ возможность побѣды. Дай имъ, Боже, успѣха!

Удивительно, какъ отличается лагерь отъ лагеря. Здѣсь лагерь имѣетъ характеръ боевой, дѣловой, серьезный, въ Кудзяцзы—казовой и эффектный: пѣсни, музыка, воздушный шаръ. Тамъ я былъ какъ разъ въ очень подавленномъ состояніи, и эти пѣсни раздражали меня: мнѣ слышалась въ нихъ фальшь...

Несмотря на крайне жесткое ложе, я здѣсь высыпаюсь (еще я сплю на буркѣ, которую мнѣ уступаетъ одинъ изъ моихъ сожителей, студентъ летучаго отряда, Перримондъ, большой молодчага, работавшій въ послѣднемъ бою цѣлый день на батареѣ); ѣда наша крайне умѣренная и дѣла я сейчасъ не имѣю никакого. Я остался здѣсь временно, до присылки уполномоченнаго Восточнаго отряда вмѣсто князя Ширинскаго, и, какъ будто, забытъ началь-

ствомъ. Пока я этимъ только доволенъ, но сейчасъ отрѣзанъ отъ Ляояна на неопредѣленное время: послѣ одного дня дождя рѣка мѣстами уже стала непроходима, и казакъ, чтобы свезти въ штабъ донесеніе, долженъ былъ раздѣться, положить донесеніе въ фуражку, снять сѣдло съ лошади и поплыть рядомъ съ нею. Я же доѣхалъ до рѣки и вернулся назадъ въ свою деревню.

Радуюсь своей задержкѣ еще и потому, что это дастъ мнѣ, я надѣюсь, возможность посмотрѣть на дѣлѣ работу летучихъ отрядовъ. Жизнь я ихъ уже вижу. Внѣ дѣла — это мытарство: безъ всякихъ удобствъ, безъ настоящаго питанія, безъ книгъ и духовной пищи, жизнь въ грязи и отчаянной скукѣ, когда начинаютъ, какъ три сестры у Чехова, стонать: „въ Москву, въ Москву!“. Я этого, конечно, не испытываю, такъ какъ первые дни все ѣздилъ верхомъ: одинъ день объѣхалъ наши позиціи съ генераломъ Кашталинскимъ и полковникомъ Орановскимъ (начальникомъ штаба отряда), другой—отыскивалъ мѣсто для перваго летучаго отряда, третій — устраивалъ Курляндскій отрядъ, на четвертый—выдѣлялъ изъ Курляндскаго отряда еще меньшихъ размѣровъ летучку для отряда генерала Грекова; на пятый день ѣздилъ въ Сяолинцзы, въ Евгеніевскій госпиталь,—послѣдніе же два дня сижу и пишу, „какъ поденщикъ“. Такъ я могъ бы выдержать долго, но на завтра китайцы предвѣщаютъ бой.

Когда китайцы ожидаютъ, что будетъ „война“, какъ они говорятъ, они увозятъ своихъ „бабушекъ“, „мадамъ“ и дѣтей въ горы. Наши хозяева сдѣлали это уже нѣсколько дней тому назадъ и съ горя стали курить опій и пить свою отчаянную китайскую водку—ханшинъ, отъ которой наши солдатики иногда умираютъ, а въ лучшемъ случаѣ и на второй, и на третій день пьянѣютъ, лишь только выпьютъ стаканъ воды. Ханшинъ и опій приводятъ китайцевъ въ разслабленное довольное состояніе, и они дѣлаются смѣшливы. Къ намъ, своимъ непрошеннымъ гостямъ, они относятся вполнѣ дружелюбно, а двое изъ нихъ особенно ко мнѣ расположены: при видѣ меня улыбаются, повторяя каждый разъ: „капитанъ шанго“. Чрезвычайно ихъ интересуетъ мое утреннее мытье, изъ котораго они дѣлаютъ себѣ цѣлое зрѣлище.

Кофенцзы — славная деревушка съ довольно обширными и чистыми фанзами и славными огородами при каждой изъ нихъ. Бобы и огурцы вьются по тщательно переплетеннымъ гаоляновымъ прутьямъ и по каменнымъ стѣнкамъ, отдѣляющимъ одинъ домъ отъ другого. Тутъ ростутъ и баклажаны, и дыни своеобразнаго вида, — маленькія, но очень недурныя на вкусъ, —

посажены гряды лука, въ иныхъ деревняхъ—цѣлыя красивыя поля мака.

Нигдѣ я не видалъ столько женщинъ, какъ въ этой деревнѣ. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что здѣсь народъ, повидимому, побогаче, и кто можетъ себѣ позволить эту роскошь, тотъ имѣетъ и двухъ, и трехъ женъ. На иныхъ дворахъ женщины, какъ только появишься, закрываютъ быстро окна, на другихъ онѣ менѣе боязливы и только скромно прячутся, если замѣчаютъ направленный на нихъ взоръ. Когда входишь въ фанзу, китаецъ-хозяинъ любезно приглашаетъ въ лѣвую (бо́льшую) мужскую половину ея, проситъ сѣсть: „Садиза!“—иногда вынимаетъ изо рта трубку и предлагаетъ: „Кури, кури“. Но, когда хочешь войти изъ сѣней въ правую дверь, хозяинъ передъ ней останавливается, придерживая ее, и почти шопотомъ предупреждаетъ: „Мадамъ спи́й, спи́й“. И дѣйствительно, тамъ постоянно какая-нибудь „мадамъ“ спитъ. Китайцы очень берегутъ своихъ женщинъ, которымъ предоставляютъ, повидимому, только домашнюю работу, на поляхъ же и въ огородахъ работаютъ почти исключительно мужчины; только однажды случилось мнѣ видѣть двухъ китаянокъ, срывавшихъ головки мака.

Высоко цѣня счастье семейнаго очага, китайцы на всѣхъ своихъ издѣліяхъ изображаютъ его эмблемы, часто весьма своеобразныя. Такъ, летучая мышь у нихъ эмблема семейнаго счастья, лягушка—эмблема любви. Квакаютъ онѣ здѣсь сотнями голосовъ на два тона, съ беззастѣнчивостью привиллегированныхъ особъ, и такъ громко, такъ неумолчно, что люди чуть понервнѣе отъ этого не могутъ спать. Стоитъ выпасть днемъ дождю, чтобы къ вечеру онѣ уже затянули свою пѣснь любви. И съ какимъ благоговѣніемъ слушаютъ подчасъ эту пѣснь китайцы! Я видѣлъ одного, который долго стоялъ передъ лужей, не отрывая глазъ отъ невидимаго хора,—наконецъ, даже на корточки присѣлъ, чтобы слушать съ полнымъ удобствомъ. Китайцы вообще народъ очень гибкій и на корточкахъ сидятъ, видимо, съ такимъ же удобствомъ, съ какимъ мы сидимъ на креслѣ. Рыба у нихъ тоже прикосновенна къ семейному счастью, и молодымъ на свадьбу принято дарить чашку съ двумя рыбами. Наконецъ, аистъ имѣетъ, надо думать, то же значеніе, что и въ Европѣ, почему въ необыкновенной шпилькѣ, изображающей розу съ удивительными листками, ты найдешь и рыбъ, и лягушку, и аиста, и лотосъ — цвѣтокъ вѣрности.

Китайцы несомнѣнно очень чадолюбивы. Они нѣжны съ дѣтьми, и я никогда не видалъ, чтобы они ихъ наказывали или

били. Зато не видалъ я и дракъ между дѣтьми. Вообще, дѣтишки китайскія—славныя, только отчаянно грязныя. Манеры, игры и плачъ ихъ совершенно общедѣтскія, рожицы часто очень миловидныя; всѣ они черноглазыя. Лѣтомъ маленькія дѣтки если не совсѣмъ голы (въ большую жару и взрослые китайцы работаютъ совершенно нагишомъ), то имѣютъ въ высокой степени упрощенный костюмъ, состоящій изъ одного передника, висящаго на шеѣ и прикрывающаго только грудь и животъ. Такіе передники носятъ, повидимому, рѣшительно всѣ китайцы подъ своимъ обычнымъ платьемъ, иные даже на серебряной цѣпочкѣ. Большею частью эти передники вышиты, иногда очень красивымъ узоромъ, синимъ по бѣлому. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы даже карманы. Взрослые китайцы, когда жарко, ходятъ большею частью только въ однихъ панталонахъ, а выше—или ничего, или такой передникъ. Панталоны у нихъ широкія, но около щиколотокъ туго обтянутыя; сверху они надѣваютъ еще рабочія панталоны, устройство которыхъ я долго не могъ понять вслѣдствіе ихъ страннаго вида: они завязываются такъ же низко, какъ и другая пара, но выше закрываютъ только переднюю часть голени, колѣни и нѣсколько выше ихъ кончаются, привязываясь тесемками къ поясу. Это, такъ сказать, мужской передникъ, который китайцы послѣ работы снимаютъ; но пока они въ немъ это имѣетъ препотѣшный видъ, особенно сзади. Ужасно уродлива у нихъ бритая передняя половина головы; не понимаю, зачѣмъ они эта дѣлаютъ. Скорѣе миришься съ ихъ косой, которую они часто кладутъ вѣнцомъ на голову, напоминая тогда, при извѣстныхъ типахъ, древнихъ римлянъ въ вѣнкахъ.

...Я лично не видалъ еще ни одного насилія русскихъ надъ китайцами,—вижу напротивъ, что за все, за всякую потраву, за всякую вещь, китайцы получаютъ большія, согласно ихъ требованіямъ, деньги, что они часто подходятъ къ „капитану“ съ жалобой на того или другого солдата, будто онъ ему денегъ не заплатилъ или срываетъ незрѣлую кукурузу. Эти жалобы доказываютъ, по-моему, ихъ увѣренность, что подобные поступки солдатъ наказуются, и нерѣдко такія обвиненія бываютъ просто шантажными. Такъ, мнѣ разсказывали, какъ одинъ китаецъ, которому не удалось съ обоихъ денщиковъ офицера получить по полтиннику за одну и ту же курицу, сталъ бить себя лицомъ объ дверь и выть. Вбѣжавшій офицеръ, увидавъ китайца въ крови, хотѣлъ сильно наказать денщиковъ, да дѣло объяснилось.

Высказывается, однако, и противоположное мнѣніе. Конечно, отдѣльные случаи безобразій не могутъ не перепадать, но мнѣ

невольно вспоминается разсказъ про одного этапнаго коменданта, который, вопреки своимъ обязанностямъ, не давалъ казакамъ сѣна безъ денегъ. Денегъ у казака нѣтъ, а лошадь свою онъ кормить долженъ, ибо что̀ такое казакъ безъ лошади? Ну, и перерубили казаки китайцу руку и отняли у него солому. Кто же наталкивалъ ихъ на разбой, спрашивается?

...Когда я въ Кудзяцзы навѣщалъ наши отряды, я поѣхалъ отыскивать Курляндскій. Въѣзжаемъ въ ближайшую деревню и натыкаемся на казаковъ съ оголенными шашками, офицеръ—съ револьверомъ въ рукѣ.

— Что случилось?—спрашиваемъ.

— Сейчасъ изъ гаоляна хунхузы казака ранили и скрылись въ этой деревнѣ.

Деревню сейчасъ оцѣпили казаки, встрѣчныхъ китайцевъ всѣхъ задержали, и, черезъ нѣкоторое время (мы уже проѣхали тогда дальше) поймали двадцать хунхузовъ и между ними двухъ японцевъ.

Былъ еще случай, когда я чуть не попалъ подъ пули хунхузовъ.

Есть у насъ на одной изъ станцій ближе къ Харбину, въ Шуанмяоцзы, госпиталь Казанскаго Дворянства. Я пріѣхалъ туда въ 11 часовъ вечера, благополучно прошелъ мимо часовыхъ, которые изъ темноты вдругъ громко окликаютъ: „кто идетъ?“ (скорѣе отвѣчаешь: „свой!“, чтобы не стрѣляли) и пришелъ въ домикъ, занимаемый врачами и сестрами. Старшій врачъ госпиталя Н. сталъ разсказывать мнѣ, какъ на дняхъ было нападеніе хунхузовъ на ихъ станцію, какъ нѣсколько пуль попало даже въ крышу госпиталя, и какъ вчера хунхузы опять обстрѣливали неподалеку воинскій поѣздъ; что ихъ — три эскадрона подъ начальствомъ японскихъ офицеровъ, и что на фуражкахъ убитыхъ хунхузовъ найдена японская надпись „Великая Японія“.

Въ это время вдругъ слышимъ свистъ и щолкъ, свистъ и щолкъ.

— Ну, вотъ, вотъ опять! — заволновался бѣдный докторъ, затушилъ скорѣе лампу, согласно приказанію пограничной стражи —а то стрѣляютъ на огонь, — и сталъ успокаивать меня изъ темноты.

— Вы не бойтесь, сейчасъ перестанутъ.

Его помощникъ, второй врачъ госпиталя, Крамеръ, всталъ съ постели, куда уже улегся на ночь, и пошелъ въ госпиталь на случай прихода раненыхъ. Хорошія условія работы!

Мы пошли за нимъ, но стрѣльба, дѣйствительно, сейчасъ прекратилась: пограничная стража пошла усмирять разбойниковъ.

Видѣлъ я хунхузовъ и вблизи: двое лечились въ Георгіевскомъ госпиталѣ отъ побоевъ, полученныхъ при дознаніи (китайцы при допросѣ подвергаютъ пыткамъ), хотя имъ предстояла смертная казнь. Видъ у нихъ былъ обычныхъ китайцевъ, они были только крупнѣе и мрачнѣе, прямо злѣе, но вѣдь и въ другихъ же условіяхъ!

Однажды видѣлъ я красиваго, большого, пріятнаго хунхуза, ихъ полковника, вошедшаго, со своими солдатами, въ извѣстный отрядъ полковника Мадритова. Онъ дрался за насъ, былъ раненъ, и я засталъ его во время перевязки. Онъ очень благодарилъ за нее, но отказался лечь въ госпиталь и объявилъ, что пойдетъ курить опій. Никогда еще не казалось мнѣ столь умѣстнымъ это употребленіе опія...

XIII.—Въ ожиданіи боя.

28-го іюля 1904 года. Кофенцзы.

Ложимся мы здѣсь спать довольно рано, не позже одиннадцати, а подъ-утро спишь уже сквознымъ сномъ: съ одной стороны, бока разболятся отъ жесткаго ложа, съ другой—невольно прислушиваешься къ жизни лагеря, не начинается ли, молъ, что̀, и присматриваешься къ небу; съ третьей—начинаютъ одолѣвать мухи. Это настоящія мухи-назои, которыя называются здѣсь нѣкоторыми египетскою казнью. Обиліе ихъ, дѣйствительно, неимовѣрное, и, глядя на нихъ, я себѣ ясно представляю, какъ могутъ японцы намъ досаждать уже одною своею численностью. Мухи покрываютъ собою все съѣстное, такъ что все приходится защищать колпаками, для чего пользуются обычными китайскими соломенными шляпами конической формы; чуть на столѣ появится кусокъ сахару, онъ тотчасъ дѣлается чернымъ отъ насѣвшихъ на него мухъ; потолки черны и отъ мухъ, и отъ ихъ слѣдовъ; пока стоитъ рюмка вина или ты пьешь чай, тебѣ неоднократно приходится вылавливать оттуда утопленницъ; иной разъ вздохнешь неосторожно, и тебѣ въ горло попадаетъ муха; чтобы спастись отъ нихъ, тебѣ нужно и окна, и двери затянуть кисеей, первыя никогда не открывать, вторыя держать на блокѣ, чтобы онѣ были открыты только, когда пропускаютъ человѣка; гдѣ этого нѣтъ — облегчаешь свое существованіе вѣеромъ, который заводятъ здѣсь почти всѣ въ борьбѣ со страшной жарой. Китайцы всѣ ходятъ съ вѣерами, даже самые бѣдные (намъ продаютъ вѣера по пятнадцати копѣекъ), а отъ мухъ у нихъ осо-

быя. опахала изъ конскихъ волосъ. Я тоже ложусь спать съ вѣеромъ (окна у насъ въ фанзѣ, конечно, никогда не запираются) и подъ утро обмахиваюсь имъ, иногда даже во снѣ.

Боя все нѣтъ, и я продолжаю писать.

Слѣдовало бы брать примѣръ съ солдатиковъ. Спрашиваю одного раненаго въ Евангелическомъ госпиталѣ, котораго засталъ за письмомъ.

— Что̀, другъ, домой пишешь?

Обыкновенно лицо солдатика при этомъ засіяетъ.

— Домой,—говоритъ.

— Что̀ же, описываешь, какъ тебя ранили (онъ былъ раненъ легко) и какъ ты молодцомъ дрался?

— Никакъ нѣтъ, пишу, что живъ и здоровъ, а то бы старики страховаться стали.

Вотъ оно—величіе и деликатность простой русской души!

Въ томъ же Евангелическомъ госпиталѣ была слѣдующая трогательная сцена. Куропаткинъ обходилъ раненыхъ и раздавалъ георгіевскіе кресты. Получилъ и одинъ фельдфебель или унтеръ-офицеръ 34-го сѣвскаго полка. Разспросивъ, по обыкновенію, раненаго о дѣлѣ и похваливъ за него: „хорошо работали“, Куропаткинъ своимъ громкимъ, покойнымъ голосомъ, передавая ему знакъ военнаго отличія, говоритъ:

— Именемъ Государя Императора поздравляю тебя кавалеромъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше высокопревосходительство!—молодецки выкликаетъ раненый.

— Теперь тебѣ всюду и всегда почетъ будетъ за этотъ крестъ. Постарайся его еще разъ заслужить,—продолжаетъ Куропаткинъ и отходитъ.

— Радъ стараться, ваше высокопревосходительство!—громко раздается ему вслѣдъ.

Такъ обошелъ онъ весь баракъ и вышелъ. Я задержался за какими-то разспросами, когда меня остановилъ новый кавалеръ 34-го сѣвскаго полка и въ волненіи заговорилъ:

— Ваше высокородіе, я еще долженъ доложить, я непремѣнно долженъ доложить его высокопревосходительству...

— Что̀, другъ?

— Меня командиръ полка отъ плѣна японскаго спасъ; когда я былъ раненъ, онъ мнѣ отдалъ свою лошадь и велѣлъ скорѣе везти. Я непремѣнно долженъ это доложить,—повторялъ со слезами на глазахъ благодарный солдатикъ.

— Хорошо, я передамъ.

На первомъ же обѣдѣ у Куропаткина я разсказалъ ему это.

— За такимъ командиромъ — сказалъ онъ,—конечно, весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, пойдетъ.

Черезъ нѣсколько времени въ Кудзяцзы мнѣ пришлось обѣдать у Куропаткина какъ-разъ рядомъ съ этимъ командиромъ. Это оказался высокій, полный, съ большой бѣлокурой бородой и добродушнымъ лицомъ человѣкъ. Я разсказалъ ему все, что̀ написалъ тебѣ, и онъ былъ, видимо, доволенъ.

— Повидимому, солдатикъ увѣренъ, что вы сами рисковали плѣномъ японскимъ, когда отдали ему свою лошадь. Вѣрно ли это?

— Нѣтъ, конечно, этого риска не было, но онъ все вѣрно разсказалъ.

Послѣ этого обѣда Куропаткинъ собралъ у себя въ палаткѣ всѣхъ полковыхъ командировъ и другихъ начальниковъ частей и сказалъ имъ, какъ мнѣ потомъ передавали слышавшіе, блестящую импровизированную рѣчь. Онъ очертилъ имъ весь ходъ истекшей части кампаніи, описалъ дальнѣйшіе планы, указалъ на назначеніе 10-го корпуса и коснулся нѣкоторыхъ, замѣченныхъ имъ, недостатковъ.

— Мы не привыкли,—говорилъ онъ,—къ горной войнѣ, и думаемъ ужъ, что трудности ея непреодолимы. Такое представленіе передается отъ офицеровъ и нижнимъ чинамъ. Между тѣмъ, къ ней можно пріучиться,—нужно только упражняться.

На другой же день солдатъ стали заставлять брать приступомъ сопки или, какъ ихъ здѣсь нѣжно называютъ, „сопочки“. Пошли на одну изъ нихъ и генералы осматривать позиціи, но одинъ, бѣдняга, отсталъ на первой трети и сталъ взывать о помощи: онъ не могъ ужъ сойти,—такъ у него кружилась голова. Красный Крестъ и тутъ помогъ.

— Ну, вотъ, — говорилъ бѣдный генералъ, спустившись,—а я, пѣхотный генералъ, говорятъ, долженъ видѣть все расположеніе моихъ частей,—ну, гдѣ мнѣ съ моимъ сердцемъ!

— Да зачѣмъ вамъ самому, ваше превосходительство, у васъ есть замѣститель,—утѣшаетъ его другой генералъ.

— Да онъ совсѣмъ не можетъ по горамъ ходить! — съ отчаяніемъ воскликнулъ первый:—отяжелѣли мы, засидѣлись!

XIV.—Въ Евгеніевскомъ госпиталѣ.

1-ое августа 1904 г. Сяолинцзы.

Удивительная энергія у этого талантливаго человѣка Н. Н. Исаченко, не могу на нее налюбоваться! Если бъ ты видѣла, что̀ онъ, вмѣстѣ съ уполномоченнымъ, графомъ П. Н. Апраксинымъ, другими врачами и сестрами создалъ въ Евгеніевскомъ госпиталѣ?! Напявъ нѣсколько жалкихъ фанзъ на склонѣ горы, онъ часть ея срылъ, образовалъ двѣ террасы, на одной расположилъ хирургическихъ больныхъ (ближе къ перевязочной), на другой—терапевтическихъ, все въ шатрахъ, соединенныхъ между собою брезентами и вытянутыхъ въ линію, и свою палатку поставилъ такъ, что отъ нея виденъ весь госпиталь; установилъ правильную выносную систему человѣческихъ отбросовъ; по всему участку проложилъ дорожки и прорылъ канавки; устроилъ церковь въ шатрѣ и образовалъ хоръ изъ сотрудниковъ и выздоравливающихъ. Больныхъ ведетъ и относится къ нимъ идеально. Всѣ чрезвычайно милые люди, евгеніевцы пріобрѣли и массу личныхъ друзей, благодаря которымъ они для своего госпиталя, пользующагося во всемъ Восточномъ отрядѣ самой блестящей репутаціей и любовью, въ различныя трудныя минуты со всѣхъ сторонъ получаютъ необходимую помощь. Только отъ нихъ я и слышу о нашемъ движеніи впередъ, о наступленіи на японцевъ, какъ о чемъ-то реальномъ, что̀ будетъ непремѣнно, и я самъ начинаю вѣрить, что оно можетъ наступить, даже скоро.

Теперь ихъ все отзывали отсюда, въ виду нашего отступленія, приказывали сниматься, а я все отстаивалъ, и госпиталь удержался, продолжая приносить свою громадную пользу. Все, безъ чего можно обойтись, отослано въ Ляоянъ, и все-таки всего еще достаточно.

Пришлось отослать и иконостасъ, и шатеръ, въ которомъ такъ мило была устроена церковь, но служба все-таки продолжается: по канавкѣ, которой былъ окруженъ церковный шатеръ, натыкали сосенокъ, сдѣлали изъ нихъ Царскія Врата, поставили одну сосенку за алтаремъ, другую—впереди передъ аналоемъ, приготовленнымъ для молебна; на двѣ послѣднія сосенки повѣсили по образу—и получилась церковь, которая казалась еще ближе всѣхъ другихъ къ Богу потому, что стоитъ непосредственно подъ Его небеснымъ покровомъ. Его присутствіе чувствовалось въ ней больше, чѣмъ въ какой-либо другой, и

такъ вспоминались слова Христа: „Гдѣ двое или трое соберутся во Имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“. Эта всенощная среди сосенъ въ полутьмѣ создавала такое чудное молитвенное настроеніе, что нельзя было не подтягивать хору и не уйти въ молитву, забывъ всѣ житейскія мелочи...

Это было въ субботу вечеромъ, въ тотъ самый вечеръ, когда на нашихъ горахъ, „сихъ проклятыхъ цопкахъ“, какъ ихъ называютъ солдатики, впервые за эту кампанію раздалось наше радостное русское „ура“. Я возвращался въ это время изъ штаба, расположеннаго въ сосѣдней деревнѣ въ Чинертунѣ, и какъ ни былъ далекъ отъ ожидавшагося событія, сейчасъ же предположилъ, что родился Наслѣдникъ, ибо какое другое событіе могло насъ теперь порадовать?!

Какъ разъ въ Сяолинцзы расположенъ тотъ славный 12-ый полкъ, шефомъ котораго назначенъ Наслѣдникъ.

Вечеромъ третьяго дня раздавались музыка и пѣніе, и вчера съ утра тоже. Въ это время въ нашей сосновой церкви шла обѣдница; едва затихало церковное пѣніе—къ намъ летѣли звуки бравурнаго марша, напоминая мнѣ церковную католическую процессію во время состязанія автомобилей, видѣнную нами съ тобой въ Палланцѣ. Тогда мы чувствовали въ этомъ совпаденіи борьбу церкви съ мірскимъ началомъ,—теперь, наоборотъ, эти противоположные мотивы звучали въ унисонъ: такъ, казалось, въ счастливой душѣ сливаются пѣсни радости съ благодарной молитвой къ Богу.

Послѣ службы мы пошли на площадь, гдѣ были выстроены именинный 12-ый полкъ и другіе, въ ожиданіи начальства и молебна. Пріѣхалъ начальникъ Восточнаго отряда Н. І. Ивановъ со штабомъ (изъ Чинертуни).

— Здравствуй, славный 12-ый полкъ! — раздалось на площади, „покоемъ“ окруженной войсками. Грянулъ отвѣтъ; поздравленіе продолжалось, мы пошли туда. Въ это время вдали появился генералъ Бильдерлингъ, командующій всѣмъ восточнымъ флангомъ. Онъ со всѣми поздоровался, обошелъ войска и пригласилъ всѣхъ въ середину каррэ къ молебну. Передъ аналоемъ стали знамена 11-го и 12-го полковъ. Я залюбовался знаменщиками, георгіевскими кавалерами, особенно однимъ изъ нихъ, высокимъ бѣлокурымъ молодцомъ съ двумя Георгіями. Съ какой счастливой гордостью держалъ онъ это воплощеніе идеи полка, идеи ихъ единства и вѣрности Царю и Отечеству, съ какой нѣжностью подносилъ, вѣрнѣе—опускалъ его передъ свя-

щенникомъ для окропленія святой водой! Совсѣмъ какъ любящая и гордая своимъ ребенкомъ мать подноситъ его къ причастію...

Передъ молебномъ священникъ 12-го полка, въ бою подъ сильнымъ огнемъ причащавшій умирающихъ,—какъ, впрочемъ, и многіе другіе,—сказалъ нѣсколько простыхъ и сердечныхъ словъ, на тему о томъ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. Его громкій голосъ яснымъ эхо раздавался надъ ближайшей горой въ направленіи къ Ляояну, и казалось, что эти звуки изъ нашего жуткаго далека такъ и будутъ скакать съ горы на гору къ нашимъ роднымъ и близкимъ, въ нашу бѣдную, дорогую отчизну для того, чтобы и вы всѣ, родные, услыхали ихъ...

Послѣ молебна генералъ Бильдерлингъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя, и оркестры двухъ полковъ грянули „Боже, Царя храни!“ Темпераменты обоихъ капельмейстеровъ оказались совершенно разными: одинъ велъ торжественнымъ „andante“, другой—радостнымъ, ликующимъ „allegro“. Послѣ первыхъ же звуковъ, вмѣсто чуднаго величественнаго гимна, послышалась трудно понятная какофонія. Такъ-то,—подумалъ я,—и наши русскія сердца, даже одинаково преданныя своему Царю, бьются и звучатъ совершенно по разному, и что изъ этого получается?! А когда въ тотъ же хоръ вплетаются еще души, настроенныя не на нашъ гимнъ, а на „Wacht am Rhein“, или марсельезу, или камаринскую?!

Въ $12^1/_2$ часовъ дня, въ 12-мъ полку былъ обѣдъ, на который и мы всѣ были приглашены. Знаменитый полковой командиръ, полковникъ Цыбульскій, необыкновеннаго, какъ говорятъ, хладнокровія въ бою,—встрѣчалъ гостей. Большой шатеръ былъ убранъ зеленью, скамейки—покрыты синей китайской матеріей; изъ солдатскихъ палатокъ—сдѣланъ второй шатеръ, въ которомъ, за недостаткомъ скамеекъ, были вырыты канавки: въ нихъ гости ставили свои ноги, садясь на землю, покрытую зеленью, и имѣя другую сторону канавки столомъ. Тѣмъ не менѣе, обѣдъ былъ обильный и яствами, и питьемъ, и тостами, и прошелъ очень мило и оживленно. Очень кстати выпалъ и на нашу долю праздникъ,—маленькій отдыхъ многимъ измученнымъ душамъ; какъ чувствовалось это въ различныхъ рѣчахъ и пр.!

Бильдерлингъ оставался долго и сказалъ офицерамъ-хозяевамъ очень милое слово: „Однажды Наполеонъ разспрашивалъ своихъ приближенныхъ, кто имѣлъ какихъ знаменитыхъ предковъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ знатныхъ людей среди своихъ предковъ, но постарается, чтобы потомки

его имѣли такого. Вотъ вы, господа, являетесь такими предками, которыми потомки ваши будутъ гордиться", и т. д.

Въ отвѣтъ на тостъ за мое здоровье, я просилъ слова и разсказалъ, какъ былъ пораженъ мужествомъ и терпѣніемъ, съ которыми раненые подъ Тюренченомъ переносили свои страданія, въ глубокомъ убѣжденіи, что они дѣлаютъ свое великое дѣло за Царя и Отечество. „Они умѣли биться, умѣли и страдать", — сказалъ я и предложилъ выпить за здоровье тѣхъ изъ тюренченскихъ раненыхъ, которые еще не поправились. Тостъ былъ встрѣченъ очень сочувственно; генералъ Ивановъ поцѣловалъ меня и предложилъ всѣмъ офицерамъ 12-го полка сдѣлать то же, что̀ и было очень мило исполнено, и я съ удовольствіемъ расцѣловалъ этихъ скромныхъ, но истинныхъ героевъ въ сѣрыхъ изношенныхъ рубашкахъ.

Пили и за здоровье иностранныхъ представителей, изъ которыхъ двое, въ томъ числѣ и германскій, отвѣчали на русскомъ языкѣ. Послѣдній подчеркнулъ, что германская армія, особенно прусская, была всегда союзницей русской.

Однимъ изъ распорядителей обѣда былъ очень милый офицеръ полка, сынъ полкового командира. Что̀ чувствуютъ оба, отецъ и сынъ, когда вмѣстѣ идутъ въ бой?! Жутко мнѣ поставить себя на ихъ мѣсто...

...Въ Ляншангуани я познакомился съ однимъ офицеромъ, который вначалѣ войны былъ помощникомъ коменданта. Когда полкъ его, 24-ый, пошелъ въ походъ, онъ, молодой мужъ и отецъ малолѣтняго мальчика, отказался отъ своего сравнительно безопаснаго и выгоднаго мѣста и попросился въ полкъ. Тамъ его тотчасъ же назначили на какую-то нестроевую должность,—онъ отказался, чтобы быть въ строю. Покойный Келлеръ хотѣлъ взять его къ себѣ въ штабъ, но онъ попросилъ командира полка, славнаго полковника Лечицкаго, удержать его въ полку—и получилъ роту.

Въ первомъ же бою на его глазахъ были убиты два его лучшихъ друга, изъ которыхъ одинъ былъ ему спеціально порученъ старикомъ-отцомъ. До тѣхъ поръ онъ все желалъ войны, но тутъ съ нимъ произошелъ переворотъ: онъ слишкомъ наглядно увидалъ всю жестокость и мерзость ея. Когда онъ, послѣ боя, представлялъ Келлеру остатокъ своей роты, человѣкъ въ двадцать-пять, и графъ спросилъ его, гдѣ его рота, ему сдавило горло, и онъ едва могъ проговорить, что она—вся тутъ!

XV.—Врачи на войнѣ.

...При дальнобойности современныхъ ружей и орудій, всѣмъ врачамъ приходится работать подъ огнемъ, и, къ чести ихъ сказать, они всѣ безъ исключенія, какъ военные, такъ и наши, краснокрестные, повсюду ведутъ себя просто доблестно. Даже офицеры говорятъ, что въ мирное время привыкли относиться къ врачамъ, какъ къ не-военнымъ, а теперь убѣдились, что они такіе же военные, какъ они сами, и столько же рискуютъ собой. Забираются наши врачи и на батареи, и одинъ изъ врачей Евгеніевскаго отряда, докторъ С., временно бывшій главнымъ врачомъ одного изъ летучихъ отрядовъ, даже такъ увлекся, что вмѣстѣ съ офицерами высматривалъ японцевъ и просилъ въ нихъ стрѣлять. Онъ остался въ восторгѣ отъ дѣйствія артиллеріи, работа которой, дѣйствительно, всѣми признается безупречной.

Каждый изъ нашихъ летучихъ отрядовъ заработалъ себѣ въ частяхъ, при которыхъ дѣйствовалъ, самое лестное имя и самую сердечную благодарность; всѣ свидѣтельствуютъ о ихъ самоотверженности. Радостно и трогательно мнѣ было вчера видѣть, какъ сердечно и горячо относились въ 12-мъ полку къ уполномоченному Курляндскаго летучаго отряда, барону фонъ-Хану.

Балтійскіе нѣмцы, которыхъ на войнѣ здѣсь оказалось довольно много, вообще повсюду работаютъ прекрасно: и Курляндцы, и Евангелическій госпиталь, выдѣлившій свой летучій отрядъ, и профессоръ Мантейфель со своими учениками, и врачи отряда П. В. Родзянко, тоже изъ балтійскихъ провинцій, наконецъ, Русско-Голландскаго отряда, — всѣ внушаютъ къ себѣ самое искреннее уваженіе и тѣмъ, конечно, что они пріѣхали, и тѣмъ, какъ они себя держатъ и какъ работаютъ. Здѣсь совсѣмъ не проявляется у нихъ то, что̀ меня обыкновенно такъ обижаетъ съ ихъ стороны,—это презрѣніе къ русскому человѣку, презрѣніе, которое и было, по-моему, причиной враждованія съ ними. Здѣсь, какъ они сами заявляютъ, научаешься уважать русскаго мужика,—а раньше многіе изъ нихъ его, пожалуй, и въ глаза не видали.

Не помню ужъ, писалъ ли я тебѣ, что, памятуя свои обязанности завѣдующаго медицинской частью Краснаго Креста, я, во время боя подъ Вафангоу, не хотѣлъ упорствовать въ томъ, чтобы сидѣть за фельдшера. Когда пришелъ военный фельдшеръ съ другого перевязочнаго пункта, я спросилъ его, не можетъ ли

онъ за меня остаться,—онъ сказалъ, что долженъ спросить своего врача. Разумѣется, я послалъ его къ врачу, но онъ больше не возвращался.

Прибѣжалъ потомъ, запыхавшись, на гору ко мнѣ профессоръ Цеге-Мантейфель съ двумя санитарами и носилками.

— Говорятъ, у васъ много раненыхъ? — спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ,—говорю,—и вы, пожалуйста, уходите.

Глядя на его огромную фигуру въ большомъ бѣломъ шлемѣ, я думалъ, что по немъ тотчасъ же откроютъ только-что затихшій огонь.

— А вы что же здѣсь дѣлаете?—спрашиваетъ онъ.

— Я сижу за фельдшера, который раненъ.

— Такъ я вамъ пришлю своего.

— Отлично,—говорю,—присылайте.

— Ахъ, нѣтъ,—вспомнилъ Мантейфель,—вѣдь онъ у меня совсѣмъ въ другомъ отрядѣ. Ну, я останусь за васъ.

— Ну, нѣтъ, этого я не могу позволить; это я, терапевтъ, могу остаться за фельдшера, а вы, профессоръ хирургіи, нужны на перевязочномъ пунктѣ подальше. Дайте мнѣ только, пожалуйста, папиросъ, потому что мои—на исходѣ, а сами уходите.

Такъ и проводилъ его. Никогда не забуду я ему этихъ папиросъ...

У насъ здѣсь пока затишье продолжается, объясняемое разными слухами, но, можетъ быть, поддерживаемое дождями, которые опять зарядили, особенно сегодня. Быть застигнутымъ ими здѣсь — мнѣ одно удовольствіе, но мнѣ уже становится стыдно, что я такъ долго отдыхаю. Неясно тоже вижу, почему меня оставляютъ здѣсь въ покоѣ.

P.-S.—3-е августа 1904 года. Ночью получилъ телеграмму отъ Александровскаго изъ Ляояна: „Жду тебя съ нетерпѣніемъ“. Завтра выѣзжаю.

5-ое августа 1904 года. Ляоянъ.

На дняхъ, кажется, опять поѣду въ Харбинъ разбирать одно дѣло. Много у меня такихъ „дипломатическихъ“ порученій,— надо бы какъ-нибудь и о нихъ разсказать.

Удрученъ я ужасно свѣдѣніями о нашемъ флотѣ. Если онъ погибъ, погибъ и Артуръ, быть можетъ, — погибла и кампанія, особенно, если въ Петербургѣ пойдетъ внутренняя передряга.

13-ое августа 1904 года.

Вотъ и опять я ѣду въ Харбинъ. Туда пріѣхалъ второй Георгіевскій отрядъ, пріѣхали бактеріологическіе отряды „имени

С. П. Боткина", снаряженные Комитетомъ Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, пріѣзжаетъ лазаретъ для сестеръ, посланный Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Ѣду туда съ удовольствіемъ, разсчитывая, что ничего не пропущу на югѣ, и радуясь встрѣчѣ съ М. Необыкновенно пріятно здѣсь, на чужбинѣ, знать, что увидишь искренно, сердечно расположеннаго къ тебѣ человѣка, такъ исключительно расположеннаго, какъ милый М.

Долженъ, впрочемъ, сказать, что на этотъ разъ я попалъ и въ Ляоянъ, дѣйствительно, какъ домой: не въ примѣръ предыдущимъ разамъ меня ждала хорошая комната, которую я раздѣляю съ другомъ своимъ, уполномоченнымъ Г.

Въ Георгіевскомъ госпиталѣ нашелъ рядъ больныхъ изъ персонала: докторъ Ш. боленъ брюшнымъ тифомъ; сначала онъ былъ легкій, но вторая волна посильнѣе; переноситъ онъ его очень удовлетворительно; сестра Л. продѣлываетъ совсѣмъ серьезный тифъ, но къ моему отъѣзду температура стала спадать; студентъ О. тоже въ тифѣ, теперь ему получше; наконецъ, дѣлопроизводитель Ж.—тоже, но и у него дѣло идетъ на улучшеніе.

XVI.—Бомбардировка Ляояна.

3-ье сентября 1904 года. Мукденъ.

Ѣхалъ я въ Ляоянъ, какъ писалъ тебѣ съ дороги, съ большимъ волненіемъ. Уже въ Мукденѣ слышалась пальба, на станціи Шахэ ясно видны были и дымки орудій и снарядовъ.

Мы добрались до Ляояна въ среду, 18-го августа. Много физіономій перемѣнилъ онъ на моихъ глазахъ: засталъ я его скромной и довольно безлюдной резиденціей „папаши" Липевича, какъ называютъ офицеры своего любимаго старика-генерала; присутствовалъ при встрѣчѣ Командующаго арміей Куропаткина и при послѣдовавшемъ затѣмъ оживленіи этого городка, приковавшаго къ себѣ вниманіе всего міра; видѣлъ его, наконецъ, совсѣмъ опустѣвшимъ большимъ этапомъ, когда Командующій перенесъ свою квартиру на югъ, и Ляоянъ сталъ только отголоскомъ былого и мѣстомъ отдохновенія замученныхъ и изнервничавшихся офицеровъ.

18-го августа, я нашелъ его въ совершенно новомъ, боевомъ нарядѣ. Долженъ признаться, что этотъ нарядъ уже тогда произвелъ на меня впечатлѣніе дорожнаго костюма: какъ будто воинъ облачился, чтобы выступать. Несмотря на отсутствіе Коман-

дующаго, который уже былъ на востокѣ, оживленіе на станціи было чрезвычайное, но съ характеромъ желѣзнодорожной лихорадки, въ смыслѣ нѣмецкаго „Reisefieber“. Нашъ санитарный поѣздъ ожидался съ нетерпѣніемъ, самъ Ѳ. Ѳ. Треповъ встрѣчалъ его и тотчасъ же приступилъ къ дѣловымъ переговорамъ съ комендантомъ и главнымъ врачомъ поѣзда. На платформѣ ходила масса военнаго народа со спѣшными движеніями и дѣловыми серьезными лицами. На станціи, около станціи, въ городѣ, на нашей окраинѣ (около Георгіевскаго госпиталя) развѣвались новые флаги съ краснымъ крестомъ, виднѣлись новыя колоніи палатокъ. Громкій многоголосый говоръ станціонной толпы казался виртуозными варіаціями правой руки подъ односложный аккомпаниментъ лѣвой, въ видѣ гула орудій, заставлявшаго всѣхъ невольно повышать голосъ. Разыгрывалась сложная боевая симфонія...

Со мной пріѣхали сестры и врачи, и я поспѣшилъ въ наше Управленіе, чтобы узнать положеніе дѣлъ и получить распоряженія. Тамъ я засталъ только инвалидовъ: генерала Р. и нашего уполномоченнаго, П. П. В., тоже свалившагося съ лошади и повредившаго себѣ колѣно; остальные были на позиціяхъ. Я попросилъ свою лошадь,—оказалось, что на ней уѣхалъ мой казакъ; другой не осталось, да и куда было ѣхать?—я не зналъ, на какихъ позиціяхъ идетъ бой; къ тому же пріѣхалъ санитаръ, объявившій, что сейчасъ возвращается Александрòвскій. Тѣмъ временемъ канонада достигла своего апогея, громъ орудій сталъ непрерывнымъ: мы отбивали отчаянную аттаку японцевъ съ высокой горы впереди Ляояна. Мы удерживали ее второй день и были довольны ходомъ дѣла.

Стали спускаться сумерки, стрѣльба порѣдѣла, пріѣхалъ Александрòвскій, усталый, серьезный, и велѣлъ тотчасъ же собрать санитаровъ, желающихъ ѣхать выбирать изъ траншей раненыхъ.

Канонада совсѣмъ смолкла, наступила темнота, и съ нею пришло извѣстіе, что раненыхъ нужно убрать до 9 часовъ вечера, такъ какъ мы... отступаемъ: мы отдавали гору и переходили на форты, которыми давно окруженъ Ляоянъ.

Мы съ М. пошли въ Георгіевскій госпиталь искать еще врачей, которые съ перевязочнымъ матеріаломъ и санитарами поѣхали бы за ранеными въ деревню Маэтунь. Разумѣется, Александрòвскій и я ѣхали тоже. Въ Георгіевскомъ госпиталѣ застали транспортъ въ двѣсти слишкомъ раненыхъ, въ новомъ перевязочномъ пунктѣ еще шли перевязки прежде доставленныхъ.

Тѣмъ временемъ разразилась гроза со страшнымъ ливнемъ, промочившимъ меня насквозь и въ нѣсколько минутъ обратившимъ дороги въ едва пролазную скользкую грязь, по которой я двигался лишь съ трудомъ, опираясь на руку М., но и то, наконецъ, поскользнулся, упалъ и чуть не свалилъ своего спутника. Когда мы добрались до нашего Управленія, Сергѣй Васильевичъ уже измѣнилъ планъ, послалъ за ранеными только уполномоченнаго В. В. Ширкова съ санитарами, такъ какъ въ такой грязи и темнотѣ немыслимо было дѣлать перевязки, — а мы съ нимъ пошли на платформу нашего госпиталя принимать раненыхъ съ поѣзда, который долженъ былъ сейчасъ придти съ южныхъ позицій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ необходимо было разспросить Александровскаго про все, что было сдѣлано безъ меня, дабы войти въ курсъ дѣла.

Оказалось, что, кромѣ ранѣе намѣченныхъ перевязочныхъ пунктовъ въ Георгіевскомъ госпиталѣ и на этапѣ, — въ городѣ развернулся Евгеніевскій госпиталь, снова отлично оборудовавшій полученный домъ, опустѣвшій за выѣздомъ какого-то Правленія; около станціи—земскіе отряды, которые предполагалось поставить въ ближайшей деревнѣ, оказавшейся, однако, подъ сильнымъ разстрѣломъ; наконецъ, на разъѣздѣ, въ разстояніи полуверсты отъ сѣвернаго семафора, были поставлены два подвижныхъ лазарета, куда отсылались изъ нашихъ городскихъ госпиталей всѣ легко раненые. Разъѣздъ этотъ уже сталъ называться Ляояномъ № 2; изъ него шла усиленная эвакуація раненыхъ, помощью всегда стоявшихъ тамъ теплушекъ.

Мы спѣшно приняли привезенныхъ раненыхъ, чтобы поскорѣе освободить желѣзнодорожный путь для подвоза снарядовъ. „Если я буду имѣть возможность, — сказалъ, будто, Куропаткинъ, — я вывезу всѣхъ раненыхъ; если же мнѣ нужны будутъ снаряды, я сперва ихъ подвезу, а потомъ буду вывозить раненыхъ“, — и это, разумѣется, совершенно правильно, такъ какъ эти снаряды защищаютъ и этихъ самыхъ раненыхъ. Сергѣй Васильевичъ поѣхалъ къ Трепову, а я пошелъ въ госпиталя Мантейфеля и Галле, куда были направлены вновь прибывшіе раненые.

Два большихъ керосиновыхъ факела освѣщали подходившія носилки и двуколки, въ перевязочныхъ шла нервная работа надъ несчастными окровавленными солдатиками, большая палата барака была заполнена страдальцами. Да, ужъ это не Тюренченъ!

Вотъ они, ничѣмъ нескрашенные ужасы войны!.. Въ воздухѣ стояла ужасная, подавляющая какофонія стоновъ. Налѣво стонетъ безъ сознанія раненый въ голову; рядомъ другой — въ

полномъ сознаніи — громко жалуется на боль; впереди кличетъ тебя несчастный, прося глотокъ воды; направо — раненый въ животъ жестоко страдаетъ оттого, что не можетъ выпустить жидкость, его распирающую... Кого напоивъ, къ кому направивъ сестру или ординатора, я, совершенно удрученный, подавленный, пошелъ домой.

Каюсь, видъ раненаго японца въ своемъ кэпи среди всѣхъ этихъ мукъ мнѣ былъ непріятенъ, и я *заставилъ* себя подойти къ нему. Это, конечно, глупо: чѣмъ онъ-то виноватъ въ страданіяхъ нашихъ солдатиковъ, съ которыми онъ ихъ раздѣляетъ! — но ужъ слишкомъ душа переворачивается за своего, родного...

Сергѣй Васильевичъ привезъ извѣстія, подтверждавшія наше отступленіе съ доминирующей горы, — опять, казалось, ничѣмъ не вызванное и непонятное.

VXII.—Эвакуація Ляояна.

Поспавъ часа четыре—пять, мы, проснувшись, были удивлены затишьемъ. Какъ будто и войны нѣтъ. Яркое солнце озаряло нашъ милый садикъ, гдѣ не было видно крови и не слышно было стоновъ, кругомъ царили тишина и, казалось, полный миръ. Сергѣй Васильевичъ рѣшилъ, что мнѣ непремѣнно нужно поѣхать отыскивать новыя мѣста для перевязочныхъ пунктовъ сѣвернѣе Ляояна, сталъ отчаянно торопить меня, а когда я уѣхалъ (верхомъ, конечно), послалъ за мной еще Михайлова съ цѣлымъ штабомъ: уполномоченнаго, студентовъ и санитаровъ съ флагами Краснаго Креста.

Какъ прогулка, поѣздка была очень пріятной. Въ ближайшей деревнѣ я нашелъ прелестную усадьбу богатаго китайца, окруженную каменной стѣной, съ хорошими фанзами, чистыми замощенными большими плитами дворами, садиками и огородами. Мы всѣ съѣхались въ ней и на ней сошлись: ее выбралъ бы и каждый изъ насъ въ отдѣльности, тѣмъ болѣе, что другой такой и не было въ деревнѣ. Отпустивъ домой весь лишній персоналъ, Михайловъ поѣхалъ со мной на 101-ый разъѣздъ, — конечная цѣль нашего путешествія, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ляояна. Занявъ и тамъ нѣсколько смежныхъ фанзъ, мы зашли къ будущимъ сосѣдямъ, врачамъ дивизіоннаго лазарета, гдѣ нашли старыхъ знакомыхъ и выпили чайку. Казалось, миръ продолжался, несмотря даже на орудійные выстрѣлы,

которые стали изрѣдка долетать до насъ со стороны Ляояна. Вотъ прошелъ мимо насъ товарный поѣздъ. Съ ранеными? Нѣтъ, почти пустой, съ чьимъ-то скарбомъ. Значитъ, раненые не прибываютъ, — слава Богу! Еще поѣздъ, — опять безъ раненыхъ. Должно быть, пассажирскій, потому что съ классными вагонами, тоже почти пустой. Въ одномъ изъ товарныхъ вагоновъ замѣчаемъ нашего правителя канцеляріи, который уже дня два назадъ сложилъ ее и дневалъ и ночевалъ на ней въ товарномъ вагонѣ. Весело раскланялись и ѣдемъ еще искать помѣщеній,— такъ какъ Сергѣй Васильевичъ просилъ занять всѣ свободныя фанзы. Поражаемся, однако, что подходятъ все еще и еще поѣзда, устанавливаясь цѣпью одинъ за другимъ на пути, за невозможностью проѣхать.

— Да вѣдь это отступленіе, — догадывается Михайловъ— Ляоянъ очищается!

На поѣздѣ, остановившемся на разъѣздѣ, замѣчаю врача одного изъ земскихъ отрядовъ и подъѣзжаю къ нему.

— Что дѣлается въ Ляоянѣ?—спрашиваю.

— О, станція обстрѣливается, одной сестрѣ Харьковскаго отряда ноги оторвало, врача ранило. Все вывозится.

Этого и слѣдовало ожидать. Отступая на переднюю линію нашихъ фортовъ (а ихъ было, если не ошибаюсь, три вокругъ Ляояна), мы еще далеко не отдавали города, но, очистивъ доминирующую гору, мы передали ее японцамъ и тѣмъ поставили себя подъ разстрѣлъ. Говорятъ, будто на этой горѣ утромъ появился японецъ съ бѣлымъ флагомъ. Пока у насъ разсуждали, стрѣлять въ него или нѣтъ, онъ скрылся, а вслѣдъ за этимъ непріятель поднялъ на гору свою артиллерію и началъ насъ громить.

Взволнованные извѣстіями, мы съ Михайловымъ поскакали въ Ляоянъ и, помнится, всю дорогу мы съ нимъ были единственные, ѣхавшіе въ этомъ направленіи. Когда встрѣтившійся намъ врачъ узналъ, куда мы ѣдемъ, онъ удивился.

— Тамъ страшно,—сказалъ онъ.

И все шло намъ навстрѣчу: арбы, двуколки, верховые, солдаты, китайцы, — все это тянулось нескончаемой смѣшанной унылой чередой, будто шествіе умершихъ на тотъ свѣтъ.

Канонада становилась все громче и злѣе.

На станціи Ляоянъ № 2 мы нашли аккуратно сложенное имущество Евгеніевскаго госпиталя, убранное изъ города уже подъ огнемъ, когда снарядомъ была попорчена крыша ихъ дома. Впослѣдствіи Александровскій разсказывалъ, что, когда онъ пріѣ-

халъ къ Евгеніевцамъ въ эти опасные часы и предложилъ вынести самое для нихъ дорогое,—черезъ нѣсколько минутъ появились врачи, неся на рукахъ гробъ съ тѣломъ умершаго у нихъ офицера (раненые были всѣ уже эвакуированы).

Когда мы подъѣхали къ Георгіевскому госпиталю, онъ собирался выносить своихъ раненыхъ на платформу.

— А госпиталь ты сворачиваешь? — спрашиваю Давыдова.

— Приказаній никакихъ не было.

Я попросилъ, чтобы, вынеся всѣхъ раненыхъ и больныхъ, онъ свернулъ госпиталь, согласно распоряженію Ѳ. Ѳ. Трепова, и пригласилъ бы сестеръ укладывать свои вещи. А онѣ ходили по госпиталю, будто онъ заколдованъ отъ снарядовъ, и продолжали свое святое дѣло, не замѣчая, казалось, что опасность все къ нимъ приближалась.

Насталъ темный южный вечеръ. Раненые и больные заняли вплотную нашу платформу и подходъ къ ней и ждали поѣзда.

Я вернулся въ госпиталь поторопить сестеръ и пошелъ по палатамъ. Онѣ были еще всѣмъ оборудованы: стояли кровати съ помятымъ бѣльемъ и одѣялами, тутъ и тамъ — подкладныя судна, на столахъ кружки,—было, словомъ, все, кромѣ образовъ. Опустѣвшій госпиталь производилъ впечатлѣніе только-что умершаго человѣка: онъ еще весь тутъ, и теплый и мягкій, но жизни въ немъ нѣтъ. Я аукался съ темнотой, боясь, не затерялся ли кто изъ тѣхъ восьми или девяти сотъ человѣкъ, которые помѣщались въ этой огромной усадьбѣ,—и молчаніе было гробовое... Грустный, могильный обходъ! Давыдовъ предложилъ зайти въ церковь, пустой покинутый шатеръ, и мы съ нимъ въ послѣдній разъ помолились въ Ляоянѣ; это было что-то вродѣ литіи надъ трупомъ много поработавшаго госпиталя.

Тѣмъ временемъ выяснилось, что поѣзда намъ уже не могутъ подать къ платформѣ и нужно нести больныхъ и раненыхъ къ Ляояну № 2. Несмотря на темноту, обстрѣливаніе продолжалось и снаряды ложились все ближе. Они долетали уже до деревни, въ которой было наше Управленіе, падали въ общежитіи пріѣзжавшихъ и резервныхъ врачей и сестеръ, въ такъ называемомъ „красномъ домѣ“, и, вотъ-вотъ, должны были ударить въ госпиталь или на платформу. Больные чувствовали это и волновались,—каждый боялся быть оставленнымъ.

— Меня, меня, ваше высокородіе, возьмите,—я не могу ходить...

Кто только могъ, тотъ уползалъ пѣшкомъ; приходилось ловить тѣхъ, кому это было вредно.

— Всѣхъ, всѣхъ унесемъ, родной...

Бацъ!—разорвалось неподалеку.

— Потушите огни, фонари потушите! — раздается громкій голосъ капитана К.

Продолжаемъ переноску въ полномъ мракѣ, почти ощупью, затѣмъ съ фонарикомъ, свѣтящимся только съ одной стороны. Сестры Е. Н. Игнатьева и только-что овдовѣвшія Хвастунова и Тучкова все время тутъ же, на платформѣ, помогаютъ, успокаиваютъ нетерпѣливыхъ и рѣшительно отказываются уходить, пока всѣ не унесены.

Сама по себѣ канонада на такомъ разстояніи послѣ батареи не производила на меня никакого впечатлѣнія, но я ужасно боялся, чтобы какой-нибудь подлый осколокъ не задѣлъ нечаянно сестры или кого-нибудь изъ раненыхъ или больныхъ. Существуетъ разсказъ, будто такъ и случилось, и одинъ изъ нашихъ раненыхъ былъ вторично раненъ у насъ на платформѣ, но я отношусь къ этому скептически, такъ какъ все время толокся на ней и не видалъ этого, а видѣлъ, какъ одинъ военный врачъ перевязывалъ на ней только-что раненаго, дѣйствительно, кажется совсѣмъ близко отъ платформы.

Слава Богу, наконецъ всѣхъ унесли! Бѣгу опять въ госпиталь. Тамъ все еще сидятъ сестры, докторъ С. угощаетъ ихъ консервами изъ грушъ. Я поручаю ему провести ихъ на Ляоянъ № 2, и послѣ настойчивыхъ понуканій онѣ уходятъ; остается одинъ Давыдовъ.

Я подсаживаюсь къ нему на камешекъ, и мы раскуриваемъ меланхолическую папироску. Пришли солдатики выносить вещи; я снова забѣгаю къ Мантейфелю и Галле, чтобы посмотрѣть, не везутъ ли еще раненыхъ, и, въ случаѣ чего, направить ихъ прямо на Ляоянъ № 2. Наконецъ, добираюсь и я туда, ожидая найти больныхъ уже нагруженными или даже уѣхавшими. Оказывается,—они всѣ здѣсь, разставлены въ палаткахъ двухъ нашихъ подвижныхъ лазаретовъ, военныхъ госпиталей и прямо на воздухѣ между шатрами, разочарованные, что они такъ мало подвинулись.

— Когда же нашъ поѣздъ придетъ? Да придетъ ли онъ?.. Живьемъ попадемся „ему“...

— Да нѣтъ, что ты! Увеземъ всѣхъ васъ, а не то съ вами останемся, да и не идетъ „онъ“ сюда вовсе,—стараешься ихъ успокоить.

— Да „онъ“-то не придетъ, а снаряды-то „его“ долетятъ,— говорятъ несчастные, измученные страдальцы...

Настала эта мучительная ночь ожиданія поѣзда.

„Что, — думаешь, — встанетъ солнце, освѣтитъ непріятелю эти шатры, да какъ катнетъ онъ по нимъ и по желѣзнодорожному пути, вдоль котораго вытянуты эти ряды носилокъ, — что будетъ тогда?!“

На разбросанныхъ ящикахъ и чемоданахъ, въ самыхъ разнообразныхъ и неудобныхъ положеніяхъ, спятъ и дремлютъ, усталые и озябшіе отъ утренней свѣжести сестры и врачи. Мы съ сестрой Л. Б. усѣлись на какой-то ящикъ очень удобно, но къ намъ подсѣлъ кто-то чужой.

— Пересядемъ, — говорю я ей, — на бурку, которая тамъ такъ заманчиво брошена на ящикѣ.

— Пересядемъ, — говоритъ Л. Б., и мы переходимъ. Едва, однако, она хотѣла присѣсть на нашъ соблазнительный диванъ, какъ изъ-подъ него поднялась красивая, грустная голова нашего священника, о. Николая Курлова, который захворалъ тифомъ и, тоже ожидая поѣзда, съ головой закутавшись въ бурку, пристроился на грудѣ чемодановъ. Было и смѣшно, и страшно неловко, и жаль мнѣ стало ужасно бѣднягу, такого одинокаго и безпомощнаго въ своей тяжелой болѣзни.

Представь себѣ, сегодня (8-го сентября) я узналъ, что онъ, бѣдный, не перенесъ ея и отъ прободного воспаленія брюшины скончался. Это былъ хорошій, увлекающійся человѣкъ, заботливо и сердечно относившійся къ раненымъ и все записывавшій ихъ откровенные и безхитростные разсказы. Мнѣ больно подумать, что этотъ семейный человѣкъ (у него жена и трое маленькихъ дѣтей, которыя безъ него хворали дифтеритомъ, а онъ въ Ляоянѣ ужасно этимъ волновался) умеръ совершенно одинъ, гдѣ-то въ Куанченцзахъ.

Когда я въ ту ночь тревожнаго ожиданія въ Ляоянѣ № 2 сидѣлъ и бесѣдовалъ съ однимъ изъ врачей и студентомъ Ф., къ намъ подошелъ интендантскій чиновникъ и разсказалъ, что днемъ, около продовольственнаго пункта въ Ляоянѣ, трое изъ ихъ служителей были ранены, и онъ просилъ насъ ихъ убрать. Очень характерно, что самъ онъ, уходя оттуда, не позаботился объ этомъ, а теперь ночью, насъ, находящихся за три—четыре версты и при своемъ дѣлѣ, объ этомъ проситъ. Конечно, я бы охотно сейчасъ же за ними отправился, но я не могъ отлучиться, ожидая съ минуты на минуту, въ худшемъ случаѣ съ часу на часъ, прихода поѣзда, въ который я долженъ былъ грузить раненыхъ. Великодушный интендантъ отошелъ, очень неудовлетворенный, казалось—даже негодующій на равнодушіе или малодушіе Краснаго

Креста. Мы сдѣлали, однако, попытку воспользоваться носильщиками и носилками дивизіоннаго лазарета, такъ какъ мои собесѣдники собрались идти за ранеными, но дѣло не выгорѣло, и всѣ остались.

Когда стало чуть-чуть разсвѣтать, пришли изъ нашего Управленія Александровскій, Кононовичъ и другіе. Пришелъ и генералъ Треповъ, — стали ждать всѣ вмѣстѣ. Больные поуспокоились и большею частью спали, а я боялся и подходить къ нимъ лишній разъ, когда поѣздъ упорно не шелъ и каждую минуту могло начаться обстрѣливаніе.

Наконецъ, пришелъ желанный и, по счастью, всѣхъ вмѣстилъ. Съ тѣмъ же поѣздомъ поѣхали сестры и врачи Георгіевскаго госпиталя. Остался только весь персоналъ Евгеніевской общины со всѣми сестрами и все имущество ея за недостаткомъ мѣстъ и вагоновъ; имущество же Георгіевскаго госпиталя находилось частью на платформѣ, а частью еще въ самой усадьбѣ, — ради него задержался и Давыдовъ.

XVIII.—Отступленіе отъ Ляояна.

Былъ ясный солнечный день, поѣздъ благополучно ушелъ, орудія громыхали не слишкомъ часто, да и прислушались мы къ нимъ настолько, что можно было относиться къ ихъ шуму такъ, будто это только надоѣвшій, докучливый, слишкомъ шумный разговоръ,—и нашъ лагерь страданій вдругъ сталъ веселымъ, спокойнымъ, довольно опустѣвшимъ бивуакомъ.

На моей душѣ еще оставалось, однако, одно дѣло: госпиталь Мантейфеля не успѣлъ схоронить своихъ умершихъ; кромѣ того пропалъ куда-то мой Гакинаевъ, и я оказался безъ лошади, слѣдовательно—въ зависимости отъ поѣзда. Слышу вдругъ, что на станціи Ляоянъ осталось 5 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Я собрался ѣхать за ними на вагонеткѣ и пошелъ себѣ ее выхлопатывать, когда встрѣтилъ охотниковъ желѣзнодорожнаго баталіона, которые шли въ городъ за церковной утварью. Тогда я поручилъ имъ осмотрѣть станцію (меня все безпокоили интендантскіе служителя, за которыми я не могъ поѣхать почью), а самъ пошелъ въ наше покинутое „Управленіе“, посмотрѣть, не ждетъ ли меня тамъ мой вѣрный Гакинаевъ, пока его не убьютъ. Грустное, тяжелое впечатлѣніе произвело на меня наше пепелище, гдѣ еще недавно жизнь била ключомъ, а теперь все было пусто, и двери всѣ раскрыты, — будто сердце, которое только-что любило одного, вдругъ разлюбило—и готово принять въ себя дру-

гого. Только красоты нашего уголка оставались неизмѣнными, и милый садикъ попрежнему пестрѣлъ гранатами, уже въ видѣ плодовъ, розами и фуксіями...

Достать солдатъ для погребенія покойниковъ, уже наканунѣ, какъ я справился, отпѣтыхъ, я попросилъ состоящаго при Главноуполномоченномъ В. В. Ширкова. Онъ быстро устроилъ это; видя, однако, что обстрѣливаніе этого мѣста все усиливается, поѣхалъ предложить солдатикамъ отложить процедуру до болѣе покойной минуты, но тѣ отказались, говоря, что „братское дѣло“ исполнятъ сейчасъ же. Слава Богу, все произошло благополучно.

Мы мирно сидѣли около палатки, прячась въ тѣни ея крыши и пользуясь гостепріимствомъ, совершенно исключительнымъ, Евгеніевскаго отряда, когда къ намъ подъѣхалъ А. А. Леманъ. Онъ привезъ съ собой въ двуколкахъ раненыхъ и просилъ приготовиться къ пріему большого ихъ количества: Енисейскій полкъ вышелъ между двухъ ляоянскихъ фортовъ, кинулся въ аттаку, уже взялъ одну деревню, но потери большія.

Воспользовавшись оставленной, какъ оказалось, Александровскимъ лошадью, я поѣхалъ на перевязочный пунктъ за Леманомъ. Хотя онъ уѣхалъ, не дождавшись меня, и казакъ, меня сопровождавшій, дороги точно не зналъ,—найти ее было нетрудно:—на насъ шла волна раненыхъ. Подвигаясь имъ навстрѣчу по гаоляновой дорогѣ, мы довольно скоро добрались и до перевязочнаго пункта. У самой дороги, въ тѣни гаоляна, ложились и садились раненые, и тутъ же ихъ перевязывали. Волна ихъ все увеличивалась. Я засучилъ рукава и тоже принялся за перевязку, безъ воды, безъ мытья рукъ, безъ записи,—лишь бы скорѣе закрыть раны. А раненые все прибывали: одни приходили, другихъ приносили.

— А Жирковъ убитъ!—почти весело, такъ дѣловито, быстро, оповѣщаетъ, проходя мимо насъ, одинъ изъ носильщиковъ раненаго, котораго мы перевязывали.

Говоръ, стоны, толпа—сгущаются; за ранеными, молча, бредутъ и здоровые. Отступаютъ! Во второй деревнѣ наткнулись на сильный огонь японцевъ и съ большими, удручающими потерями должны были отступить. Непріятель преслѣдовалъ шрапнелями. По мѣрѣ приближенія къ намъ отступающихъ, приближались и шрапнели; наконецъ, стали рваться совсѣмъ неподалеку: очевидно, японцамъ видна была дорога, и они пристрѣлялись къ ней. Пришлось отойти назадъ и всему перевязочному пункту. Мы добрались до болѣе отдаленнаго мѣста, скрытаго и безопаснаго. Здѣсь столпились всѣ: и раненый командиръ полка, и

унылые, какъ бы сконфуженные, офицеры, его окружавшіе, не досчитывавшіеся столькихъ своихъ товарищей, которые еще полчаса тому назадъ были такъ же молоды и здоровы, какъ они,—и измученные, съ серьезными лицами солдаты...

Рядомъ лежала груда ружей, подобранныхъ за убитыми...

Я радъ былъ, что былъ ненуженъ и можно было съ Лемапомъ уѣхать. Подавленный, вернулся я къ желѣзнодорожному пути, и засталъ палатки, уже окруженныя ранеными. Какъ сильный южный ливень изъ улицъ въ полчаса дѣлаетъ рѣки воды, а изъ площадей озера,—такъ здѣсь полчаса, часъ лютаго боя—изъ дороги и равнины сдѣлали рѣку и озеро крови.

Пока я ѣздилъ, по моей просьбѣ былъ развернутъ одинъ краснокрестный перевязочный пунктъ и тоже уже былъ окруженъ ранеными, да еще какими,—Боже, какими!

Сейчасъ же врачи, сестры, студентъ Евгеніевской Общины пошли на помощь нашему и военнымъ перевязочнымъ пунктамъ, и работа продолжалась до глубокой темноты.

Раненыхъ послѣ перевязки прямо сажали въ теплушечный поѣздъ, который, къ счастью, уже стоялъ здѣсь.

Ты знаешь ли, что̀ значитъ теплушка? Это простой товарный вагонъ, въ которомъ зимой при перевозкѣ войскъ ставилась печь. Теперь, кстати сказать, всѣ эти печи, говорятъ, потеряны. Наступаютъ холода, и теплушки пора называть холодильниками. Если есть время и возможность, теплушки оборудываются: кладется сѣно или гаолянъ, на нихъ цыновки, въ вагоны раздаются кружки, фонари и пр. Здѣсь не было этого ничего, не было и свободнаго медицинскаго персонала.

Стоялъ длинный рядъ товарныхъ вагоновъ, набитыхъ ранеными. Иду мимо и слышу, какъ изъ темноты раздаются стоны на всѣ голоса. Нѣкоторые взываютъ изъ глубины мрака: „пить, пить!“

Беру фонарь и влѣзаю въ вагонъ, гдѣ стоны и зовы особенно многочисленны. Ступаю съ осторожностью, чтобы не задѣть пробитые животы, ноги и головы: едва есть мѣсто, гдѣ поставить ногу.

— Кто хочетъ пить?

— Я, я, я!—слышу изъ разныхъ угловъ.

— Ваше высокородіе, около меня покойникъ.

Гляжу, и дѣйствительно, бокъ о бокъ съ живымъ, лежитъ уже успокоившійся страдалецъ. Иду разыскивать солдатъ, чтобы вытащить пассажира, который уже доѣхалъ до самой близкой станціи,—потому что онъ раньше всѣхъ на нее прибылъ,—вмѣстѣ

съ тѣмъ—до самой далекой, потому что между нимъ и нами легла уже вѣчность,—и до самой важной.

Я вспомнилъ—не тогда, конечно, а сейчасъ, когда пишу тебѣ—переѣздъ зимой черезъ Альпы: ты только-что ѣхала среди снѣговъ и хмурой зимы и вдругъ, перешагнувъ совершенно для тебя незамѣтно черезъ какую-то неизмѣримую высоту, попадаешь въ Геную: тебя радостно поражаетъ безоблачное синее небо, яркое солнце льетъ съ него на тебя гостепріимные теплые лучи и среди веселой зелени тебя привѣтливо встрѣчаетъ ослѣпительно бѣлая статуя Колумба. Боже мой! Если такой переходъ изъ одной рамки въ другую заставляетъ наше сердце биться какой-то восторженной радостью—какое же блаженство должна испытывать человѣческая душа, переходя изъ своего темнаго, тѣснаго вагона къ Тебѣ, о Господи, въ твою неизмѣримую, безоблачную, ослѣпительную высь!..

Но тогда я не думалъ объ этомъ, каюсь. Тогда я видѣлъ только этотъ ужасный вагонъ, набитый искалѣченными людми, и безпомощный трупъ, который спускали изъ него по доскѣ...

Была темная, воробьиная ночь. Небо было, какъ трауромъ, затянуто черными тучами; мракъ разрывался только рѣзкимъ протяжнымъ воемъ снарядовъ и грубымъ, дерзкимъ грохотомъ ихъ разрывовъ, а справа виднѣлся одинокій огонекъ тусклаго фонарика, едва освѣщавшаго нѣсколько черныхъ тѣней, и раздавалось заунывное, жидкое, погребальное пѣніе...

Тра-та-та, тра-та-та...—присоединилась возобновившаяся ружейная пальба.

— Ваше высокородіе, когда же мы поѣдемъ?—стопутъ несчастные изъ своихъ темныхъ коробокъ.

— Господи, добьетъ „онъ“ насъ здѣсь!

— Да что ты, полно! — бодро и самоувѣренно отвѣчаешь имъ:—вѣдь это мы же въ нихъ стрѣляемъ.

Но то стрѣляли въ насъ.

Мучительно долго пыхтѣлъ паровозъ, пока, наконецъ не тронулся и не повезъ.

Въ Ляоянѣ № 2 раненыхъ больше не оставалось; всѣ перевязочные пункты немедленно снялись и переѣхали черезъ рѣку, такъ какъ на утро можно было ожидать, что мостъ будетъ разрушенъ изъ осадныхъ орудій. На другой день, однако, по немъ прошли еще всѣ наши войска и затѣмъ подожгли его, а не взорвали, чтобы не разрушать остова, которымъ мы еще разсчитываемъ воспользоваться на обратномъ пути.

XIX.—Разъѣздъ № 101.

На ближайшемъ разъѣздѣ, № 101, я выскочилъ изъ поѣзда и побѣжалъ въ фанзы, наканунѣ взятыя нами съ Михайловымъ, чтобы посадить на поѣздъ сестеръ, такъ какъ намъ удалось захватить на него изъ военнаго госпиталя всего шесть санитаровъ и еще меньше, кажется, фонарей. Сестры мои опоздали, но другія, изъ развернутыхъ около пути лазаретовъ, успѣли обойти несчастныхъ и, сколько можно, напоить и накормить ихъ; также были прибавлены санитары,—кажется, на каждый вагонъ по одному.

А въ лазаретныхъ палаткахъ не спали — перевязки продолжались всю ночь. Врачей, впрочемъ, было достаточно, и я пошелъ уснуть: было уже пять часовъ утра. Когда я всталъ, я узналъ, что здѣсь, на 101-мъ разъѣздѣ, въ устроенномъ нами большомъ перевязочномъ пунктѣ при конножелѣзной и желѣзной дорогахъ, ожидается большое количество раненыхъ, и тотчасъ же отправился туда.

Что такое былъ до тѣхъ поръ какой-то 101-ый разъѣздъ? Сколько разъ приходилось стоять на немъ и клясть медленность желѣзнодорожнаго движенія, не обращая на самый разъѣздъ собственно никакого вниманія. Еще когда я въ послѣдній разъ ѣхалъ въ Ляоянъ, мы на немъ долго стояли, снимались, наблюдали за пальбой надъ Ляояномъ, и все-таки 101-ый разъѣздъ былъ для насъ однимъ изъ многихъ. Теперь, 21-го августа, онъ сталъ крупнымъ центромъ.

На огромной площади около мѣста остановки вагонетокъ раскинулись четыре нашихъ перевязочныхъ и одинъ продовольственный пункты. Эта кипучая полезная работа во всѣхъ углахъ, освѣщенная яркимъ солнцемъ, производила отрадное впечатлѣніе: какъ будто и раненые днемъ меньше страдаютъ. Я сортировалъ больныхъ, — однихъ отправлялъ прямо на продовольственный пунктъ, другихъ — въ тотъ или другой перевязочный, гдѣ поменьше народа, чтобы болѣе тяжелымъ раненымъ не приходилось долго ждать, третьихъ сажалъ въ вагоны. Цѣлый день пробродилъ я по этой площади, оттопталъ себѣ совершенно ноги и къ вечеру узналъ, что наше Правленіе все снялось и уѣхало. А мои вещи? Тоже уѣхали. А шашка? Тоже. Такъ и остался я въ одной сѣрой рубахѣ.

Въ пятомъ часу утра, не чувствуя ни ногъ, ни головы, я

пошелъ отыскивать палатку Голубева, чтобы вытянуться хоть на часокъ. Въ это время шла усиленная эвакуація станціи: горѣли костры изъ всего, что могло горѣть, снимались палатки, нагружались арбы... Топографія мѣста такъ измѣнилась, что я не могъ найти уже той площади, на которой проходилъ весь день, тѣмъ болѣе, что послѣдній, оставшійся несвернутымъ, нашъ перевязочный пунктъ перенесъ свои дѣйствія къ концу рельсовъ конножелѣзной дороги, поближе къ главному пути. Я забрелъ куда-то далеко въ сторону, когда утро новаго дня показало мнѣ, что я заблудился. Отыскавъ, наконецъ, нашу площадь, я убѣдился, что Голубевская палатка уже снята. Я вернулся тогда къ вагонамъ-теплушкамъ и подсѣлъ къ А. И. Гучкову. Было уже совсѣмъ свѣтло, когда послѣдніе два поѣзда передвинули версты на четыре сѣвернѣе разъѣзда, боясь, что непріятель близко. Въ это время на разъѣздѣ продолжались перевязки: доканчивали послѣдній транспортъ раненыхъ, привезенныхъ въ вагонеткахъ. Тутъ же, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, жгли наши ружья и патроны, которые щелкали и стрѣляли, будто батальонъ японцевъ.

Отсюда мы повезли раненыхъ на двуколкахъ по ужасной дорогѣ къ поѣздамъ, которые ихъ ожидали, и на пути захватили еще цѣлый арбяной транспортъ съ 73-мя ранеными.

Долго запихивалъ я ихъ въ первый поѣздъ изъ двухъ послѣднихъ, боясь, что въ самомъ послѣднемъ не окажется мѣста. Время отъ времени меня поторапливалъ одинъ медицинскій генералъ, правда, очень древній. Наконецъ, и онъ, и я потеряли терпѣніе.

— Вѣдь я съ шести часовъ жду въ этомъ поѣздѣ,—сердился старикъ.

— Ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, обиженный нетерпѣніемъ врача, который ѣхалъ удобно во II классѣ, только благодаря раненымъ, а не то, чтобы *онъ* ихъ везъ въ своемъ поѣздѣ:—раненые тоже ждутъ съ ранняго утра, даже съ ночи, съ той только разницей, что мы съ вами здѣсь мирно сидѣли (признаться, я, какъ ты знаешь, почти не присаживался), а они за насъ дрались.

Отсталъ почтенный товарищъ, но черезъ нѣкоторое время, видя, что несутъ еще одного раненаго съ разбитой головой, совсѣмъ разозлился: „Да это капризъ какой-то!“ — Но я былъ радъ, что усадилъ въ этотъ поѣздъ, сколько было возможно, такъ какъ въ самомъ послѣднемъ едва хватило мѣста для всѣхъ; и то приходилось класть несчастныхъ мозаикой, чтобы выгады-

вать каждый вершокъ. Въ одномъ изъ вагоновъ помѣстился и я съ ними.

Какъ ни плохо, ни примитивно въ этихъ теплушкахъ, когда несчастные всѣ размѣстились и поѣздъ сталъ покачивать ихъ, раненые въ моемъ вагонѣ всѣ успокоились и мирно заснули. Заклевалъ и я носомъ. Больной солдатикъ, единственный не спавшій, замѣтилъ это, хотѣлъ отдать мнѣ свою шинель и предлагалъ улечься. Я выдержалъ, однако, до Янтая, гдѣ на станціи встрѣтили насъ генералъ Треповъ и Александровскій, который уговорилъ меня пересѣсть въ другой вагонъ, со всѣми нашими уполномоченными (товарный, конечно) и уѣхать въ Шахэ, такъ какъ въ Янтаѣ былъ военный перевязочный пунктъ, и мнѣ тамъ нечего было дѣлать. (Лошадь моя шла походнымъ порядкомъ). Я, дѣйствительно, очень изморился и уѣхалъ.

XX. — Эвакуація станціи Шахэ.

На другой день въ Шахэ мы опять открыли два перевязочныхъ пункта, гдѣ перевязывались раненые, пріѣзжавшіе на двуколкахъ и захваченные уже послѣ насъ на 101-мъ разъѣздѣ знаменитымъ поѣздомъ полковника Спиридонова; но работа уже далеко не была столь интенсивной, какъ на разъѣздѣ. Сюда же пріѣхалъ днемъ и Командующій послѣ самой тревожной ночи, когда около Янтая наши обозы были въ большой опасности. Въ 6 час. вечера пріѣхалъ съ сѣвера Намѣстникъ...

Изъ Шахэ мы выѣхали на слѣдующій день, постояли у моста, но, когда доѣхали до разъѣзда, получивъ свѣдѣнія, будто сзади насъ идутъ еще раненые, вернулись къ мосту и стали ждать.

Совсѣмъ мертвыми показались мнѣ станція и ея окрестности: тишина, запустѣніе, — и никого кругомъ (впрочемъ, на станціи на всякій случай оставался еще одинъ изъ нашихъ летучихъ отрядовъ).

Большую часть дороги я провелъ въ вагонѣ съ здоровыми солдатиками на какихъ-то куляхъ и ящикахъ, которые они везли въ Мукденъ. Вышло это такъ потому, что одинъ изъ больныхъ солдатъ въ вагонѣ, въ которомъ я раньше сидѣлъ, внезапно проявилъ признаки остраго умопомѣшательства и выскочилъ на ходу изъ поѣзда. Такъ какъ ходъ былъ очень тихій, да еще другой больной успѣлъ немного задержать прыжокъ сумасшедшаго, онъ нисколько не ушибся. Чтобы избавить его отъ прежнихъ впечатлѣній, я нарочно посадилъ его въ другой вагонъ и именно

къ здоровымъ солдатамъ, разсчитывая на ихъ помощь, въ случаѣ еслибъ ему снова вздумалось прыгать. Дѣйствительно, онъ и хотѣлъ это сдѣлать и сначала былъ очень возбужденъ. Изъ безсвязныхъ рѣчей его удалось понять, что онъ считаетъ себя большимъ преступникомъ и, повидимому, потому, что во время какого-то боя струхнулъ и куда-то ушелъ. Онъ считалъ, что изъ-за этого было потеряно все дѣло, и что онъ теперь долженъ умереть. Онъ сталъ прощаться съ нами, попросилъ, чтобы я поцѣловалъ его, затѣмъ поцѣловалъ другого своего сосѣда. Я старался приласкать его и разспрашивалъ про его семью, а онъ постепенно утихалъ и, будто отогрѣтый, съ успокоившейся наболѣвшей душой, мирно заснулъ. Послѣ этого онъ спалъ всю дорогу, но я не рѣшался оставить его и къ ночи самъ заснулъ рядомъ, среди спящихъ тѣлъ и большихъ грязныхъ сапогъ моихъ спутниковъ.

Это была премилая компанія, всю дорогу окружавшая меня вниманіемъ и любезностями. Они угостили меня очень вкуснымъ супомъ, который сами сварили изъ выданныхъ имъ порцій и который я съ большимъ аппетитомъ хлебалъ изъ одной чашки съ однимъ изъ солдатъ. Затѣмъ, дали мнѣ чаю и сухарей, причемъ одинъ изъ нихъ съ милымъ вниманіемъ посовѣтовалъ мнѣ:

— Можетъ быть, ваше высокоблагородіе, у васъ зубовъ нѣтъ, такъ вы помочите сухари въ чаѣ,—чѣмъ искренно насмѣшилъ меня.

Въ бесѣдѣ съ ними я забылъ, что мы отступаемъ, что мы оставили Ляоянъ, даже, что мы на войнѣ, хотя мы все время о ней говорили. Одинъ изъ солдатъ, видимо слѣдящій за газетами, все время разсказывалъ о текущихъ дѣлахъ и былъ полонъ энергіи и готовности къ наступленію. Онъ былъ убѣжденъ, что мы завлекаемъ японцевъ, чтобы лучше расколотить ихъ. Онъ разсказалъ, между прочимъ, и про то, будто одинъ солдатъ уличенъ въ продажѣ нашего скота японцамъ.

— Жажда къ наживѣ, — лаконически вставилъ мрачный артиллеристъ, не принимавшій участія въ разговорѣ, который казался ему, видимо, препустой болтовней. Мой собесѣдникъ продолжалъ свои повѣствованія и разсказалъ, какъ попался въ плѣнъ японецъ и держалъ себя очень храбро, но когда у него взяли лошадь, то онъ заплакалъ.

— Хорошій солдатъ, значитъ,—опять пробасилъ молчаливый артиллеристъ.

Я согласился съ нимъ, но такъ въ бесѣду и не съумѣлъ вовлечь...

Мы пріѣхали въ Мукденъ въ третьемъ часу утра, и мнѣ

вспомнился Берлинъ: такая же свѣжесть сырого воздуха, пропитаннаго запахомъ угольнаго дыма, какая встрѣчаетъ тебя, когда осенью рано утромъ пріѣзжаешь на вокзалъ „Фридрихштрассэ“...

Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня на этотъ разъ станція: давно ли, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Мукденѣ, это была „резиденція“, содержавшаяся въ образцовомъ порядкѣ, съ строго опредѣленными дорожками, по которымъ разрѣшалось ходить, и то непремѣнно мимо часового, который ночью безъ пропуска не позволялъ пройти,—а теперь на станціи шумъ и гамъ, на самой платформѣ стоятъ какія-то повозки, ходятъ лошади, попирая все былое благоустройство... „Такъ — представилось мнѣ — безцеремонно попираютъ теперь наши недруги и ихъ друзья нашу честь, нашу славу, которой еще такъ недавно должны были оказывать благоговѣйное и боязливое уваженіе“. Я испытывалъ ощущеніе, будто эти колеса двуколокъ на станціи всей тяжестью стали прямо на мою душу.

Мы шли съ Андресомъ, который великолѣпно и самоотверженно, совершенно забывая себя, работалъ на всѣхъ эвакуируемыхъ станціяхъ, принося огромную помощь мнѣ и пользу больнымъ, и который сопровождалъ раненыхъ въ одномъ поѣздѣ со мной; за нами слѣдовалъ санитаръ съ тюками перевязочнаго матеріала. Сдавъ больныхъ и раненыхъ госпиталямъ, мы разыскивали палатки Краснаго Креста, гдѣ намъ были приготовлены ночлегъ и закуска. Но намъ неправильно объяснили расположеніе ихъ, и мы долго тщетно бродили въ темнотѣ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Боясь потерять санитара, Андресъ время отъ времени окликалъ:

— Санитаръ съ мѣшкомъ!

— Здѣсь!

— Санитаръ съ мѣшкомъ!

Наконецъ, я не могъ выдерживать больше этого мрачнаго напряженія и расхохотался надъ этимъ методическимъ зовомъ „санитаръ съ мѣшкомъ“ и надъ нашимъ комическимъ плутаніемъ между „трехъ сосенъ“. А. тоже расхохотался, но у меня это былъ не смѣхъ, а слезы. Онѣ переполнили мою душу и уже готовы были вырваться изъ глазъ, если бы я не удержалъ своего истерическаго смѣха. Какъ могли мы сдать Ляоянъ, какъ могло это случиться, зачѣмъ это было нужно?! Я считалъ это невозможнымъ, и тяжело было это переживать...

Потерявъ надежду найти наши палатки и потерявъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ концовъ и санитара, мы вернулись на станцію, чтобы немного закусить. Она была полна такого же не-

счастнаго, иззябшаго, удрученнаго, взволнованнаго народа, какими и мы съ Андресомъ явились. Къ намъ присоединился военный врачъ О., совершенно продрогшій и пришибленный,—онъ, всегда пышащій энергіей и бодростью физической и душевной. Тяжелая, мрачная ночь...

Было часовъ пять и совсѣмъ свѣтло, когда мы вышли съ А. со станціи и увидали наши палатки совсѣмъ рядомъ съ ней.

Затѣмъ потекли мирные мукденскіе дни, за которые душа совершенно расправилась, чтобы черезъ три недѣли быть раздавленной на смерть.

XXI. — Наступленіе на рѣкѣ Шахэ.

Мукденъ. 9-ое октября 1904 г.

Да, я усталъ, я невыразимо усталъ, но усталъ только душой. Она, кажется, вся выболѣла у меня. Капля по каплѣ, истекало сердце мое, и скоро у меня его не будетъ: я буду равнодушно проходить мимо искалѣченныхъ, израненныхъ, голодныхъ, иззябшихъ братьевъ моихъ, какъ мимо намозолившаго глаза гаоляна; буду считать привычнымъ и правильнымъ то, что̀ еще вчера переворачивало всю душу мою. Чувствую, какъ она постепенно умираетъ во мнѣ. На-дняхъ я уже пережилъ дни какого-то полнаго безразличія ко всему, что̀ совершается. — Ахъ, бьютъ? — ну, и пусть бьютъ! Бѣгутъ? — пускай бѣгутъ! Страдаютъ? — ну, и пусть страдаютъ! Позоръ пережитъ, страданія перенесены, — не все ли теперь безразлично?!..

Мы наступали...

29-го сентября, пока въ Тунсинхо собирался транспортъ, который я взялся сопровождать на станцію Шахэ, масса раненыхъ уже успѣла уйти пѣшкомъ и пошла, куда глаза глядятъ. Такъ какъ они всѣ пришли изъ Мукдена, и съ той же стороны, изъ Саплинзы, шелъ намъ навстрѣчу 1-ый армейскій корпусъ,—то, за исключеніемъ 30 — 40 человѣкъ, всѣ двинулись въ Гудядзы. Путеводитель, который былъ данъ намъ изъ дивизіоннаго лазарета и который спорилъ со мной по вопросу о дорогѣ въ Шахэ, утверждая, что онъ наканунѣ оттуда пріѣхалъ, завезъ транспортъ тоже на дорогу въ Гудядзы и внезапно скрылся. Пришлось продолжать длинный томительный путь, хотя одна изъ сестеръ съ нѣсколькими ранеными и уѣхала впередъ правильной дорогой въ Шахэ; обѣ другія сестры, Тучкова и Черкасова, уступивъ свои мѣста въ двуколкѣ раненымъ, шли пѣшкомъ.

Убѣдившись, что мы неизбѣжно попадемъ на Фушунскую вѣтку, я поскакалъ впередъ, чтобы заказать въ нашемъ подвижномъ лазаретѣ обѣдъ на 200 человѣкъ и предупредить на станціи о раненыхъ. Большинство, какъ я потомъ убѣдился, разспрашивая въ вагонахъ, дѣйствительно и пообѣдали въ Красномъ Крестѣ, и остались очень довольны, но нѣкоторые все-таки, благодаря отсутствію провожатаго, несмотря на выставленнаго на дорогѣ санитара и флаги съ краснымъ крестомъ, доплелись до Гудядзъ голодными. Вчера тамъ еще пункта питательнаго не было, такъ какъ земскій сталъ совершенно въ сторонѣ въ ближайшей деревнѣ, но въ Гудядзахъ я встрѣтился съ кн. Долгоруковымъ, который обѣщалъ перевести пунктъ на самую станцію, гдѣ уже стоитъ готовый большой цыновочный сарай. Вчера, кого нужно было, покормили военные госпиталя.

Поручивъ сестрамъ Тучковой и Черкасовой со студентомъ Рѣдниковымъ сопровождать раненыхъ въ теплушечномъ поѣздѣ, я поѣхалъ дальше на дрезинѣ съ капитаномъ Полуэктовымъ, желая непремѣнно все-таки добраться до Шахэ. Для этого отъ Угольнаго Разъѣзда до Суэтуня я прошелъ верстъ восемь пѣшкомъ, а здѣсь попалъ какъ разъ на паровозъ, повезшій отсюда двѣнадцать теплушекъ на станцію Шахэ.

Никогда не забуду я этого путешествія. Около моста, перекинутаго черезъ рѣку Шахэ, намъ представилась картина, напомнившая мнѣ Великій Четвергъ, когда народъ расходится послѣ чтенія Двѣнадцати Евангелій, со свѣчами въ рукахъ. Мы увидали въ глубокой темнотѣ толпу черныхъ людей; у многихъ изъ нихъ были огоньки (фонари). Громкій крикъ радости раздался изъ этой толпы при приближеніи нашего поѣзда: это раненые, которые въ состояніи были ходить, добрели до моста (въ болѣе безопасное мѣсто) навстрѣчу желанному поѣзду и привѣтствовали его прибытіе. Но мы разочаровали ихъ, не подобравъ никого, такъ какъ мы знали, что въ Шахэ ожидаетъ насъ цѣлая тысяча и болѣе тяжелыхъ раненыхъ, находящихся еще въ опасности.

Къ 12 часамъ ночи назначено было очистить станцію: къ этому времени долженъ былъ пройти черезъ нее уже нашъ арріергардъ. Тамъ, дѣйствительно, мы нашли человѣкъ 800 раненыхъ и въ полной тьмѣ съ фонарями принялись усаживать ихъ. Набили одинъ поѣздъ, остальныхъ уложили въ другой, обошли съ фонарями всю станцію и площадку около платформы и, убѣдившись, что остались только здоровые, собрались ѣхать, такъ какъ было уже около часа ночи. Вдругъ приходитъ вѣсть,

что къ станціи подходятъ и подъѣзжаютъ еще 170 раненыхъ. Подполковникъ Гескетъ, распоряжающійся теперь (поѣздъ Спиридонова расформированъ) закрытіемъ оставляемыхъ станцій, хотя страшно опасался за поѣздъ, однако рѣшился дождаться всѣхъ. Мы ушли благополучно, но у моста остановились, подобрали добравшихся туда раненыхъ и долго стояли, поджидая еще другихъ. Ихъ было только нѣсколько человѣкъ.

Такимъ образомъ, и во второй разъ схоронилъ я Шахэ...

1-го октября, отправивъ, по требованію генерала Трепова, нашъ Георгіевскій отрядъ, прекрасно начавшій работать въ Суятуни въ качествѣ перевязочнаго пункта, въ Мукденъ, мы съ уполномоченнымъ Григорьевымъ поѣхали вдоль нашихъ позицій съ праваго фланга къ центру, въ штабъ Командующаго. По всей линіи шла отчаянная стрѣльба, почти исключительно наша и лишь относительно слабая со стороны непріятеля. Стоялъ сплошной грохотъ, гулъ и свистъ. Стрѣльба была такая частая, что свистъ одного снаряда сливался со свистомъ другого, и въ общемъ сочетаніи получался непрерывный гулъ, на фонѣ котораго раздавались рѣзкіе удары нашихъ орудій. У меня просто голова разболѣлась, казалось, именно отъ этого ужаснаго шума, сотрясавшаго воздухъ въ такой мѣрѣ, что прутья срѣзаннаго гаоляна издавали свистъ и потревоженный лѣсъ недовольно ворчалъ всей своей листвой. Можетъ быть, однако, причиной головной боли или тяжести была и надвигавшаяся гроза. Тучи все гуще и сплошнѣе заволакивали небо, пока оно не разразилось на насъ величественнымъ гнѣвомъ.

Это былъ Божій гнѣвъ,—но гнѣвъ людской отъ этого не прекратился и, Господи! — какая рѣзкая была между ними разница!..

Какъ ни похожъ грохотъ орудій на громъ грозы,—онъ показался мелкимъ и ничтожнымъ передъ громовыми раскатами: одно казалось грубымъ, распущеннымъ человѣческимъ переругиваніемъ, другое—благороднымъ гнѣвомъ величайшей души. Какъ свободно и легко, будто совершенно самостоятельно вытекаетъ чудный голосъ изъ горла Баттистини, такъ изъ исполинской груди природы лился грозный рокотъ оскорбленной людской ненавистью Божественной любви. Какъ ясно представилось ничтожество только-что казавшейся безконечной линіи пушекъ—передъ этими величественными раскатами, охватывавшими все небо... Злыми искрами разгоряченныхъ глазъ явились яркіе огни стрѣляющихъ орудій рядомъ съ ясной молніей, болью раздирающей Божественную душу.

— Стойте, люди!—казалось, говорилъ Божій гнѣвъ:—очнитесь! Тому ли Я учу васъ, несчастные! Какъ дерзаете вы, недостойные, уничтожать то, чего не можете создать?! Остановитесь, безумные!

Но, оглушенные взаимной ненавистью, не слушали Его разъяренные люди и продолжали свое преступное, неумолимое взаимное уничтоженіе.

И небо заплакало... Полились съ него частыя, частыя крупныя слезы, въ одинъ мигъ затопившія землю, и многія изъ нихъ леденѣли отъ великаго ужаса передъ человѣческой озвѣрѣлостью, крупнымъ градомъ падая на наши разгоряченныя головы. Лошади не могли стоять подъ болѣзненными ударами льдинокъ, которыя больно били насъ по темени и лицу... Въ одно мгновеніе земля вся обратилась въ непролазную кашу, дороги полились бурными рѣками, а рѣки вздулись такъ, что въ нихъ тонули лошади и люди.

Мы не могли найти Командующаго и поѣхали на его главную квартиру, только-что отъѣхавшую верстъ на шесть назадъ (изъ Хуань-Шаня въ Санлипзы). По всему пути нашему плелись раненые, на ногахъ и на носилкахъ, не зная, куда идти, и съ трудомъ пробираясь между отступающими обозами и орудіями. Когда мы подъѣхали къ броду, котораго прежде даже не замѣчали, то нашли, вмѣсто него, широкій бурный потокъ; лошади должны были идти черезъ него вплавь, едва перетаскивая съ трудомъ удерживавшихся на нихъ всадниковъ. Было грязно, свѣжо и мокро. У брода начала собираться цѣлая группа людей, прикосновенныхъ къ главной квартирѣ, когда подъѣхалъ транспортъ раненыхъ. Что̀ было дѣлать этимъ несчастнымъ и что̀ съ ними было дѣлать?! Скажи, развѣ не можетъ охватить душу холодное отчаяніе при сознаніи безпомощности нашей сдѣлать что-нибудь для тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ мы пріѣхали?!

Мы поскакали искать проѣзда у верховьевъ ничтожной рѣчонки, внезапно обратившейся въ бурный потокъ. Подъ сильнымъ дождемъ обогнули мы нѣсколько верстъ и дѣйствительно добрались до одной изъ трехъ рѣчекъ, составляющихъ одну ту, черезъ которую раненые не могли перебраться. Первый истокъ ея мы переѣхали свободно; я уже хотѣлъ послать казака, чтобы онъ велъ раненыхъ этой дорогой, но нужно было убѣдиться, что и другіе истоки такъ же легко проходимы. Оно такъ и оказалось, и невольно вспомнилъ я о прутьяхъ, изъ которыхъ каждый такъ легко ломается, а связанные вмѣстѣ—они являются неодолимыми. Какой наглядный примѣръ того, что въ единеніи—сила,

а люди все не хотятъ понимать этого и въ безумной гордынѣ своей думаютъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности все можетъ, а другіе—ничего не стоятъ!

Мы пріѣхали въ Санлинзы уже въ совершенную темноту; за ранеными посылать было поздно, но на другой день я узналъ, что рѣка, къ счастью, скоро спала, и они въ тотъ же вечеръ переѣхали на другой берегъ.

Командующаго не было дома: эту ночь, чтобы быть ближе къ позиціямъ, онъ остался въ Хуань-Шанѣ.

XXII. — Послѣ наступленія.

Чансаматунъ. 27 октября 1904 г.

Кажется, я уже писалъ тебѣ, что едва я пріѣхалъ въ Харбинъ, какъ былъ отозванъ сюда замѣнять при Главнокомандующемъ Александровскаго, который вскорѣ послѣ моего отъѣзда былъ тоже вынужденъ выѣхать въ Харбинъ.

Послѣ Ляояна общее настроеніе было самое угнетенное; слухи объ отсутствіи у насъ снарядовъ окончательно отняли всякую надежду на успѣхъ, и многіе, казалось, готовы были безъ боя отходить къ Тьелину. Тяжелое это было время.

Помню обѣдню 29-го августа: на площади передъ поѣздомъ Командующаго разбитъ шатеръ, и въ немъ устроена церковь; съ лѣвой стороны отъ молящихся тянется косой линіей рядъ сѣрыхъ кирпичныхъ домиковъ; передъ церковью стоятъ „покоемъ“ солдаты въ сѣрыхъ, грязныхъ, истрепанныхъ рубашкахъ съ сѣрыми исхудалыми, измученными и заголодавшимися лицами. Небо сѣрое и унылое. Только торжественная служба, полная вѣры и молитвы, въ которой всегда есть надежда,—вмѣсто картины отчаянія, придавала всему зрѣлищу видъ тихой, покорной грусти,—такой же сѣрой, какъ все окружающее. Пришелъ Командующій, котораго я увидѣлъ здѣсь въ первый разъ послѣ Ляояна. Онъ сильно похудѣлъ и страшно постарѣлъ, блѣдный и вдвое болѣе сѣдой, чѣмъ былъ... Но дни текли, солнце каждый день всходило и отогрѣвало слабыя человѣческія души, люди отдыхали и отъѣдались, ихъ обмундировывали и подбадривали, японцы не наступали, укоренилось убѣжденіе, что мы *должны* были отдать Ляоянъ,—и всѣ понемногу стали снова вѣрить и надѣяться.

Помню уже всенощную въ той же походной церкви-палаткѣ на той же площади: были сумерки, въ сѣрыхъ домикахъ засвѣтились огоньки, молящіеся представляли только общія пятна,

подробности въ людяхъ не замѣчались, и было что-то оперное во всей картинѣ.

Помню, наконецъ, и молебенъ по случаю наступленія. Командующій — снова бодрый, хотя и озабоченный, цвѣтъ лица его лучше; солдаты одѣты и сыты, выраженіе лицъ ихъ торжественное и рѣшительное, у всѣхъ чувство удовлетворенія; солнце озаряетъ все своимъ живительнымъ блескомъ и ярко горитъ на крестѣ, высоко поднятомъ въ рукахъ священника...

Вначалѣ наступленіе шло очень успѣшно, планъ Куропаткинымъ былъ задуманъ прекрасный, — это всѣ признаютъ,—но... Только взятіе Путиловской сопки вернуло намъ ключъ нашихъ позицій и временно закончило наше наступательное движеніе нѣкоторымъ успѣхомъ.

Дорого обошлось намъ это движеніе: 29.000 ранеными и около 10.000 убитыми! 10.000 могилъ! А сколько еще умерло потомъ отъ ранъ?!..

Умереть — это еще самое легкое. Мнѣ кажется, что художники навязали міру совершенно невѣрное изображеніе смерти, въ видѣ страшнаго скелета. Мнѣ представляется смерть доброй, любящей женщиной въ бѣломъ, съ материнской нѣжностью и сверхъестественной силой подымающей умирающаго на руки. Онъ чувствуетъ въ это время необычайную легкость, ему кажется, что онъ подымается на воздухъ и испытываетъ истинное блаженство... Такъ засыпаютъ маленькія дѣти на колѣняхъ нѣжной матери... Какое счастье это должно быть!..

Несомнѣнно, намъ очень вредитъ наша привычка и постоянная готовность отступать.

— Ваше благородіе, а куда втекать будемъ? — спросилъ солдатикъ, придя на позицію.

И это не трусость, а именно привычка.

— Куда ѣдете? — спрашиваемъ какъ-то встрѣчный обозъ (это было 2-го октября).

— Отступа-аемъ, — равнодушно отвѣчаетъ солдатъ, совершенно такъ же, какъ онъ бы сказалъ:—вѣстимо, чай пьемъ.

Говорятъ, что и въ послѣднюю нашу кампанію (турецкую, конечно) бывали случаи бѣгства отдѣльныхъ полковъ и даже цѣлыхъ отрядовъ. Между тѣмъ, и сейчасъ стойкость нашихъ солдатъ превышаетъ теоретически допускаемую: выбываетъ 75 и 80%, а солдаты наши все бьются! Почему же они не тѣ, что̀ были?

Солдатъ очень двинулся за послѣднія двадцать-пять лѣтъ: онъ уже очень и очень разсуждаетъ; ему мало исполнять приказанія, ему нужно и понимать, для чего онъ долженъ дѣ-

лать то или другое. Видимо, онъ задается даже вопросомъ, можно ли воевать вообще. Такъ, мнѣ пришлось услышать конецъ разговора, гдѣ одинъ солдатъ наставительно возражалъ другому или другимъ:

— Никакого грѣха тутъ нѣтъ: такъ Богомъ положено, чтобы бывать войнамъ.

Когда мы дрались съ турками, мы проливали кровь за вѣру и за угнетаемыхъ единовѣрцевъ и братьевъ. А изъ-за чего деремся мы теперь?

— Это господская война,—говорятъ, будто, солдаты.

Различные сектантскіе и политическіе агитаторы тоже посѣяли свое сѣмя. Наконецъ, и огромный процентъ запасныхъ въ войскахъ является большимъ зломъ. Все это люди, отставшіе отъ своего дѣла, часто уже пожилые и болѣзненные, окончательно осѣвшіе на землю или занимающіеся какимъ-нибудь промысломъ, привыкшіе къ покойной семейной жизни и постоянно, разумѣется, о ней мечтающіе. Какъ не подумать, „куда втекать?“! Немало, можетъ быть, среди нихъ и недовольныхъ, и обиженныхъ. Постоянныя голодовки послѣднихъ лѣтъ и обѣднѣніе мужика не могли не отразиться и на силѣ, и на здоровьи, и на выносливости солдата. Рядомъ съ этимъ малая образованность дѣлаетъ его часто прямо вреднымъ,—напримѣръ, въ развѣдочномъ дѣлѣ.

XXIII. — О плѣнныхъ японцахъ.

Тавагауза. 12-ое ноября 1904 г.

Сегодня я започевалъ въ 20-ти верстахъ отъ главной квартиры въ нашемъ 7-мъ подвижномъ лазаретѣ, куда пріѣхалъ верхомъ, посмотрѣть заболѣвшую сестру И. Я бы могъ уѣхать сегодня же, но мнѣ хочется еще видѣть ее утромъ, чтобы рѣшить вопросъ, нужно ли ее увозить куда-нибудь, или можно, согласно ея настойчивому желанію, оставить ее въ томъ лазаретѣ, въ которомъ она работаетъ.

Я выѣхалъ къ ней въ снѣжную метель; дорогой вѣтеръ стихъ, окрестность покрылась снѣгомъ, и воздухъ пріобрѣлъ ту необычайную чистоту, которую вдыхаешь всегда съ такимъ наслажденіемъ послѣ того, какъ небесная пыль прибьетъ къ землѣ всѣ скверныя испаренія человѣчества, слишкомъ дерзко взвивающіяся въ высь. Я любовался закатомъ: сопки, съ сѣвера окаймляющія горизонтъ, снѣгомъ не покрылись и чудно выдѣлялись на бѣломъ фонѣ персиковымъ отливомъ въ косыхъ лучахъ усталаго свѣтила...

Тавагауза — тихая деревня на Фушунской вѣткѣ желѣзной дороги, и мнѣ представляется, будто я пріѣхалъ въ гости къ сосѣду-помѣщику...

Мы все стоимъ съ японцами лобъ въ лобъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ, будто играемъ въ игру, когда два человѣка упорно смотрятъ другъ другу въ глаза, ожидая, кто первый отвернется; обѣ стороны укрѣпляются,—японцы, конечно, усиленнѣе насъ,—и кто первый двинется, долженъ будетъ уложить нѣсколько десятковъ тысячъ жизней. На дняхъ японцы попробовали сдѣлать набѣгъ на Путиловскую сопку, убили у насъ четырехъ, ранили четырнадцать, а своихъ уложили болѣе ста человѣкъ.

Кажется, „les vis-à-vis“ скоро станутъ „des amis“. По крайней мѣрѣ, уже теперь, говорятъ, есть между обѣими сторожевыми линіями колодезь, изъ котораго черпаемъ воду и мы, и японцы. Если обѣ стороны встрѣчаются у колодезя вооруженными, то стрѣляютъ,—если же нѣтъ, то мирно дѣлятся водой.

Я самъ чувствую, какъ перемѣнился къ японцамъ. Ѣхалъ я съ самыми кровожадными чувствами. Первые раненые японцы мнѣ были непріятны, и я долженъ былъ заставлять себя подходить къ нимъ такъ же, какъ къ нашимъ. Когда я видѣлъ одного японца съ отнятой рукой въ Восточномъ отрядѣ послѣ нашего отступленія отъ Холангоу, мнѣ казалось, что его большіе черные глаза съ надменнымъ торжествомъ и злорадствомъ осматриваютъ окружающую его массу нашихъ страдальцевъ, и самодовольная душа его радуется нашему позору и несчастію. Когда В. И. Немировичъ-Данченко однажды спросилъ присутствующихъ: — „А кто изъ насъ чувствуетъ непріязнь къ японцамъ?“ — я первый заявилъ, что я. Я объяснялъ это тѣмъ, что каждый нашъ солдатъ мнѣ слишкомъ близокъ, слишкомъ родной, чтобы не чувствовать непріязни къ тѣмъ, которые ему причиняютъ боль. Такъ, если бы какой-нибудь другой мальчикъ, даже мнѣ симпатичный, обидѣлъ моего сына, напримѣръ,—то даже раньше, чѣмъ я бы зналъ, кто изъ нихъ виноватъ, онъ былъ бы мнѣ непріятенъ.

Съ тѣхъ поръ я много перевидалъ раненыхъ японцевъ, видѣлъ разъ и не-раненаго. Мы ужинали на большомъ балконѣ дома Намѣстника въ Мукденѣ, когда на огонекъ пришелъ казакъ съ вопросомъ, куда отвести ему плѣннаго японца. Привели и плѣннаго. Это былъ небольшого роста, но плотно и хорошо сложенный юноша лѣтъ 16-ти, съ едва пробивающимися усиками. Онъ держалъ въ рукѣ свое кэпи, его непокрытая голова была немного опущена, и онъ исподлобья смотрѣлъ на насъ съ вели-

кимъ страхомъ. Сердце его часто билось, и весь онъ напоминалъ птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда и попавшаго въ большой человѣческій кулакъ. Мнѣ было жаль бѣднягу.

Въ Крестовоздвиженскомъ госпиталѣ видѣлъ я студента токійскаго университета, пошедшаго на войну добровольцемъ; мы сдѣлали съ нимъ shake-hands, и онъ по-англійски заявилъ мнѣ про главнаго врача госпиталя, д-ра Бутца, что онъ очень къ нему добръ. Другого я погладилъ по головѣ и нашелъ, что у него очень мягкіе волосы. Я разсказалъ объ этомъ Р.

— Какъ! — воскликнулъ онъ: — ты гладилъ голову японца?! Теперь я всегда буду здороваться съ тобой за лѣвую руку.

Теперь у меня совсѣмъ нѣтъ дурного чувства къ нимъ, и мнѣ жаль ихъ такъ же, какъ и нашихъ.

Въ Евгеніевскомъ госпиталѣ въ Гудзядзахъ лежитъ раненый японецъ, страдающій вмѣстѣ съ тѣмъ „бери-бери“. Когда онъ слышитъ это слово, онъ откликается, какъ на собственное имя, и, осклабившись, киваетъ головой.

— Итай, итай, — повторяетъ онъ во время перевязки, что̀ значитъ: — больно, больно.

Да, больно, очень больно! Пора кончать это взаимное истребленіе... Пора кончать и письмо; кругомъ меня всѣ спятъ, и ноги начинаютъ застывать.

Мукденъ. 19-ое ноября 1904 г.

Сегодня цѣлый день стрѣляли, и вообще, повидимому, намъ на-дняхъ придется принять бой — и раньше, пожалуй, чѣмъ мы ожидаемъ.

XXIV.—Возвращеніе изъ отпуска, вызваннаго тяжелой болѣзнью сына.

Челябинскъ. 20-ое февраля 1905 г.

...Въ нашемъ поѣздѣ всего четверо военныхъ: два офицера, одинъ прапорщикъ запаса и одинъ генералъ, и какъ они всѣ, бѣдные, унылы и угнетены! Какая страшная разница съ настроеніемъ генерала и офицеровъ, ѣхавшихъ со мною годъ назадъ! Тогда — бодрость и энергія, теперь — какая-то отчаянная безнадежность!

Генералъ все свободное отъ ѣды время спитъ и любитъ повторять, что это очень полезно—урвать всякую минуту для сна, если она свободна. Когда я ему представился и спросилъ, куда

онъ ѣдетъ, онъ заявилъ, что въ Мукденъ, и, несмотря на свой добродушный видъ, съ какимъ-то раздраженіемъ отчаянія прибавилъ:

— Попадусь къ вамъ подъ ланцетъ, попадусь!—какъ будто я подвелъ подъ него какія-то мины, и онъ, попавшись, имѣетъ только удовольствіе меня въ нихъ обличить.

Прапорщикъ запаса—совершенно несчастный человѣкъ: служилъ, поддерживалъ старуху-мать и, кромѣ глубочайшаго отвращенія къ войнѣ, имѣетъ не менѣе глубокое убѣжденіе, что будетъ въ первомъ же бою убитъ. Онъ очень хорошо играетъ на роялѣ, но до того разстроенъ, что, поигравъ, выбѣгаетъ изъ вагона-ресторана, не въ силахъ владѣть собой.

На какой-то станціи покупаю я открытки; ко мнѣ подходитъ офицеръ, идущій съ эшелономъ, нѣсколько навеселѣ, и спрашиваетъ:

— На войну, докторъ, ѣдете, или съ войны?

— Я туда ѣду.

— За нами, значитъ,—мрачно протянулъ онъ, и я почувствовалъ въ его тонѣ тотъ же оттѣнокъ раздраженія и отчаянія, что̀ и въ „ланцетѣ“ генерала.

По счастію, солдаты идутъ совершенно въ другомъ настроеніи — молодцами, бодрые, всѣмъ довольные, объ одномъ только просятъ: „нельзя ли газетъ?“—и расхватываютъ ихъ съ голодной жадностью и искренней благодарностью. Святые, вѣрующіе люди! Какъ же намъ-то не вѣрить?!

Чита. 1-ое марта 1905 г.

Сейчасъ прочелъ всѣ послѣднія телеграммы о паденіи Мукдена и объ ужасномъ отступленіи нашемъ къ Тельину. Не могу передать тебѣ своихъ ощущеній... Просто стонъ, громкій стонъ вырвался у меня изъ груди, и отчаяніе охватываетъ меня. Нѣтъ, рѣшительно чего-то намъ не хватаетъ, чего-то у насъ недостаетъ: у японцевъ, оказывается, и планы лучше, и силы больше, и стойкость—тоже. Отчаяніе и безнадежность охватываютъ душу... Что̀-то будетъ теперь у насъ въ Россіи...

Бѣдная, бѣдная родина!!

Харбинъ. 8-ое марта.

Какъ не хочется и трудно описать то, что̀ я здѣсь засталъ, пріѣхавъ послѣ мукденскаго боя! Напишу тебѣ объ этомъ когда-нибудь потомъ, когда пройдетъ острая боль, всѣми этими событіями причиняемая. Видно, велики силы Россіи, что ей посылаются такія испытанія.

Не хочется писать всего, что̀ слышишь, потому что все равно — съ чужихъ словъ, и слишкомъ тяжело на этомъ останавливаться...

Гунчжулинъ. 16-ое марта.

Куропаткинъ снова командуетъ своей 1-ой арміей, ставъ въ подчиненіе тому, надъ кѣмъ прежде начальствовалъ.

Рѣдко можетъ рѣзче обрисоваться все ничтожество земныхъ благъ: данныя людьми, они такъ же условны и недолговѣчны, какъ и сами люди. А какъ увлекаются ими многіе, постоянно забывая эту аксіому, и какъ часто, добравшись, напримѣръ, до власти, начинаютъ мнить себя и безсмертными, и непогрѣшимыми! Другого безсмертія имъ не нужно, законы Бога они уже давно отклонили, какъ неудобные и несвоевременные, все благополучіе свое они строятъ на людяхъ, и какимъ прочнымъ кажется имъ ихъ зданіе, а вдругъ... Сегодня—ты, а завтра—я!

Разумѣется, все это разсужденіе—характера чисто академическаго.

XXV.—Послѣ Мукдена.

19 марта 1905 г. Фандзятунь (пропздомъ).

Тяжелое наслѣдство досталось Линевичу. Отъ всѣхъ армій, какъ ходятъ слухи, осталось всего 180.000. Подсчетъ, конечно, еще очень приблизительный, такъ какъ до сихъ поръ еще понемногу отыскиваются кое-какія ча́сти. Потери,—тоже приблизительно, конечно,—высчитываютъ до 107.000! Раненыхъ и больныхъ считаютъ до 65.000, убитыхъ—тысячъ 20, остальные же оставлены или взяты въ плѣнъ. Цѣлаго полка (5-го сибирскаго) нѣтъ! Одной батареи не досчитываются вмѣстѣ со всѣми людьми, хотя всего орудій оставлено относительно немного—тридцать-одно. Японскія потери считаются тысячъ въ 120. Одинъ плѣнный японскій полковникъ говорилъ, что уже числа 24-го они считали свои потери за 100.000, такъ что ихъ оффиціальная цифра въ 50.000 или прямо фиктивна, или, какъ нѣкоторые объясняютъ, подразумѣваетъ только безвозвратно выбывшихъ изъ строя, т.-е. убитыхъ и тяжело раненыхъ.

Ты представляешь себѣ, что̀ это за погромъ, что̀ за побоище! Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли времени тысячъ сто убитыхъ и изувѣченныхъ съ обѣихъ сторонъ; ты видишь эти сто тысячъ семей безъ кормильцевъ и лучшихъ надеждъ, эти сотни тысячъ сиротъ!.. И тѣмъ не менѣе войну нельзя не продолжать, ее *необходимо* продолжать!

Четырнадцать, а въ иныхъ мѣстахъ девятнадцать сутокъ дрались наши, какъ львы, отбивая одну аттаку за другой. Не успѣвая ѣсть и спать, они переутомились до такой степени, что нѣкоторые засыпали съ ружьемъ въ рукахъ на позиціи. Подъ страшнымъ огнемъ лежали наши въ траншеяхъ и вслухъ читали „Вѣстникъ Манчжурской Арміи"! Забирали плѣнныхъ, отнимали орудія, и никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Знали объ обходѣ нашего праваго фланга, но считали его слабымъ и готовились разбить обходную колонну. Ту же участь готовили и колоннѣ, обходившей нашъ лѣвый флангъ. Но вдругъ обнаружилось, что силы, обходящія насъ, громадны, что онѣ собираются замкнуть кольцо и устроить намъ Седанъ. Былъ данъ приказъ къ отступленію... Онъ засталъ враговъ, сомкнувшихся грудь съ грудью; наши солдаты не хотѣли слушаться, начальники думали, что съ ними шутятъ. Но это была правда, грустная, ужасная правда и всѣ наши три арміи должны были вылиться изъ мѣшка, въ который попали, черезъ единственный проходъ еще не совсѣмъ закрывшагося кольца. Произошло то, что̀ происходитъ въ любомъ театрѣ, когда вся собравшаяся толпа, вслѣдствіе дѣйствительной или ложной тревоги, должна выйти изъ зданія черезъ его узкіе проходы. Произошла давка, паника; люди, находившіеся въ крайнемъ нервномъ напряженіи, совершенно обезумѣли: забыли родство, чины, душу, Бога, и только спасали свой животъ. Реакція соотвѣтствовала героизму предшествовавшихъ дней...

Чѣмъ объяснить эти явленія, какъ не патологическимъ состояніемъ, когда рядомъ съ этимъ мы знаемъ, что отъ цѣлыхъ полковъ оставалось по 100 и меньше человѣкъ, когда намъ говорятъ, что въ 24-мъ Сибирскомъ стрѣлковомъ полку, состоявшемъ изъ 2.500 человѣкъ, за время кампаніи выбыло 2.700, что изъ всѣхъ офицеровъ, начавшихъ войну, въ немъ не осталось ни *одного*, кромѣ командира, дважды тяжело контуженнаго (полковникъ Лечицкій)!..

Разумѣется, не эти и имъ подобные люди причинили панику; они только, до послѣдней крайности измотанные душой, могли поддаться ей, не въ силахъ ей противостоять. Паника, какъ всегда, началась въ безчисленныхъ обозахъ, столпившихся на одной дорогѣ въ тридцать рядовъ и попавшихъ подъ перекрестный огонь непріятеля. Обозные люди—не строевые и къ огню непривычные...

Снова, какъ всегда, поднимается вопросъ, нужно ли было отступать, или надо было продолжать бой до конца? Кто знаетъ,—

что было бы лучше? Одни говорятъ, что мы могли отлично и долго отбиваться, даже совершенно окруженные; другіе—что мы и потомъ могли всегда пробиться; но большинство, сколько мнѣ замѣтно, все-таки считаетъ, что было бы совсѣмъ скверно, если бы мы не ушли, что отступать было необходимо, что слѣдовало даже отступить раньше.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ обхода, насъ погубило еще и то, что въ центрѣ наша, если не ошибаюсь, вторая армія была прорвана непріятелемъ. Страшная песчаная метель, бившая нашимъ въ лицо и закрывавшая все непроницаемой мглой до такой степени, что сосѣда своего нельзя было различить, помогла японскому батальону прорвать наши силы. Противъ него было послано четыре батальона, но кто-то ихъ, говорятъ, по дорогѣ перехватилъ.

Конечно, какъ всегда, наши самыя большія потери были при отступленіи.

Жестоко треплются нервы съ этого самаго мукденскаго боя. Когда я пріѣхалъ 5-го марта въ Харбинъ, то онъ былъ въ томъ нервномъ состояніи, въ которое и могъ придти именно тылъ, проживній цѣлый годъ въ районѣ дѣйствующихъ армій при совершенно мирной обстановкѣ и вдругъ почувствовавшій, что онъ уже перестаетъ быть тыломъ. Всѣ стремились вонъ изъ Харбина, не чувствуя себя болѣе въ безопасности: старшій врачъ Л — скаго госпиталя Краснаго Креста просилъ отпустить его со всѣмъ инвентаремъ и ранеными, такъ какъ не считалъ возможнымъ за нихъ отвѣчать.

— Развѣ хорошо будетъ, если командиръ корпуса попадетъ у меня въ плѣнъ?!—старался онъ запугать насъ.

Другіе госпиталя просились въ самый глубокій тылъ. Собирались совѣщанія о томъ, какъ бы возможно скорѣе освободить Харбинъ отъ застрявшихъ въ немъ 22-хъ тысячъ раненыхъ и больныхъ. Со станцій, расположенныхъ къ востоку отъ Харбина, пріѣзжали врачи съ просьбой свернуть ихъ лазареты и разрѣшить имъ уйти, такъ какъ они находятся въ явной опасности и, вынужденные, въ случаѣ бѣды, эвакуироваться черезъ Харбинъ, не въ состояніи будутъ спасти свои лазареты. Генералъ Хрещатицкій пришелъ на сборный пунктъ Креста около харбинскаго вокзала и подбодрилъ врачей слѣдующей краткой, но выразительной рѣчью:

— Что вы здѣсь дѣлаете? Свертывайтесь поскорѣе и уходите!

Главнокомандующій приказалъ всѣмъ госпиталямъ Краснаго

Креста, расположеннымъ къ югу отъ Харбина, перейти въ тылъ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ распоряженіе это было исполнено, такъ какъ нужно было увеличить количество больничныхъ мѣстъ въ сѣверо-западномъ и отчасти въ сѣверо-восточномъ районахъ, съ которыми мы и подѣлились. Евангелисты и проф. Мантейфель выбрали себѣ прекрасное мѣстечко на Хинганѣ, станцію Джаллантунь, куда и перенесли свои госпиталя, оставивъ въ Гунчжулинѣ только походное и безусловно необходимое для продолженія госпитальной работы оборудованіе; нѣкоторымъ и харбинскимъ госпиталямъ были найдены мѣста въ сѣверо-западномъ районѣ, куда съ этой цѣлью была командирована цѣлая коммиссія.

Однако, оставлять югъ безъ нашихъ госпиталей намъ казалось немыслимымъ, особенно въ виду возможности боя, и на засѣданіи подъ предсѣдательствомъ генерала Трепова мы просили его ходатайствовать передъ Главнокомандующимъ, чтобы онъ разрѣшилъ Кресту оставить на мѣстахъ госпиталя отъ Харбина до Куанчендзы включительно. Ѳ. Ѳ. Треповъ, самъ этому сочувствовавшій, выхлопоталъ намъ это, а также удовлетвореніе другой просьбы—оставить три госпиталя въ Гунчжулинѣ и открыть одинъ въ Годзяданѣ.

Тѣмъ временемъ эластическій русскій духъ нашъ, которому такъ дивятся иностранцы, сталъ, какъ Ванька-встанька, снова подыматься. Впечатлѣніе Мукдена стало отходить въ привычное прошлое; стали подходить тысячи людей, считавшихся пропавшими безъ вѣсти; все болѣе и болѣе выяснялось, что японцы не хотятъ или не могутъ на насъ наступать. Раненые усиленно эвакуировались, Харбинъ постепенно пустѣлъ, врачи перестали говорить объ отвѣтственности за безопасность своихъ больныхъ, а тѣ, которымъ, согласно ихъ же желанію и намѣченной на этомъ основаніи программѣ, было предложено переѣхать въ глубокій или близкій тылъ, вдругъ рѣшительно запротестовали.

Не считая подвижныхъ госпиталей и лазаретовъ, раскинутыхъ у насъ по всѣмъ тремъ арміямъ, намъ удалось по желѣзной дорогѣ продвинуться и южнѣе Годзяданя, даже до самой крайней, бывшей въ нашемъ распоряженіи, станціи, т.-е. до Сыпингая (Богородицкій госпиталь), ибо японцы сидѣли смирно, а мы ждали все прибывавшихъ войскъ.

Настроеніе настолько измѣнилось, что при одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ посѣщеній нашихъ госпиталей въ Гунчжулинѣ Главнокомандующій, замѣтивъ, что въ одномъ изъ нихъ нѣкоторая недостача кроватей, и узнавъ, что онѣ отосланы въ тылъ, сказалъ:

— Зачѣмъ же?! Верните ихъ, непремѣнно, сейчасъ же верните!

XXVI. — Въ Гунчжулинѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Гунчжулинъ, тотъ самый Гунчжулинъ, который еще такъ недавно — осенью — своими идиллическими картинами съ пасущимися гусями и маленькими дѣвочками, въ видѣ женщинокъ, съ платкомъ на плечахъ, бѣгавшими въ лавочку, при чисто деревенской тишинѣ, — производилъ впечатлѣніе такого тыла, что не только забывался громъ орудій, но получалось впечатлѣніе, будто ни одинъ воинственный звукъ никогда не нарушитъ здѣсь людского благополучія, — этотъ самый Гунчжулинъ уже оказался совершенно зараженнымъ боевой эпидеміей и старался загримироваться Ляояномъ. Конечно, ему это трудно удавалось, такъ какъ новый Главнокомандующій предпочелъ ему маленькую, никому неизвѣстную станцію, брошенную въ необитаемой пустынѣ, подъ пригоркомъ, и называемую Годзяданемъ, или, какъ нѣмцы перекрестили ее: „Gott sei Dank“. Но всѣ штабы и канцеляріи, расположенные нѣкогда въ Ляоянѣ, ютились теперь въ Гунчжулинѣ. Впослѣдствіи Гунчжулинъ образовался въ совсѣмъ милый городокъ.

Главную прелесть его составляетъ только-что отстроенная великолѣпная желѣзнодорожная больница, въ отдѣльныхъ зданіяхъ которой и размѣстились наши госпиталя: Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Евангелическій, теперь еще и Голубевскій имени Принцессы Е. М. Ольденбургской. Къ моему пріѣзду въ этихъ же зданіяхъ, покинутыхъ Финляндскимъ лазаретомъ, отчасти и двумя первыми, расположились уже и канцелярія, и общежитія наши.

Началось это тяжелое томленіе между жизнью и смертью, между миромъ и войной. Назначались дни боевъ, шли усиленныя приготовленія, и рядомъ съ этимъ уже печатались извѣстія о подготовительныхъ работахъ къ мирнымъ переговорамъ. Впрочемъ, объ этомъ стали писать только послѣ цусимскаго боя.

XXVII. — Цусимскій бой.

О, этотъ бой, эта несчастная эскадра!

Было время, что о ней всѣ забыли и перестали ею совсѣмъ интересоваться. Идетъ ли она впередъ или назадъ,—не все ли

это было равно: отъ нея никто ничего не ждалъ. Но, вотъ, появилась она въ японскихъ водахъ и заставила о себѣ заговорить. Вдругъ сразу все забылось: и слабосильность ея, и малочисленность, и вся безнадежность ея предпріятія. Неожиданный успѣхъ первой ея задачи — *придти* — вскружилъ головы и вызвалъ у насъ ничѣмъ, въ сущности, необоснованныя надежды, а у японцевъ—страхъ. О, отчего мы тогда не заключили мира?!

...Послѣ обычныхъ ложныхъ слуховъ пришла вѣсть о состоявшемся боѣ, вѣсть, подтверждавшаяся и морскимъ штабомъ Главнокомандующаго. Но моряки умѣли держать секретъ, никакихъ подробностей не передавали и намекали только на то, что потери наши оказались меньше, чѣмъ можно было думать.

Эскадра наша ожидалась во Владивостокѣ. Городъ украсился, приготовлена музыка, населеніе ликуетъ, Красный Крестъ пріѣхалъ встрѣчать раненыхъ. Наконецъ, приходитъ „Алмазъ“! Грянула музыка, летятъ цвѣты, раздается „Jubelgeschrei“...

Вдругъ — тсс...: на „Алмазѣ“ — покойникъ... А гдѣ же другіе?

Тихо, струйками начинаетъ пробиваться шопотомъ зловѣщій слухъ.... Но нѣтъ, вонъ множество дымковъ, эскадра идетъ, вотъ она уже видна... но... японская! Зловѣщій слухъ, ужасный слухъ подтвердился.

Рядъ дней и рядъ ночей приносили съ собой все новыя и новыя подробности, надъ которыми наши моряки не разгибали своихъ спинъ, дешифрируя слово за словомъ, букву за буквой, леденящія и разрывающія душу телеграммы, и заливая ихъ горячими слезами по роднымъ, товарищамъ, по своемъ флотѣ, по тяжко раненой родинѣ...

Я не былъ во Владивостокѣ и не дешифровалъ телеграммъ, но знаю все, что̀ пишу, по разсказамъ очевидцевъ, и, даже сидя въ Гунчжулинѣ, былъ совершенно убитъ. У меня спрашиваютъ попрежнему о томъ и о другомъ, я отдаю распоряженія, но съ такимъ чувствомъ, будто я хлопочу для покойника, которому больше ровно ничего не нужно... Надо одѣть его въ мундиръ? Ахъ, да! надо его одѣть, но не все ли равно—во что̀,—мундиръ, армякъ, сюртукъ, халатъ,—не все ли это равно?! Его ужъ нѣтъ...

XXVIII. — Передъ миромъ.

Каталинза. 18-го августа 1905 г.

Мы пили дневной чай въ большомъ шатрѣ-столовой лазарета Великаго Князя Андрея Владиміровича, въ пріятной тишинѣ счаст-

ливой домашней обстановки, когда къ самой палаткѣ нашей подъѣхалъ верхомъ К. и, не слѣзая съ коня, крикнулъ намъ голосомъ, въ которомъ слышалось, что все пропало и спасенья нѣтъ:

— Миръ, миръ!

Совершенно убитый, войдя въ палатку, онъ бросилъ свою фуражку на землю.

— Миръ!—повторилъ онъ, опускаясь на скамейку.—Сейчасъ я читалъ телеграмму начальнику штаба корпуса: японцы согласились на всѣ наши условія.

Всѣ приняли извѣстіе это молча, какъ будто оно касалось буровъ, но не насъ. Ясно было, что въ нашемъ обществѣ не нашлось полнаго единомышленника К., но настроеніе его было слишкомъ опредѣленное, чтобы кто-нибудь рѣшился выдать свое. Чувство удовлетворенія меня, однако, охватило настолько, что я сказалъ хозяйкѣ:

— Слышите, японцы согласились на всѣ наши условія.

К. сдѣлалъ жестъ досады.

— Ты слишкомъ гуманенъ, слишкомъ любишь и жалѣешь насъ, потому ты и радуешься,—сказалъ онъ мнѣ.

— Да, я очень жалѣю каждаго изъ васъ,—отвѣтилъ я. Но вѣстникъ мира не могъ больше держаться: схвативъ чужую фуражку, онъ убѣжалъ и разрыдался, какъ ребенокъ. Его реакція на миръ вполнѣ соотвѣтствовала его постояннымъ о немъ сужденіямъ, и, слушая его, я даже въ самыя малодушныя минуты мѣнялъ свое мнѣніе и говорилъ себѣ: да, мы должны продолжать войну.

Этотъ вопросъ о войнѣ и мирѣ обсуждается здѣсь горячо съ самаго мукденскаго боя, становясь все острѣе и больнѣе, и за послѣдніе три мѣсяца измоталъ, казалось, и тѣ немногія душевныя силы, какія у кого изъ насъ остались.

Тяжелое это было время, если оно дѣйствительно кончилось,—тягучее и болѣе даже, можетъ быть, мучительное въ душевномъ смыслѣ, чѣмъ періоды боевъ. Мучились и тѣ, кто были за войну, и тѣ, кто были за миръ, мучились неизвѣстностью, неопредѣленностью и страхомъ за то, что вопросъ разрѣшится не такъ, какъ они считали это необходимымъ,—кто въ интересахъ родины, кто—чисто въ личныхъ.

Большинство, однако, изъ настроенныхъ воинственно, считаютъ, что мы сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и такъ увѣрены въ побѣдѣ, что не могутъ примириться съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій именно теперь.

Но, спрашиваемъ мы ихъ, какая гарантія, что мы дѣйстви-

тельно сильнѣе японцевъ или не надѣлаемъ въ предполагаемомъ бою тѣхъ же ошибокъ, которыя оказались для насъ столь гибельными? Гарантіи, однако, никто не даетъ; они вѣрятъ, они чувствуютъ,—я и самъ вѣрю и чувствую,—но развѣ не вѣрили мы и не чувствовали того же самаго и передъ Ляояномъ, и передъ Мукденомъ?! Развѣ не желали страстно иные, чтобы японцы пошли на Ляоянъ?! Мы получили, правда, массу новыхъ войскъ, которыя шли и идутъ теперь изъ Россіи непрерывной волной; правда, это идутъ уже не полубольные пожилые бородачи, а идетъ все молодежь, добровольцы, по жребію,—даже не запасные, а состоящіе на дѣйствительной службѣ,—но не попадаютъ ли именно они въ особенно большомъ количествѣ въ лазареты и госпиталя, откуда такъ неохотно выписываются? Не говорятъ ли, что среди этой добровольной молодежи не мало элементовъ, пришедшихъ съ опредѣленной цѣлью растлѣвать армію и возстановлять ее противъ продолженія войны? Кто можетъ утверждать, что война стала хоть сколько-нибудь въ войскахъ популярнѣе? Во время переговоровъ въ Портсмутѣ газеты и телеграммы раскупались солдатами съ особой любознательностью; газета называлась хорошей, если она давала шансы на миръ, и нехорошей, если болѣе похоже было на возможность разрыва. Быть можетъ, въ сравненіи съ общей массой войскъ это было настроеніе меньшинства, но объ этомъ слышно было съ разныхъ сторонъ, а разсказовъ противоположнаго направленія не было вовсе. Намъ говорятъ, что войска хотятъ драться,—а развѣ не доходятъ до насъ сѣтованія, что бой хотятъ дать только для того, чтобы какимъ-нибудь лишнимъ милліардомъ рублей меньше заплатить?

— Что-же, жизни-то наши не стоятъ развѣ этого милліарда?! логично задаютъ вопросъ иные.

Ты, разумѣется, не заподозришь меня въ сочувствіи всѣмъ малодушнымъ рѣчамъ истомленныхъ душой и тѣломъ людей,— однако, при обсужденіи вопроса, желательно или нежелательно продолженіе войны, нельзя эти печальныя явленія не принимать въ соображеніе.

Но допустимъ даже, что мы дали бой и одержали блестящую побѣду,—будемъ ли мы дальше добивать врага, до полнаго уничтоженія его арміи, какъ онъ уничтожилъ флотъ нашъ, или мы закончимъ на этомъ споръ, чтобы только послѣднее слово было за нами? Я не говорю, конечно, что Россіи нуженъ миръ во что бы то ни стало, что она должна принять условія, которыя вздумала бы ей предписывать Японія. Избави Богъ! Если бы

она не уступила нашимъ требованіямъ, то пусть знала бы вся Россія, что непріятель добивается униженія нашей родины, и тогда, надо надѣяться, она подняла бы брошенную ей перчатку и вся приняла бы участіе въ самой отчаянной, остервенѣлой борьбѣ за свою честь. Если же Японія, въ страхѣ передъ новымъ боемъ и нашей силой, пошла на все, чего мы желали,— почему каждому гражданину земли русской не радоваться?

Но К. думаетъ иначе. Онъ задается вопросомъ, какъ мы безъ побѣды вернемся домой, и уже представляетъ себѣ, что всякій прохожій будетъ считать себя въ правѣ оскорблять насъ, корить и чуть ли не смѣяться надъ нами.

Я понимаю чувство, которое въ немъ говоритъ, и самъ все время повторялъ, что *чувство* требуетъ продолженія войны, тогда какъ *разумъ* желаетъ ея прекращенія. Я понимаю и уважаю чувство неудовлетворенія, которое можетъ и должно быть въ душѣ каждаго нашего офицера и солдата, вынужденнаго положить оружіе, ни разу не ощутивъ подъ его ударами сломленной силы непріятеля. Понимаю, что и блестящій миръ, который можетъ радовать его, какъ гражданина, долженъ огорчать его, какъ воина, еще не использовавшаго всю свою силу и сознающаго всю горечь пережитой войны, ничѣмъ не нейтрализованную и не сдобренную. Каюсь, мнѣ было бы симпатичнѣе, чтобы первая реакція въ душѣ нашего солдата на извѣстіе о заключеніи мира была не крикъ „ура“ или крестное знаменіе съ облегченнымъ вздохомъ: „слава Богу!“ (какъ это я пока повсюду наблюдалъ),—даже безъ всякихъ справокъ объ условіяхъ,—а по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторое состояніе досады и краткаго обалдѣнія, какъ у промахнувшагося охотника, которому собака все-таки приноситъ дичь, но подстрѣленную сосѣдомъ. Пусть послѣ этой первой минуты непосредственной реакціи онъ быстро образумится, вспомнитъ, что теперь можетъ успокоиться его многострадальная неповинная родина, что жена и дѣти его снова получатъ своего кормильца, а онъ увидитъ и обниметъ ихъ, которыхъ считалъ уже навѣки у него отнятыми,— и порадуется; но это первое инстинктивное ощущеніе укола отъ словъ: „миръ заключенъ“, означающихъ для него: „брось, ты все равно больше не можешь“,—о! я бы его уважалъ и оцѣнилъ, хотя и сознаю, что его отнюдь нельзя требовать. Думаю даже, что отсутствіе такой реакціи служитъ доказательствомъ того, что пора кончать.

Въ глубинѣ души я всецѣло присоединяюсь къ заключительнымъ словамъ славнаго санитара Бараева, который дорогой между Маймайкаемъ и Бамьянченомъ разспрашивалъ меня объ условіяхъ

преждевременно возвѣщеннаго мира и котораго я спросилъ, доволенъ ли онъ: „Все-таки для Россіи позорецъ небольшой есть“. Я сомнѣваюсь, чтобы въ какой-нибудь русской душѣ не было хоть оттѣнка этого чувства. Недаромъ простыя наши бабы, которыя вообще, на мой взглядъ, послѣ искалѣченныхъ войной (убитыхъ не считаю, ибо, какъ всегда, склоненъ думать, что они—наиболѣе счастливые), являются болѣе всего пострадавшимъ элементомъ въ нашемъ отечествѣ, говорили послѣ цусимскаго боя, что „развѣ можно съ имъ мириться, когда онъ нашъ флотъ уничтожилъ“. Онѣ больше теряли родныхъ въ бояхъ сухопутныхъ, но только морскимъ побоищемъ задѣлъ японецъ ихъ національное чувство. Оно, разумѣется, задѣто у каждаго, и только дѣйствительно тяжелое переутомленіе и перенапряженіе помогаютъ быть благоразумными, желать конца и утѣшаться блестящимъ успѣхомъ мирныхъ переговоровъ, благодаря которымъ истощенная Японія, повидимому, больше проиграла отъ своей побѣдоносной войны, чѣмъ выиграла.

Но кто помогъ этому успѣху? Рузевельтъ? Европа? Я не сомнѣваюсь, что этотъ „gentleman“ и эта старая „lady“ были хорошими помощниками при рожденіи непропорціональнаго ребенка, оказавшагося мальчикомъ и нареченнаго „Миромъ“. Несомнѣнно, эти добрые спеціалисты имѣли тоже, вопреки наукѣ и обычаю, огромное вліяніе на полъ новорожденнаго, но силы, на которыя и они разсчитывали, силы, на которыя опирался и Витте,—все-таки наша славная, доблестная армія, явившая чудеса стойкости и самоотверженія, показавшая и непріятелю, и всему міру, *на что* она способна, и послѣ каждаго, сколько бы оно ни было несчастнымъ, дѣла, какъ гидра лернейская, становившаяся все болѣе и болѣе многоголовой и грозной.

Я помню и никогда не забуду, какъ, въ началѣ мая, ко мнѣ пріѣхалъ въ Гунчжулинъ старшій врачъ одного изъ летучихъ отрядовъ, Т., большой молодчина, отовсюду всегда уходившій послѣднимъ, неоднократно бывавшій въ самыхъ опасныхъ передрягахъ, но никогда объ этомъ не болтавшій направо и налѣво. Еще совсѣмъ молодой человѣкъ, онъ, благодаря своей крупной фигурѣ и большой черной бородѣ, производилъ впечатлѣніе богатыря, и въ черной мягкой шляпѣ на густыхъ длинныхъ волосахъ мнѣ всегда представлялся похожимъ на Вильгельма Телля. И вдругъ этотъ Телль пріѣзжаетъ ко мнѣ и заявляетъ, что онъ больше не можетъ, что онъ долженъ уѣхать, потому что усталъ до послѣдней крайности. Если это говоритъ Т., то—я понималъ — оставалось только помочь ему скорѣе уѣхать, хотя бы

изъ одной признательности за его необыкновенную самоотверженную работу. Поэтому я не сталъ отговаривать его, только спросилъ, не рѣшаясь настаивать, какъ это онъ хочетъ уѣзжать почти наканунѣ боя, ожидавшагося числа седьмого.

— Да никакого боя не будетъ,—спокойно отвѣчалъ онъ.

— Почему же вы такъ думаете, вѣдь всѣ ожидаютъ,—возражаю я.

— Но какъ же онъ можетъ быть?—говоритъ Т.:—вѣдь мы наступать еще не можемъ, а японцы не станутъ, потому что убѣдились, что они насъ побѣдить не могутъ.

Я чуть не вскочилъ съ кресла, чтобы обнять и поцѣловать этого молодчагу за его прекрасный объективный отвѣтъ русской души и за твердость и убѣжденность его тона.

Да, онъ совершенно правъ: несмотря на всѣ неудачи, на цѣлый рядъ ошибокъ отдѣльныхъ лицъ, на всѣ недочеты общей организаціи, на вопіющіе пробѣлы въ предшествовавшей войнѣ,—наша армія все-таки доказала еще разъ свою непобѣдимость. Я горячо возражаю, поэтому, пессимистамъ, говорящимъ, что насъ били, насъ гнали, что имъ совѣстно будетъ вернуться въ Россію и нельзя будетъ тамъ прямо смотрѣть людямъ въ глаза. Какъ это несправедливо и обидно за тысячи ихъ товарищей, легшихъ костьми около нихъ, за десятки тысячъ самоотверженныхъ, темныхъ умомъ, но свѣтлыхъ душой, нашихъ солдатиковъ, беззавѣтно и безропотно отдавшихъ жизнь свою за доброе имя этой самой Россіи! Какъ можно допускать мысль, что она можетъ считать себя въ правѣ бросить камень въ свою армію?! Если насъ били, то мы каждый разъ били вдвое; если мы уходили, то не потому, что насъ откуда-нибудь выгоняли, а по тѣмъ или другимъ, можетъ быть, вѣрнымъ, а, можетъ быть, и ошибочнымъ, теоретическимъ соображеніямъ.

Нѣтъ, съ высоко поднятой головой долженъ вернуться въ отчизну русскій воинъ, и *родина* должна склонить передъ нимъ голову,—голову повинную, что покинула его на далекой чужбинѣ, что предоставила ему одному расхлебывать кашу, а сама, ворча и критикуя, принялась за стирку накопившагося дома грязнаго бѣлья. Благодарнымъ сердцемъ и благоговѣйной душой должна она полетѣть ему навстрѣчу и поскорѣе постараться залечить и успокоить раны его тѣлесныя и духовныя, насъ ради и нашего ради спасенія принятыя имъ, и съ адскимъ огнемъ, и съ миртовой вѣтвью... Я благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ самому убѣдиться во всемъ, что̀ я говорю, и говорить такъ, допустивъ пережить и прочувствовать все это.

Конечно, исторія не должна быть и не будетъ пристрастна; она выдѣлитъ ошибки и скажетъ, кто въ нихъ виноватъ, и тогда эти ошибки послужатъ намъ на пользу. Мнѣ представляется даже очень благопріятнымъ, что мы не кончили побѣдоноснымъ бравурнымъ аккордомъ: онъ покрылъ бы всѣ фальшивыя ноты, и снова мы, самодовольные, заснули бы на лаврахъ. Теперь же, сохранивъ въ душѣ всю боль и остроту отъ нашихъ ошибокъ, мы можемъ и должны исправиться, должны и будемъ совершенствоваться,—именно потому, что мы сохранили ее. Надо намъ работать, много и сильно работать!

XXIX.—Миръ.

Саншилоу. 26-ое августа.

Итакъ, у васъ миръ, а у насъ еще нѣтъ. Только сегодня полученъ здѣсь приказъ Главнокомандующаго прочесть повсюду телеграмму Государя о томъ, что онъ принялъ предварительныя мирныя условія,—но до сихъ поръ, хоть струйками, а все еще лилась у насъ кровь, и каждую ночь ходили на развѣдки.

Мы давно читали телеграмму Витте, со всѣхъ сторонъ слышимъ, что миръ заключенъ, что подписано перемиріе, но до сегодняшняго вечера въ нашей глухой деревнѣ Тунъ-Кассія, резиденціи начальника отряда, князя Орбеліани, больше говорилось о войнѣ и ея продолженіи.

— Чтò, будетъ миръ?—спрашиваетъ князь одного изъ всадниковъ.

— Нэтъ, нэ будитъ,—отвѣчаетъ тотъ.

— Значитъ, война будетъ?

— Нэтъ, и война нэ будитъ.

— Чтò же будетъ тогда?

— Тэлэграммъ будитъ.

Онъ оказался глубоко правъ; телеграмма пришла, и мы все-таки чувствуемъ себя на войнѣ и не видимъ мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что война кончена, ибо подписанъ миръ. Продолжается эта мучительнѣйшая тягучка, здѣсь, въ самыхъ передовыхъ частяхъ, особенно сильно и тяжело ощутимая.

Понемногу выясняются и невеселыя подробности мирнаго договора: Сыпингайскія позиціи, весьма сильныя и хорошо укрѣпленныя, тѣ самыя, про которыя Линевичъ говорилъ: „Сыпингай я не отдамъ“,—Витте отдалъ. Не знаю, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, почему уступилъ онъ эти послѣднія, какъ нѣкоторые

утверждаютъ, позиціи передъ Харбиномъ, вмѣстѣ съ линіей желѣзной дороги до Куанченцзы, вмѣстѣ съ милымъ Гунчжулиномъ,—словомъ, хорошій кусокъ пути, еще не пройденный и не заработанный японцами? Что получили мы въ обмѣнъ? Почему же говорилъ онъ, что отдалъ только ту часть дороги, которую японцы завоевали?

Конечно, „la critique est aisée“, но вѣдь, въ сущности, мы все-таки еще очень мало что знаемъ объ условіяхъ мира, и обрадовались ему только, какъ люди съ едва-едва заживающими ранами, боявшіеся, что вотъ-вотъ получатъ по нимъ новые удары, и заручившіеся, наконецъ, послѣ долгой, мучительной душевной волокиты, увѣренностью, что этого не будетъ; мы поступили, можетъ быть, такъ же неосновательно и преждевременно, какъ и японцы, негодовавшіе на тѣ же, тоже неизвѣстныя имъ, условія мира. Теперь они, подсчитавъ свои выгоды, успокоились, а мы... притихли, и каждый чувствуетъ, какъ санитаръ Бараевъ: „позорецъ есть“.

XXX.—Красный Крестъ начинаетъ свертываться.

3 сентября. Гунчжулинъ.

...Изъ Каталинзы я переѣхалъ на 84-й разъѣздъ, откуда очень счастливо, по только-что установившейся конкѣ „Дековилькѣ“, перескочилъ въ Маймайкай. Я былъ въ симпатичномъ Вятскомъ отрядѣ, когда вдругъ приходитъ извѣстіе, что старшій врачъ 5-го С.-Петербургскаго летучаго отряда, П. П. А., отпустившій и второго врача, и обоихъ студентовъ, оставшійся, слѣдовательно, совершенно одинъ, — заболѣлъ тифомъ. Надо тебѣ сказать, что мы только-что потеряли двухъ врачей и двухъ сестеръ отъ брюшного тифа и одного студента отъ тяжелаго воспаленія кишекъ, и во всѣхъ случаяхъ у меня осталось впечатлѣніе, что они не выдержали своей болѣзни, можетъ быть, оттого, что продолжали работать больными и переутомили себя. Что могъ, я сдѣлалъ и для нѣкоторыхъ изъ нихъ, но, къ сожалѣнію, каждый разъ узнавалъ о болѣзни слишкомъ поздно.

Ты конечно, понимаешь, какъ взволновался я поэтому извѣстіемъ о болѣзни этого прелестнаго, скромнаго, добросовѣстнѣйшаго, симпатичнѣйшаго и доблестнаго нашего труженика. Я живо представилъ себѣ, какъ онъ, заброшенный въ самыя далекія передовыя позиціи, одинокій, больной, ходитъ, осматриваетъ больныхъ, — самъ, можетъ быть, болѣе слабый,

чѣмъ они... Забывъ свои немощи, я сѣлъ на коня и пустился въ только-что еще казавшійся такимъ труднымъ и далекимъ, шестидесятиверстный путь. Къ вечеру я пріѣхалъ въ Бамьянченъ,—стоящій приблизительно на полпути,—гдѣ расположенъ нашъ 1-ый С.-Петербургскій летучій отрядъ, а на слѣдующее утро въ 7 час. я уже опять былъ на конѣ. Лошадь попалась мнѣ мягкая, удобная, я съ удовольствіемъ снова втягивался въ этотъ пріятный способъ передвиженія, когда такъ наслаждаешься природой и такъ хорошо думается... Въ одиннадцатомъ часу я пріѣхалъ въ Саншигоу къ А. и нашелъ его блѣднымъ, слабымъ и сильно исхудавшимъ...

По счастью, врачъ и сестра военнаго полутранспорта вели его больныхъ, но онъ все-таки вставалъ и хлопоталъ по своему отряду. Я тотчасъ же уложилъ его и сталъ устранять отъ всего, замѣняя его во всѣхъ, оставшихся на немъ, мелочахъ и радуясь тому, что я могу служить и помогать хоть одному изъ тѣхъ многихъ и невидныхъ работниковъ, трудомъ, энергіей и самоотверженностью которыхъ стояло, двигалось и было сильно наше дѣло на войнѣ.

Когда А. сталъ поправляться, я, сдавъ остающихся больныхъ и часть имущества (бѣлье, лекарства) военнымъ врачамъ, свернулъ отрядъ, положилъ на вьючныя носилки А. и одного изъ санитаровъ, тоже продѣлавшаго тифъ и умолявшаго не отрывать его отъ своего старшаго врача,—и двинулся въ путь, благословляемый съ неба легкимъ дождичкомъ...

Такъ началъ Красный Крестъ свое возвращеніе на родину: послуживъ всѣмъ, чѣмъ онъ могъ, отдавъ святому дѣлу своему все, чѣмъ обладалъ,—послѣднія силы и здоровье,—онъ бѣдные остатки свои положилъ на щитъ и „со щитомъ“ пошелъ домой.

Это было 28-го августа, въ тотъ день, когда у насъ объявили о прекращеніи военныхъ и враждебныхъ дѣйствій.

Военные врачи часть пути провожали нашу трогательную процессію, лишній разъ доказывая, вмѣсто раздутаго пресловутаго антагонизма двухъ вѣдомствъ, дружескую и братскую между ними связь во врачахъ.

Дождь сопровождалъ насъ всю дорогу, такъ что стало сыро и свѣжо. На серединѣ пути мы въ полѣ остановились, чтобы покормить лошадей. Надо было покормить и А., а мнѣ хотѣлось еще дать ему возможность полежать въ сухомъ мѣстечкѣ.

Около самаго мѣста нашей стоянки была какъ-то изолированная отъ всей близлежащей деревни аккуратная фанза, въ которую я смѣло пошелъ за пріютомъ. Во дворѣ красиво цвѣли

бѣлыя съ яркими розовыми полосами „belles de jour“, во внутреннемъ дворикѣ тоже были цвѣты, и все было аккуратно и чисто. Навстрѣчу мнѣ и санитару вышелъ хозяинъ съ бородкой клинышкомъ и интеллигентнымъ лицомъ. Я объяснилъ ему, что намъ нужно: „мало-мало сиди-сиди, и мало-мало кушъ-кушъ“, и пошелъ въ его мужскую половину. Но онъ не согласился на это, перевелъ туда всѣхъ „мадамъ“ и дѣтей, а намъ предоставилъ ихъ половину, чистую, прибранную, съ тюфяками, ковриками и подушками на канахъ. Когда онъ увидалъ у А. повязку съ краснымъ крестомъ, онъ показалъ рюмку и сказалъ:

— „Моя тайфу“,—что̀ означало, что онъ—докторъ. Я объяснилъ тогда, что А. „мало-мало ломайло“, т.-е. немного боленъ, и онъ сталъ очень за нимъ ухаживать и заварилъ намъ чуднаго цвѣточнаго чая. Съ своей стороны, мы налили ему вина, но онъ сказалъ, что „ханшинъ мэю“—значитъ: онъ не пьетъ водки,—отлилъ себѣ вина въ рюмку, остальное предложилъ выпить молодому китайцу, который сказалъ, что это не ханшинъ, а „хау, хау“,—и очень похвалилъ. Тогда хозяинъ представилъ намъ свою жену, сказавъ: „моя мадамъ“, которая протянула намъ руку. Я далъ ей и другимъ женщинамъ и дѣтямъ, которыя постепенно вернулись въ свою комнату, по куску хлѣба съ сардинкой, но онѣ всѣ куда-то унесли это угощеніе, и я не знаю, ѣли ли. Вѣроятно, имъ это такъ же подозрительно и неаппетитно, какъ намъ ихъ пища. Когда одинъ русскій сказалъ какъ-то китайцу, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что отъ нихъ нехорошо пахнетъ (съ ногъ сшибательный запахъ чеснока и бобоваго масла), онъ, находясь въ дурномъ, но откровенномъ настроеніи, горячо ему отвѣтилъ:

— А вы думаете, отъ васъ не пахнетъ? Да какъ еще! и очень непріятно.

Мы растворили шоколадъ Gala-Peter и предложили нашему коллегѣ, но онъ не рѣшился его попробовать. Когда, однако, женщины и молодежь его дома съ удовольствіемъ стали пить шоколадъ, онъ взялъ свою чашку, поднесъ ее ко лбу, помолился, молча, надъ ней и сталъ пить. Напитокъ ему понравился, и онъ допилъ его до конца. Зато, когда я угостилъ ихъ арбузомъ,—колебаній не было, и они уплетали его всѣ наперерывъ.

Такимъ образомъ, и китайскій, и русскіе „тайфу“ остались очень довольны другъ другомъ.

Благополучно и счастливо прошло также и все наше путешествіе съ милымъ А. до самаго Маймайкая.

Здѣсь я оставилъ своихъ больныхъ въ Вятскомъ лазаретѣ,

въ который стремился А., а самъ, простившись съ отрядами 2-ой арміи, пустился въ послѣдній объѣздъ нашихъ учрежденій арміи 1-ой и 3-ьей, изъ которыхъ нѣкоторыя уже свернулись, другія—свертываются, а третьи ожидаютъ своей очереди.

Это первые шаги мои, по направленію къ вамъ, домой...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	III
I.—Въ пути	1
II.—Въ Харбинѣ	5
III.—Въ Ляоянѣ	10
IV.—Первые раненые	11
V.—Послѣ Тюренчена	14
VI.—Передъ боемъ подъ Вафангоу	17
VII.—Въ бою подъ Вафангоу	19
VIII.—Отступленіе отъ Вафангоу	26
IX.—Послѣ Вафангоу	30
X.—Смерть есаула Власова	31
XI.—Смерть ген. Келлера и отступленіе отъ Холангоу	33
XII.—Въ Восточномъ отрядѣ	37
XIII.—Въ ожиданіи боя	43
XIV.—Въ Евгеніевскомъ госпиталѣ	46
XV.—Врачи на войнѣ	50
XVI.—Бомбардировка Ляояна	52
XVII.—Эвакуація Ляояна	55
XVIII.—Отступленіе отъ Ляояна	60
XIX.—Разъѣздъ № 101	64
XX.—Эвакуація станціи Шахэ	66
XXI.—Наступленіе на рѣкѣ Шахэ	69
XXII.—Послѣ наступленія	73
XXIII.—О плѣнныхъ японцахъ	75
XXIV.—Возвращеніе изъ отпуска, вызваннаго тяжелой болѣзнью сына	77
XXV.—Послѣ Мукдена	79
XXVI.—Въ Гунчжулинѣ	83
XXVII.—Цусимскій бой	—
XXVIII.—Передъ миромъ	85
XXIX.—Миръ	90
XXX.—Красный Крестъ начинаетъ свертываться	91

609

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
Н. ТРУХАЧЕВА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
Офицерская 8